

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС

ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ, ИННОВАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ

ФОНД РУССКИЙ МИР

МАТЕРИАЛЫ

IV Международной научной конференции

**Донецкие чтения 2019: образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности**

Донецк
31 октября 2019 г.

Том 4

ч. 1

**Филологические науки.
Культура и искусство**

Дорогие коллеги!

Сборник материалов Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» является 9-томным изданием, включающим 13 книг. Труды конференции охватывают разнообразные направления фундаментальных и прикладных исследований в области естественных, технических и социально-гуманитарных наук. Они представляют широкий спектр новых научных результатов, полученных учеными Донецкого национального университета, многих других вузов и научных учреждений Донецкой и Луганской Народных Республик, а также специалистами целого ряда стран Европы и Азии – Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Сербия, Республики Узбекистан, Республики Южная Осетия, Туркменистана, Федеративной Республики Германия, Эстонской Республики. Значительная часть представляемых результатов получена в итоге совместных исследований ученых ДНР и других стран-участниц.

Девиз, под которым проходит конференция – «Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры». Он отражает новый уровень и перспективы расширения сотрудничества, обмена мнениями и творческого взаимодействия ученых, педагогов, деятелей культуры и искусства Донецкой Народной Республики в качестве полноправных представителей научно-образовательного пространства Русского мира с коллегами из многих уголков земного шара. Выражаю уверенность, что наша совместная работа во время конференции внесет свой вклад в сокровищницу научных знаний, будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию творческих контактов и дружеских связей!

Ректор,
доктор физико-математических
наук, профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

IV Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 4

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ. КУЛЬТУРА
И ИСКУССТВО**

Часть 1

Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
31 октября 2019 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2019

ББК Ш.я431 + Ч11я431 + Щ.я431
УДК 8+008+7(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
В.А. Дубровина, В.И. Сторожев, А.Г. Удинская, Н.Е. Гапотченко

Д672 Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 4: *Филологические науки. Культура и искусство. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 240 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В первую часть четвертого тома материалов IV Международной научной конференции «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по проблемам языковых единиц и категорий, рассматриваются актуальные проблемы типологического, исторического языкознания, межкультурной коммуникации, когнитивной и функциональной лингвистики, литературоведения.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431 + Ч11я431 + Щ.я431
УДК 8+008+7(043.2)

© Коллектив авторов, 2019

© Донецкий национальный университет, 2019

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю. д-р юрид. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог)

Беспалова Т.В. д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва)

Болнокин В.Е. д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва)

Воронова О.Е. д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань)

Илюхин А.А. д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФБГОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог)

Качалов Р.Н. и.о. ректора ГОУ ВПО «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева» (г. Донецк)

Кшикань Р.В. председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк)

- Ковалев А.М.* д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)
- Кожухов И.Б.* д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва)
- Нечаев В.Д.* д-р полит. наук, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)
- Рябичев В.Д.* д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)
- Приходько С.А.* канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк)
- Решидова И.Ю.* канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Скафа Е.И.* д-р пед. наук, профессор, проректор по научно-методической и учебной работе Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Сорокина Г.А.* д-р пед. наук, профессор, первый проректор Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск)
- Сторожев В.И.* д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Донецкого национального университета (г. Донецк)
- Тедеев В.Б.* канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова, (г. Цхинвал)
- Шемякина Н.В.* канд. экон. наук, доцент, и.о. директора ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Иностранная филология

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

УДК 81'366.57:(811.112.2+811.111+811.161.1)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОНИМАНИЯ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Алексеева Е. П., Басыров Ш. Р., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»? г. Донецк, ДНР
e.alekseeva@donnu.ru

1. Введение. Настоящая работа посвящена изучению семантики глаголов понимания (ГП) в немецком, английском и русском языках.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сопоставительного аспекта изучения ГП в немецком, английском и русском языках, который до настоящего времени не нашел должного исследования в лингвистике.

Целью работы является сопоставление семантики ГП в немецком, английском и русском языках и установление изоморфных и алломорфных черт в семантической структуре данных глаголов.

Объект исследования – ГП, а предмет – семантика ГП в немецком, английском и русском языках.

Эмпирическим материалом работы послужили немецкие, английские и русские ГП, отобранные сплошным образом из одноязычных и двуязычных словарей, справочной литературы. Общий объем выборки составил 209 единиц (нем. – 76 ед., англ. – 58, рус. – 82 ед.).

2. Субъектные типы глаголов понимания. Предварительный анализ выборки свидетельствует о том, что в немецком, английском и русском языках субъектом в предложениях с ГП являются обычно:

1. Человек (реже животное) (нем. – 50 ед., англ. – 36 ед., рус. – 42 ед.):

(1) нем. *Was eigentlich geschehen war, hatte er noch nicht ganz begriffen* ‘Что, собственно, случилось, он еще до конца не осознал’;

(2) англ. *He doesn't seem to comprehend the scale of the problem* ‘Кажется, он не понимает масштаб проблемы’;

(3) рус. *Мы поняли, что произошло, когда уже ничего нельзя было исправить*;

2. Техника, абстрактные понятия (нем. – 15 ед., англ. – 8 ед., рус. – 10 ед.):

(4) нем. *Du kannst mich für eine dumme Person halten, aber ich bin überzeugt, dass mein Auto mich versteht* ‘Можешь считать меня глупой, но я уверена, что моя машина меня понимает’;

(5) англ. *Only special equipment is able to decipher the writing on this envelope* ‘Только специальное оборудование в состоянии разобрать (= понять), что написано на конверте’;

(6) рус. *Душа застыла и ей никак не понять, почему им нельзя быть вместе!*

3. События, природные явления (нем. – 3 ед., англ. – 6 ед., рус. – 5 ед.):

(7) нем. *Der Winter wird nie verstehen, worum die Leute nur dem Sommer den Vorzug geben* ‘Зима никогда не поймет, почему люди отдают предпочтение только лету’;

(8) англ. *Tornado will never see and understand the after-effects of its actions* ‘Ураган никогда не увидит и не поймет последствия его действий’;

(9) рус. *Осень, будто понимая нашу усталость, окутывает нас теплом и уютom.*

3. Объектные типы глаголов понимания. В немецком, английском и русском языках тип объекта ГП может обозначать:

1. Ситуацию, процесс или причины чего-л. (нем. – 50 ед. или 69%, англ. – 28 ед. или 48%, рус. – 36 ед. или 44%):

(10) нем. *Sie hatten wohl eingesehen, daß er nicht zu vernichten war* ‘Они, кажется, поняли, что уничтожить его невозможно’;

(11) англ. *The reasons for the change in weather conditions have been elucidated by several scientists* ‘Причины для перемен в природе были разъяснены несколькими учеными’;

(12) рус. Как только я увидел этого преподавателя, я сразу понял, что мы могли бы стать лучшими друзьями;

2. Человека, его поведение (нем. – 42 ед., англ. – 16 ед., рус. – 36 ед.):

(13) нем. *Ich verstand nichts mehr – mich nicht und meine Frau nicht, nichts mehr* ‘Я ничего больше не понимал – ни себя, ни свою жену, – ничего’;

(14) англ. *I can't fathom her at all* ‘совсем не могу понять ее’;

(15) рус. *Даже не можешь себе представить, как сложно понять женщину;*

3. Язык, речь (нем. – 27 ед., англ. – 8 ед.; рус. – 16 ед.):

(16) нем. *Aber so leise sprach sie, dass die Kinder keine Wörter verstehen konnten* ‘Но она говорила так тихо, что дети не могли разобрать ни единого слова’;

(17) англ. *Is there anyone here who understands Arabic?* ‘Здесь есть кто-нибудь, кто понимает арабский?’;

(18) рус. *Его слова как всегда трудно разобрать: бубнит что-то себе под нос и ничего не слышно!*

4. Абстрактные понятия (нем. – 17 ед., англ. – 4 ед., рус. – 12 ед.):

(19) нем. *Sabeth war noch immer überzeugt, ich halte sie zum Besten mit meinem Geständnis, dass ich nichts von Kunst verstehe* ‘Сабет по-прежнему была убеждена, что я ее разыгрываю, уверяя, будто ничего не смыслю в искусстве’;

(20) англ. *The mechanism of human brain has not been understood completely yet* ‘Механизм работы человеческого мозга еще не понятен до конца’;

(21) рус. *Не могу разобрать этот запах – слишком много в нем соединено.*

4. Анализ функционирования ГП в немецком, английском и русском языках позволяет сделать следующие **выводы**:

4.1. Субъектом в исследуемых языках выступают: 1) человек (реже животное), 2) техника, абстрактные понятия, 3) события, природные явления.

4.2. Субъектный тип «человек» является наиболее распространенным в немецком, английском и русском языках, так как мыслительные процессы свойственны, прежде всего, живым организмам.

4.3. Глаголы понимания в немецком, английском и русском языках сочетаются с четырьмя типами объектов, обозначающих: 1) ситуацию (процесс) или причины чего-л., 2) человека, животное, 3) абстрактные понятия, 4) язык/речь.

4.4. Объектный тип «ситуация (процесс) или причины чего-л.» является наиболее частотным во всех исследуемых языках, так как человек стремится, прежде всего, осознать окружающую его действительность и установить причинно-следственные связи между событиями.

Список литературы

1. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Mannheim – Wien – Zürich, 1970 – 1980. Bd. 1. – 464 S.; Bd. 2. – 928 S.; Bd. 3. – 1408 S.; Bd. 4. – 1904 S.; Bd. 5. – 2432 S.; Bd. 6. – 2992 S.
2. Ветошкина Е. А. Когнитивные и функциональные особенности глаголов с пространственной семантикой / Е. А. Ветошкина. – Майкоп, 2013. – 412 с.
3. Ветюгова Л. А. Глаголы понимания в немецком, английском и русском языках / Л. А. Ветюгова. – Пятигорск, 2004. – 207 с.
4. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: Арт – Пресс, 1999. 698 с.

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Басыров Ш.Р., д-р филол. наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
schambar@yandex.ru

1. Введение. В работе рассматриваются фразеологические единицы (далее: ФЕ) английского, немецкого, русского и украинского языков, характеризующие действие или состояние с точки зрения предельной интенсивности, ср.:

(1) англ. *break your neck to do something* «exert yourself to the utmost to achieve something» ‘прикладывать максимальные усилия для достижения чего-л.’; нем. *jmdn zu Mus hauen* «jmdn schlimm verprügeln» ‘сильно побить кого-л.’; рус. *лопаться от злости* «быть в состоянии сильного гнева»; укр. *аж піна з рота летить* «дуже, сильно кричати».

В лингвистической литературе категория интенсивности была и остается спорной и неоднозначной. Так, природа интенсивности и ее взаимосвязь со смежными категориями (градуальностью, количественностью, экспрессивностью, оценкой) была предметом изучения в работах многих лингвистов [1; 2; 3; 4; 5].

Целью настоящей статьи является выявление и описание метафорических ФЕ, предельная интенсивность которых связана определенной деструкцией, а также определение языковых средств, актуализирующих данный метафорический тип в названных германских и славянских языках.

Материал исследования был получен путем сплошной выборки ФЕ из одно- и двуязычных фразеологических словарей сопоставляемых языков.

2. ФЕ, обозначающие интенсивно-деструктивные действия

Фразеологизмы со значением интенсивно-деструктивного действия охватывают в сопоставляемых языках различные виды деятельности человека: интеллектуальную, речевую, трудовую, социальную деятельность человека, перцептивное восприятие; физические воздействия человека на объект, а также физиологические действия. Данные фразеологизмы часто носят метафорический характер, связанный с определенной деструкцией субъекта или объекта, ср.:

(2) англ. *rack one's brain* букв. ‘разбивать мозг’; нем. *sich (Dativ) den Kopf zerbrechen* букв. ‘ломать голову’; рус. *поломать голову*; укр. *голова пухне / репається*;

(3) англ. *fight like a tiger* «attack sb/ defend oneself with ruthless energy/savagery» ‘нападать на кого-л.; защищаться безжалостно, жестоко’;

нем. *jmdm die Fresse polieren* ‘букв. отполировать (отшлифовать) кому-л. рожу’ (грубо) ‘сильно ударить кого-л. в лицо’; рус. *сделать котлету* ‘избить кого-либо очень сильно, до крови, изувечить’; укр. *ламати хребет* ‘избить кого-л.’;

(4) англ. *work oneself into the ground* ‘exhaust yourself by working very hard’ ‘надрываться от работы’; нем. *Blut und Wasser schwitzen* ‘*sich übermäßig anstrengen, bis zum Umfallen schuftten*’ ‘чрезмерно напрягаться, надрываться на работе до обморочного состояния’ (букв. ‘кровью и водой потеть’); рус. *тянуться в нитку* ‘напрягать все силы, во что бы то ни стало делать, выполнять что-либо’; укр. *працювати до сьомого поту* ‘работать сверх силы, тяжело’.

Среди ФЕ со значением интенсивно-деструктивного действия наиболее продуктивной в сопоставляемых языках является метафорическая модель «*сильное физическое (воз)действие – деструкция человеческого организма*» (см. (2)).

ФЕ, обозначающие интенсивно-деструктивное состояние человека, часто охватывают устойчивые словосочетания, описывающие психо-эмоциональное и физиологическое состояние (см. (1)).

Фразеологическая интенсивность действия и состояния в сопоставляемых языках выражается определенными универсальными метафорическими моделями и образами, которые связываются в языковом сознании часто с деструкцией живого организма (анатомическая деструкция) или разрушением предмета (физическая деструкция). Анатомическая деструкция состоит в повреждении всего субъекта или определенной части его тела (спины, шеи, рук, ног и т.п.) либо объекта (см. (3)), а физическая деструкция – в полном или частичном разрушении определенного объекта (предмета) – одежды человека, сооружения или части сооружения (крыши, стены и т.п.).

Взаимосвязь между характером деструкции (анатомическая или физическая), семантикой глагольного компонента ФЕ и объекта воздействия можно сформулировать в виде ряда импликаций, например:

Если в структуре ФЕ содержится *глагол*, обозначающий *деструктивное физическое воздействие* на предмет или указывающий косвенным образом на *негативные последствия* своего действия, а их объекты называют *предмет воздействия*, *инструмент* или *отрицательный результат* глагольного действия и являются *соматизмами*, называющими часть человеческого тела, **то** с большой долей вероятности можно ожидать, что такие ФЕ выражают **высокую степень**:

- *напряжения при выполнении определенной работы*, ср.: англ. *break your back, work your butt/ass/arse off* (вульг.); нем. *j-m das Mark aus den Knochen saugen, sich die Finger abarbeiten*; рус. *вытягивать все жилы*; укр. *сотати кишки* и др.;

- говорения и/или звучания, ср.: рус. *драть горло, молотъ /звонить языком*; укр. *мозолити языка, молоти языком*; нем. *jmdm. ein Loch in den Bauch fragen*; англ. *bend sb's ear* и др.;

- физического действия, ср.: англ. *beat the bejesus out of someone, knock the wind out of somebody, box sb's ears, beat/kick the shit out of somebody*; рус. *вышибить/выбивать душу / дух; намять (наломать) бока / шею / холку*; укр. *вибити дух (душу), нам'яти боки* и др.

Ср. сходные немецкие ФЕ, в которых в позиции дополнения употребляются, однако, наименования одежды: *jmdm die Hose / Jacke ausklopfen, jmdm den Frack vollhauen* и др.

3. Выводы. В английском, немецком, русском и украинском языках фразеологизмы, обозначающие высокую степень действия и состояния, часто носят метафорический характер, связанный с определенной деструкцией субъекта или объекта. Фразеологическая интенсивность действия и состояния в сопоставляемых языках выражается определенными метафорическими моделями и образами, связанными часто с деструкцией живого организма (анатомическая деструкция) или разрушением предмета (физическая деструкция). Анатомическая деструкция сопровождается повреждением человека либо его определенной части (спины, шеи, рук, ног и т.п.). Физическая деструкция состоит в полном или частичном разрушении определенного объекта (предмета) – одежды человека, сооружения или части сооружения (крыши, стены и т.п.).

Список литературы

1. Акуленко В. В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук / В. В. Акуленко. К., 1987. – 17 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко. М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. № 1. М., 1995. – С. 37–67.
4. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке / С. Е. Родионова // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб : Наука, 2005. – С. 150–169.
5. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. – С. 43–78.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ПО ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИМ ТЕХНОЛОГИЯМ. РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ

Брагина Э.Р., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
elmirabragina1973@mail.ru

Введение. «Толковый словарь по энергосберегающим технологиям» является одной из самых современных разработок по данной тематике и может быть рекомендован широкому кругу пользователей: преподавателям вузов и средних технических учебных заведений, специалистам-производственникам, профессиональным переводчикам, студентам, а также лицам, изучающим русский, английский и немецкий языки с соответствующей специализацией в области электротехники, химии и экологии.

Цель тезисов — ознакомление со структурой словаря, в который входят предисловие, об использовании словаря, указатель условных обозначений, наиболее употребительных сочетаний с упорядоченными по определённому принципу заглавиями, предназначенными для быстрого нахождения по ним определенного термина, а также грамматическая справка к нему, что соответствует всем требованиям, предъявляемым к данному виду изданий. Все термины снабжены дефинициями, а их эквиваленты – переводом и грамматической справкой (род, число, тип склонения, форма множественного числа для имен существительных; формы прошедшего времени и причастия II для глаголов).

Основная часть. Словарь содержит около 2000 терминов в области экологии, промышленной и сельскохозяйственной энергетики, связанных с природопользованием и охраной окружающей среды: биосферой; экосистемами, природными зонами, элементами и факторами природной среды; видами природных ресурсов; мониторингом окружающей среды; антропогенным влиянием на живую природу; источниками и видами загрязнений; охраной почв, природных ландшафтов, водных ресурсов и воздушного бассейна; промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми отходами, а также их переработкой и вторичным использованием; очистными сооружениями; станциями водоподготовки и водоочистки; мелиорацией земель; природными и техногенными катастрофами; авариями, воздействующими на окружающую среду; защитой от излучений, пыли, шума и вибраций; экологической гигиеной; стандартами качества окружающей среды; природоохранительным просвещением и экологическим воспитанием; правовыми аспектами экологии; природоохранной политикой; международным сотрудничеством

в природоохранной деятельности; наименованиями организаций, деятельность которых прямо или косвенно связана с охраной окружающей среды, а также сокращениями и аббревиатурами из области экологии и защиты окружающей среды.

Идея составления такого справочного издания объясняется необходимостью единообразного понимания и подходов к проблемам энергосбережения и энергоэффективности в различных отраслях народного хозяйства, а именно в горнорудной промышленности, агрономии, металлургии, машиностроении, химии, промышленном и гражданском строительстве (ПГС).

Словарь подготовлен с использованием современных оригинальных источников на русском, английском и немецком языках: технических энциклопедий и лексиконов, каталогов, справочников, различных книг и брошюр, специализированных журналов, технических описаний, разного рода инструкций и каталогов и т.п.

Заключение. Создание словаря было коллективным трудом, в котором участвовали преподаватели разных высших учебных заведений, факультетов и кафедр. Наше неравнодушное отношение к делу, стремление проявить профессиональный подход, тщательность в работе с целью максимально точно передать значения терминов позволили добиться самых позитивных результатов в короткие сроки.

Список литературы

1. Козырев В.А. Истоки и традиции русской лексикографии: Лексикография русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 69 с.
2. Требование к оформлению терминологического словаря.
<https://studfiles.net/preview/2975032/page:7/>
3. Требования к оформлению и содержанию словарей.
<https://studfiles.net/preview/1771103/page:4/>

УДК 81'255.4:81'367.52:811.111

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КОНСТРУКЦИЙ С ИНВЕРСИЕЙ ПОСЛЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ И СОЮЗОВ

Герба В.В.

Подгайская И. М., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gerba_v@mail.ru

1. Введение. Экспрессивность как общезыковая категория затрагивает все сферы языка и арсенал её выразительных средств

необозрим. Все более актуальной в современной лингвистике становится проблема экспрессивного синтаксиса. Это связано с тем, что в современной науке о языке приоритетным направлением исследования становится изучение субъективной стороны речи, предполагающее рассмотрение структуры текста, языковой личности как субъекта речевой деятельности, прагматических аспектов речи на уровне высказывания и текста, средств усиления выразительности речи и ее воздействия на воспринимающего [1, 2].

Огромная роль в создании эмоциональности и экспрессивности текста на синтаксическом уровне отводится различным эмфатическим средствам. Одним из наиболее эффективных синтаксических средств выражения эмфазы в английском языке является инверсия, в результате которой часто образуются безэквивалентные синтаксические конструкции. Изучение специфики передачи таких конструкций средствами русского языка относится к актуальным проблемам современного переводоведения.

Цель настоящего доклада – рассмотрение особенностей перевода конструкций с инверсией после ограничительных наречий и союзов в художественном тексте. Исследование проводится на материале романа австралийской писательницы Колин Маккалоу «Поющие в терновнике» и его перевода на русский язык, выполненного Норой Галь [3, 4].

2. Основная часть. Сопоставительный анализ текста оригинала романа Колин Маккалоу «Поющие в терновнике» и текста его перевода позволяет выделить следующие способы передачи английских инвертированных конструкций средствами русского языка:

2.1. Добавление лексических единиц, не имеющих соответствий в тексте оригинала, например:

(1) *Never in all her life had Justine been so conscious of the redundancy of women in the lives of some men as at that moment, walking into a world where women simply had no place except as humble nun servants.* ‘Никогда еще Джастина так остро не сознавала, что есть мужчины, в чьей жизни женщинам нет места. В эти минуты она вступила в мир, куда женщины допускались лишь как смиренные прислужницы-монахини’.

Ограничительное наречие *never* стоит на первом месте и влечет за собой инвертированный порядок слов *had Justine been so conscious*. При переводе первую позицию занимает русский эквивалент *never* – *никогда*, инвертированный порядок слов передается с помощью добавления наречия *так остро*.

2.2. Замена синтаксической конструкции лексической единицей, например:

(2) *Only when both of them were present in her world simultaneously, as now, did she feel utterly complete.* ‘И лишь когда они с нею оба сразу, вот как теперь, она поистине живет полной жизнью’.

В данном предложении первую позицию занимает ограничительное наречие *only*, а после него – измененный порядок слов *did she feel*. В русском языке английскому наречию *only* соответствует наречие *лишь* и вначале добавляется союз *и*. Эффект, который создает инверсия в английском языке, вызванная ограничительным наречием *only*, передан в русском предложении лексически, с использованием наречия *поистине*. Таким образом, при переводе на русский язык произошла замена синтаксической конструкции лексической единицей.

2.3. Синтаксическая замена, например:

(3) *Not only was it one of the biggest sheds in New South Wales, but it required the very best men to be had, men of the Jackie Howe caliber...* ‘Ее стригальня была не только одной из крупнейших в Новом Южном Уэльсе, но и требовала лучших стригалей, мастеров вроде Джеки Хау...’

Ограничительный союз *not only...but also* состоит из двух частей и поэтому является парным. Части конструкции *not only...but* в английском предложении стоят отдельно, соединяя составные части сложносочиненного предложения. При этом порядок слов в первой части предложения инвертированный, а во второй части – прямой.

В русском языке союзу *not only... but* соответствует союз *не только...но и*, использование которого в переводе приводит к необходимости применения грамматической трансформации – замены типа предложения. Сложносочиненное предложение в английском языке заменяется русским простым предложением с однородными сказуемыми (одна грамматическая основа – *Ее стригальня была не только..., но и требовала...*).

2.4. Антонимический перевод, например:

(4) *Never in all his life until now had she made him weep.* ‘Впервые за всю его жизнь она заставила его плакать’.

В примере (4) инвертированный порядок слов наблюдается после ограничительного наречия *never*. Инверсия передана в русском языке при помощи лексико-грамматической трансформации – антонимического перевода, который заключается в замене отрицательной конструкции утвердительной.

3. Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Инверсия, нарушающая четкую структуру английского предложения, является одним из самых ярких синтаксических средств эмфазы в исследуемом произведении. Русскому языку, имеющему свободный порядок слов, данное средство выражения эмфазы не свойственно.

2. Для передачи конструкций с инверсией после ограничительных наречий и союзов в процессе перевода с английского языка на русский используются четыре способа перевода:

- добавление;
- замена синтаксической конструкции лексической единицей;
- синтаксическая замена;
- антонимический перевод.

3. При использовании добавления и замены синтаксической конструкции лексической единицей эмфаза переходит с синтаксического уровня на лексический. Необходимость такого перехода объясняется тем, что большинство английских инвертированных конструкций представляют собой безэквивалентные синтаксические единицы.

Список литературы

1. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка [Текст] / О. В. Александрова. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2009. – 216 с.
2. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности [Текст] / Ин-т языкознания; Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
3. McColough Colleen. The Thorn Birds [Электронный ресурс]. – URL. : https://royallib.com/book/McCullough_Colleen/The_Thorn_Birds.html
4. Маккалоу Колин. Поющие в терновнике [Текст] / К. Маккалоу. – М. : Художественная литература, 1988. – 329 с.

УДК 811.111

КАЧЕСТВО И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Дворцевая А.В., канд. пед. наук, доцент

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А.Дидоренко», г. Луганск, ЛНР
dvortanna@yandex.ru

В обществе сформировался социальный заказ на исследование юридического аспекта языка и языкового аспекта права. Либерализация слова в современном обществе обусловила появление многочисленных языковых ситуаций, к которым не были готовы традиционная лингвистика и классическая юриспруденция. Поэтому наука ответила на запросы общества специальными исследованиями.

Появление новой дисциплины на стыке между языкознанием и правоведением – юридической лингвистики (Ю.Ф.Прадед) или юрислингвистики (М.Д.Голев), правовой лингвистики (Н.В.Артикуца), филологии права является закономерным этапом развития лингвистики, юриспруденции и общества в целом.

Точность, ясность и однозначность юридических формулировок, адекватный язык изложения (юридический перевод), правильное и

однообразное употребление правовой терминологии определяют эффективность законодательства и полноценную защиту общества и государства.

Поскольку право связано с социально-политическими и культурными особенностями страны, юридический перевод является достаточно нелегким заданием.

Качество перевода определяется его адекватностью или полноценностью. Для адекватной передачи юридической информации используется язык права, который должен быть особенно точным, понятным и достоверным. Полноценность перевода означает исчерпывающую точность в передаче содержания оригинала и полноценное функционально-стилистическое соответствие.

Однако случается, что все эти признаки исключают друг друга. Значение характеристик понимания, точности и стиля перевода отличаются в зависимости от типа юридического текста, его функций и адресата. Так, во время перевода юридических дискуссий, предназначенных для того, чтобы ознакомить с определенными правовыми вопросами широкий круг читателей, понимание и стиль могут оказаться более важными, чем точность передачи информации. Но в переводе текста приговора, который должен быть исполнен в другой стране, точность является самым главным требованием.

Следовательно, качество юридического перевода определенным образом влияет на эффективность правоприменения, степень регламентации конкретных отношений.

Язык права – это язык, которым говорит государство. Осознание этого является очень важным для переводчика, которому каждый раз приходится, во-первых, определить, в каком именно значении употребляется слово или словосочетание, и, во-вторых, не ошибиться в правильности выбора во время составления текста перевода.

Правильный выбор слова или словосочетание в первую очередь зависит от его смысловой и стилистической адекватности оригинала. Наглядно это можно продемонстрировать на примере эквивалентных соответствий. Эквивалентными считаются такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, обычно, такими, которые не зависят от контекста: arson – это всегда поджог, burglary – всегда ночная кража со взломом и т.д. К ним следует отнести также другие слова и словосочетания терминологического характера из сферы права: law, court – суд, prison – тюрьма, court of appeal – апелляционный суд, copyright – авторское право и т.д., а также латинские выражения, которые свободно употребляются во многих языках: de facto – де-факто; persona non grata – персона нон грата и т.д.

Разные виды переводческой деятельности имеют неодинаковое влияние на процесс перевода и, соответственно, оригинал отображается с

большей или меньшей полнотой. Поскольку не всегда возможно достичь идеального перевода, тогда переводчику приходится идти на разного рода компромиссы.

Степень реального приближения двуязычной коммуникации с переводом к коммуникации одноязычной зависит от мастерства переводчика, но также и от ряда объективных обстоятельств: свойств переводимого текста и способа выполнения перевода[4].

Одной из проблем, которая требует детального изучения в теории перевода, остается проблема выбора адекватного эквивалента в процессе перевода юридических текстов с одного языка на другой. Выбор приемлемого варианта перевода определяется наличием или отсутствием эквивалента в языке перевода. Если такой выбор существует, процедура сводится к обычному подбору соответствия, а если отсутствует – к тщательному подбору одного из вариантов соответствия с учетом целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. Это такие факторы как референционное и денотативное значения потенциальных соответствий; их стилистическая принадлежность, контекстуальное окружение; языковые нормы.

Кроме того, следует учитывать при переводе юридического текста, в частности текста нормативно-правового акта, возможность возникновения разных по уровню сложности ситуаций, связанных с поиском соответствий правовых терминов в языках двух правовых систем. Обобщая, такие ситуации можно разбить на четыре основные группы:

1. Термин, требующий перевода, означает правовой институт, который является аналогичным правовому институту в правовой системе, языком которого осуществляется перевод. При этом указанные институты имеют одинаковое нормативное урегулирование.
2. Термин, требующий перевода, означает аналогичный правовой институт, который имеет другое правовое урегулирование.
3. Соответствующий правовой институт, который обозначен термином и требующий перевода, существует в одной правовой системе, но уже не существует в другой.
4. Соответствующий правовой институт существует в одной правовой системе, но не свойственен другой [3].

Для практических целей выполнения юридического перевода может оказаться достаточным ознакомление с законодательными определениями отдельных правовых понятий. Но здесь снова возникает проблема адекватного толкования и выбора таких правовых понятий переводчиком. Поэтому возникает вопрос: кто должен осуществлять перевод – юристы или профессиональные переводчики? Поскольку перевод юридических текстов требует глубоких специальных знаний, юридические тексты нередко переводят сами юристы, а не профессиональные переводчики. Такая практика введена, в частности, в администрации Европейского

Союза, где юристы проверяют тексты, сделанные переводчиками, а в Суде ЕС переводчиками работают исключительно юристы.

В Луганской Народной Республике не хватает ведущих специалистов по юридическому переводу – как теоретиков, так и практиков. Это является следствием многих причин. Во-первых, переводчику, специализирующемуся на переводе юридических текстов, желательно иметь два образования – филологическое и юридическое, или, по крайней мере, имея одно из этих образований, много усилий и времени посвящать изучению другого предмета (дисциплины). Но это, к сожалению, не всегда возможно. Добавьте к этому нехватку специальной учебной литературы, проблемы преподавания иностранных языков в юридических учебных заведениях (за единичными исключениями) и т.д. Поэтому обычно применяют оптимальный вариант, когда опытный профессиональный переводчик осуществляет перевод юридического текста, а юрист, разбирающийся в правовой системе страны, текст которой переводится, его редактирует.

Таким образом, юридический перевод нельзя выполнить корректно, не имея специальных знаний в определенной отрасли права, знаний специфики конкретного вида правовых отношений. Необходимо хорошо ориентироваться в действующем законодательстве, владеть специальной лексикой и знаниями об особенностях употребления иностранной юридической терминологии в определенном контексте.

Список литературы

1. Автоматический словарь Мультитран [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.multitrans.ru/>.
2. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык / В.В.Алимов. – изд. 3, стереот. – 2005. – 160 с.
3. Вагапов А.С. Выбор адекватного лексико-фразеологического соответствия при переводе английских правоведческих текстов [Электронный ресурс] / А.С. Вагапов. – Режим доступа : http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a_s/my-art.shtml.
4. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода / М.Г. Гамзатов ; Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2004. – 182 с.

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *DÜNN* И РУССКОГО *ТОНКИЙ*

Калиущенко В.Д., д-р филол. наук, профессор

Махненко И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

vladimirkaliuscenko@gmail.com

irinamakhnenko@gmail.com

1. Вводные замечания. В современном языкознании изучению лексической сочетаемости различных частей речи уделяется значительное внимание, поскольку значение слова с наибольшей полнотой реализуется в сочетании с другими словами. Прилагательное, как часть речи имеет значение качества, свойства предмета и, сочетаясь с существительными, употребляется в качестве определения. Семантическая сочетаемость прилагательных и существительных в большинстве своем специфична для каждого языка, но мало исследована, что обуславливает актуальность избранной для изучения темы и данный аспект, безусловно, нуждается в дальнейшей теоретической и практической разработке.

В статье представлен сопоставительный анализ эквивалентных имен прилагательных *dünn* и *тонкий* в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили 180 текстовых фрагментов из национальных корпусов немецкого и русского языков.

2. Употребление прилагательного *тонкий*. *Тонкими* могут быть плоские предметы, например, *тонкая тетрадь, das dünne Heft, тонкое одеяло, die dünne Decke, тонкая книга, das dünne Buch* и некоторые другие предметы или объекты с функционально значимым размером диаметра: *тонкая свеча, дерево: die dünne Kerze, der dünne Baum*, но в случае «мягких» емкостей и животных эти прилагательные практически не употребляются.

В ходе исследования было выявлено, что прилагательное *тонкий*, обладая в целом 32 значениями в русском языке, сочетается преимущественно с неодушевленными конкретными существительными, такими как: *тонкий лёд, тонкий слой, тонкая бумага, тонкий шарф* и др. Данное прилагательное также хорошо сочетается с соматизмами: *тонкий палец, тонкая талия, тонкие брови*. С одушевленными и неодушевленными абстрактными существительными данное прилагательное употребляется преимущественно в переносном значении: *тонкий юмор, тонкий аромат, тонкий вкус* «чувствительный, воспринимающий самые малые, слабые раздражения»; *тонкий художник* «отличающийся умом, вкусом, проницательностью, глубоким знанием

дела»; *тонкий негодяй* «хитрый, дальновидный, ловкий»; *тонкий автор* «такой, в котором проявляется проницательность, глубокое понимание чего-л., вкус, знание дела»; *тонкая женщина* «женщина учтивая, деликатная, тактичная» [2]

Разговорному и художественному стилю присуща субстантивация данного прилагательного: *Толстый и тонкий сидели вдвоём на лавочке, голова к голове, как сообщники, и о чём-то негромко беседовали* [2].

3. Употребление прилагательного *dünn*. У прилагательного *dünn* в немецком языке в целом отмечено 9 значений. Данное прилагательное чаще всего сочетается с неодушевлёнными конкретными существительными: *ein dünner Baumstamm* «тонкий ствол дерева», *ein dünnes Buch* «тонкая книга». В выбранных текстовых фрагментах прилагательное *dünn* часто сочеталось с соматизмами: *ein dünner Hals* «тонкая шея», *dünne Lippen* «тонкие губы», *ein dünner Arm* «тонкая рука». Реже встречались сочетания данного прилагательного с реальными одушевлёнными существительными в значении «худой, стройный»: *ein dünnes Mädchen* не «тонкая девушка», а «стройная девушка или худая девушка», *ein dünner Mensch*, не «тонкий человек», а «худой человек». С неодушевлёнными абстрактными существительными данное прилагательное практически не употребляется, исключение составило существительные *Höhenluft* «горный воздух» и *Aussage* «высказывание».

Данное прилагательное, субстантивируясь, употребляется в фамильярно-разговорном стиле: *Er liebt die Dünnen (= dünne Frauen)* [4] «Он любит худышек (= худых женщин)».

4. Выводы. По результатам проведённого исследования было установлено следующее:

4.1. Сфера употребления прилагательного *тонкий* в русском языке гораздо шире, нежели прилагательного *dünn* в немецком. Гораздо выше и уровень полисемии русского прилагательного *тонкий*.

4.2. В двух языках у прилагательного *dünn*, *тонкий* выявлено 33 значения, из них совпадают только семь значений. Уникальными для немецкого языка являются два значения, для русского языка – 24 значения.

4.3. Немецкое прилагательное *dünn* и русское эквивалентное прилагательное *тонкий* часто сочетаются с неодушевлёнными конкретными существительными и соматизмами, а также могут субстантивироваться.

4.4. В отличие от немецкого языка, в русском довольно часто встречаются сочетания прилагательного *тонкий* с одушевлёнными и неодушевлёнными абстрактными существительными. В подобных словосочетаниях данное прилагательное употребляется в переносном значении.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. – 472 с.
2. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.19)
3. Фильцова М. С. Понятийная категория «признак предмета» и некоторые ономазиологические средства её выражения // Молодой ученый. – 2015. – №18. – С. 541-544. [Электронный ресурс]. – URL <https://moluch.ru/archive/98/22047/> (дата обращения: 22.03.2019).
4. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart // [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.02.19)

УДК 801.313:802.0

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Киселева Е.В., канд. филол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
ellkisell@gmail.com

Введение. В лингвистике уже давно стихли споры по поводу основных функций окказиональной лексики, так как исследователи единодушно признают и выделяют в качестве основной номинативную функцию индивидуальных образований. Но все же экспрессивно-номинативный [1, с. 14] или экспрессивно-стилистический [2, с. 181] пласт окказиональной лексики (ОЛ) всегда появляется ad hoc в процессе речевой деятельности и требует более тщательного изучения.

Цель. Автор публикации ставит в качестве основной цели рассмотрение ОЛ как одного из самых удачных средств создания комического, иронического и гротескного в медиатексте. Правомерным в этом случае было бы выделить на первый план художественно-стилистические функции ОЛ, так как, по утверждению И.В. Арнольд, стилистическая функция «есть зависимость информации второго рода от структуры произведения. Под информацией второго рода мы понимаем информацию, возникающую из взаимодействия предметнологической информации с информацией оценочной, эмоциональной, экспрессивной и эстетической» [3, с. 79].

Основная часть. Являясь элементом структурного единства, ОЛ вступает в различные отношения с другими составляющими текста, в результате чего возникают новые неожиданные связи, вызывающие

отсутствующие в узусе сопоставления понятий или замену понятия другим, что приводит к образности текста. Выступая изобразительно-выразительным элементом текста, ОЛ может являться: а) средством создания комического; б) средством создания иронии. Рассмотрим каждую из данных групп ОЛ.

В зависимости от намерения субъекта речи ОЛ может создавать либо юмористический, либо сатирический эффект. Используемое в определенной речевой ситуации как сатирическое средство, ОЛ способна отрицать определенное явление действительности, предмет или лицо, раскрывая его несоответствие принятому понятию, явлению: *«PopCandyism is considered to be one of the evils of Trumpism»*. - (Политика, проводимая в жизнь Конфеткой Мелани, считается одним из зол периода пребывания президента Трампа у власти). Материальная организация окказионального онима *PopCandyism* ничем не отличается от ряда подобных окказиональных потенциальных инноваций (*Brezhnevism, Stalinism*), но оно обращает на себя внимание, прежде всего тем, что употреблено в паре со словом *«Trumpism»*, которое реально претендует на существование, так как обозначает период правления администрации президента Трампа. Противопоставление окказионализма *PopCandyism* и окказионального слова *Trumpism* носит явно комический характер, так как создано с заведомо намеченной целью – заставить адресата – читателя газеты – в очередной раз улыбнуться ввиду постоянного вмешательства жены президента (Мелани) во все сферы деятельности американского правительства. Политический словарь всех англоязычных стран обогатился благодаря разнообразной деятельности Мелани Трамп такими понятиями как *«The Melany Strategy»* («стратегия Мелани») и *«The Melany Factor»* («фактор Мелани»), которые носят явно псевдополитический оттенок и приносят в текст явный юмористический эффект: *«The Melany Strategy has been launched on prime television time with the first Lady wrapped in warm smiles and a turquoise suit»*. (Стратегия Мелани получила путевку в жизнь в лучшее эфирное время с помощью Первой Леди, окутанной теплыми улыбками и костюмом бирюзового цвета). Комический эффект достигается еще и за счет объединения в одном предложении информации о «политическом термине» и подробности туалета Первой Леди Америки. *«Behind the family story she had also mapped out a broader vision that in the end had changed little from the days of the Melany Factor which could cause the poils to plunge»*. – (Помимо семейной линии поведения она также наметила более широкий спектр действий, который мало чем отличается от тех дней, когда сработал Фактор Мелани, а это, в свою очередь, может увеличить шансы на выборах). Словосочетание *«Melany Factor»* органично вошло в ткань предложения, так как речь идет о предвыборной гонке за президентское кресло, о накале политических страстей, но комизм ситуации в том и состоит, что Мелани Трамп, не являясь

непосредственным претендентом на пост главы государства, доминировала в сложных хитросплетениях всего предвыборного марафона.

Словосочетание *First Lady* (*Первая Леди; жена президента США*) давно и прочно вошло в обращение. Им пользуются и в официальных протокольных обращениях, и на страницах газет. Мелани Трамп явилась Первой Леди в истории США, которая активно совмещает роли жены и политической фигуры в одном лице, что раздражает некоторую часть журналистского корпуса: «*First Ladydom has become an insult to both women and democratic governance*». (*Распространение границ власти Первой Леди является оскорблением как для женщин, так и для демократического руководства*). Ситуация курьезная и, конечно, не может не вызвать улыбки, так как окказиональный оним «*First Ladydom*» обладает явно отрицательной коннотацией в связи с неодобрительным отношением к жене нынешнего главы государства. Словосочетание «*First Ladydom*» за счет приема антифразиса обеспечивает необходимое экспрессивное воздействие на читателя.

Заключение. Сравнение единиц ОЛ со словарным стандартом показывает, что степень окказиональности и степень экспрессии ОЛ могут быть различны. Так, наименее окказиональны и экспрессивны отонимные потенциализмы, поскольку их структурная организация ничем не отличается от организации узуальных слов такого типа и обуславливает доминирующую функцию такого рода слов – номинативную. Окказиональные образования-депроприативы (*Melanizm, Trumpizm, Boltonizm*), обладающие уникальной структурой, имеют иное предназначение. Необычная материальная организация такого слова обращает на себя внимание адресата в процессе коммуникативного акта. Такие образования чрезвычайно экспрессивны, но эта экспрессия обусловлена причинами другого порядка, нежели просто намерением создать новую единицу номинации. На первый план в этом случае выступает задача художественно-стилистическая: создать мини-образ, вызвать комический эффект в различных его проявлениях, достичь иронии. Нет сомнения, что номинация в таком случае непременно присутствует как необходимый компонент, но номинативная деятельность субъекта речи в этом случае подчинена решению художественно-стилистической задачи [4, с. 112]. Следует также отметить, что такие образования функционируют только на уровне речи, препятствуя тем самым развитию избыточности в лексической системе языка. Итак, вторую важную функцию ОЛ можно определить как экспрессивную.

Список литературы

1. Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ : автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 1998. – 22с.

2. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. Оказиональное слово на газетной полосе: механизмы и экспрессивности // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: МГУ, 2001. – С. 180 – 181.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
4. Сметанина С.И. Медiateкст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

УДК 81.373

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Кобзев Н.В., канд. филол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nicksong@mail.ru

Введение. Повтор является свойственным для языков, имеющих различный строй, он отличается многообразием функций: способностью выражения грамматических значений, возможностью быть средством, с помощью которого варьируется лексическое значение. Использование редупликации и повтора достаточно активно в ходе образования идеофонов, звукосимволизма. Исследование посвящено изучению особенностей лексико-семантического повтора, его типологическим и функциональным характеристикам. Эта проблема относится к противоречивым, сложным и еще недостаточно решенным в современной лингвистике. Несмотря на то, что проблемы редупликации исследуются достаточно широко, без внимания лингвистов остается реализация семантики и грамматики редупликативности в русском и английском языках. Актуальность работы определяется важностью комплексного семантически-прагматического анализа явления повтора в функционировании разножанровых англоязычных и русскоязычных текстов.

Цель исследования заключается в выявлении семантических и грамматических аспектов выражения лексико-семантического повтора в русском и английском языках. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих основных задач:

- Исследовать явление повтора в ракурсе семантического взаимодействия его компонентов с внеязыковыми факторами;
- Определить и сформулировать теоретические основы явления повтора в лингвистике;

- Осуществить сопоставление особенностей выражения повторов в русском и английском языках.

Объект исследования – лексико-семантический повтор в русском и английском языках.

Предмет исследования составляют семантические, прагматико-функциональные особенности лексико-семантических повторов в указанных языковых парадигмах.

Основная часть. Слова с повторяющимися слогами или более сложные удвоения носят часто конвергентные признаки и в разном количестве имеются во всех языках мира. Значительное место они занимают в неевропейских языках. Лексико-семантический повтор может быть разным по объему. Так, например, удвоение глагольных форм передает значение длительности, нарастания действия. В языке индейцев фокс находим такие конструкции: [wa : ram : wa] он смотрит на него, [wa : - wa : ram : wa] он осматривает его, [wa : pa-wa : ram : wa] он продолжает смотреть. По мнению Л. Блумфильда, «конструкции сложных слов, а в известной мере и слов, производных от словосочетаний, занимают промежуточное положение между синтаксисом и морфологией» [1]. В морфологии нет ничего, чего бы ранее не было в синтаксисе. Исходя из этого, гипотетически можно сделать вывод, что редупликативные формы являются своеобразным переходом от синтаксиса к морфологии, другими словами от ранних дивергентных синтаксических форм к более поздним конвергентным морфологическим рудиментарным формам. Повтор усиливает семантику начального слова и акцентирует внимание на нем. Слова этой группы и представляют для нас наибольший интерес (транскрипция арабских слов дана в соответствии с транскрипцией Institut des Hautes Etudes Marocaines): ait w-ait – множественное число слова «сын», употребляется в значении «люди»; hbo-dbo – «с трудом передвигаться при ходьбе» (о стариках, больных, детях, начинающих ходить); эта пара слов в арабском произношении своим ритмом напоминает подобный способ передвижения. Встречаются также и совпадающие редупликации французского и арабского языков: gaуа-nihaya – le fin du fin, la perfection. Оба арабских слова в классическом языке могут употребляться отдельно. Следующий тандем обозначает крайний предел: hzz-dzz – tralala. Первое слово обозначает в марокканском диалекте «agitation tapageuse», второе своего значения не имеет, но приближается к значению первого. В работе Л. Брюно приводятся изосиллабические слова нефранцузского происхождения, вошедшие в региональный французский язык Северной Африки. Подобные явления присущи всем языкам мира, но косвенные падежи с предлогом появились позднее.

Заключение. Использование редупликации и повтора достаточно активно в ходе образования идеофонов, звукосимволизма, являющегося закономерной, не произвольной, фонетически мотивированной связью между

словесными фонемами и незвуковыми признаками денотата, которые полагаются в основу номинации, звукоподражательных слов. Чаще всего с помощью редупликации выражается интенсивность действия или качества, дробность, уменьшительность и т.д.. В этом аспекте, лексико-семантический повтор является носителем разнообразной семантики: мультипликативности, итеративности, дистрибутивности, аугментативности, аттенуативности. Для редупликации характерна цельнооформленность, рифмовки компонентов и наличие значения, которое отличается (частично или полностью) от значения отдельного компонента редуплицированных образований. В английском языке редуплицированное слово состоит из двух компонентов. Причиной стилистической маркированности редупликатов служит тот факт, что большое количество редупликатов, за исключением заимствований и звукоподражаний, является результатом народного словотворчества. Таким образом появляется способность наполнить значение слова коннотативным элементом, что является характерной особенностью разговорной лексики. Итак, редупликация является самостоятельным способом словообразования, характерным для знаменательных частей речи исследуемых языков. Классификацию способов редупликации предлагается рассматривать с фономорфологической точки зрения. Анализ стилистической маркированности редупликатов показал, что большинство данных образований в английском языке принадлежит к разговорной лексике, в то время как в русском языке большая часть редуплицированных слов относится к нейтральной лексике, легко образуя эмоционально окрашенные редупликаты как за счет полного повторения основы, так и путем изменения либо звукового, либо морфемного состава слова. Редупликация активно реализует экспрессивную функцию, поскольку повтор, безусловно, усиливает и подчеркивает значение того, что выражается этим словом. Возможно, это свойство редупликации объясняется тем, что человек осознает такие природные явления как симметрию, ритм и т.д., как категории гармонии, и тем самым, активно использует их в процессе речевой деятельности.

Список литературы

1. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968 – 608 с.
2. Корбут, А. Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Корбут. – Иркутск, 1995. – 21 с.
3. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2000. – 261 с.
4. Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.03 «Славянские языки» / Ф. Р. Минлос. – Москва, 2004. – 20 с.
5. Москальчук, Г. Г. Ассиметричный повтор в тексте / Москальчук, Г. Г. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 56-62.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Козакова О.В

МОО «Специализированная школа – Лицей информационных технологий
города Енакиево», г. Енакиево, ДНР
kozachok18@mail.ru

Язык – это отражение нашей жизни, ее индикатор. Он живо реагирует на любые изменения в обществе, меняясь и развиваясь вместе с ним. Сегодня, в первую очередь, эти изменения происходят благодаря тому, что в нашу жизнь ворвались новые технологии.

Влияние информационных технологий на жизнь современного человека, ее качество колоссально. И здесь показательным примером изменения и развития служит английский язык. Как язык международного общения, второй в мире язык по числу говорящих на нем как на родном и первый по общему числу говорящих он наиболее подвержен влиянию информатизации.

Будучи главным языком Интернета, английский язык, в свою очередь, влияет на другие языки, пополняя их неологизмами, связанными с информационными технологиями. Это такие, ставшие интернациональными и ворвавшиеся в нашу повседневную речь, слова и понятия, как to google (искать в поисковике), to log in (войти под логином и паролем), to photoshop (обработать изображение с помощью программы Photoshop), to friend (добавить в друзья), to unfriend (удалить из друзей), to follow (подписаться), to download (скачать, сохранить на компьютер), site (сайт), e-mail (электронная почта), to e-mail (отправить по электронной почте), to tweet (разместить сообщение в Twitter) и так далее.

В основном, неологизмы, связанные с информационными технологиями, образуются путем изменения значения уже существующих слов, а также путем конверсии, аффиксации, соединения основ двух и более уже существующих слов.

Отдельно хочется выделить аббревиацию, которая заполонила Интернет-пространство. Считается, что толчком этому послужила переписка по мобильному телефону. Быстрый и простой способ быть с друзьями на связи привел к появлению очень коротких фраз, состоящих из букв, а порой и цифр. К примеру, вместо написания предложения «See you later» молодежь начала писать «С u l8r». Когда рассказывают о чем-то веселом, пишут «LOL» – сокращенное от «laugh out loud». Стали популярными такие аббревиатуры, как BFF – best friends forever (лучшие

друзья на века), IMHO – in my humble opinion (по моему скромному мнению), FYI – for your information (к твоему сведению), THX – thanks (спасибо), YOLO – you only live once (один раз живем), TGIF – thank GOD it's Friday (слава Богу, сегодня пятница), TTYL – talk to you later (поговорим потом) и многие другие. Конечно же, такое обилие вошедших в переписку сокращений вызвано ускорившимся темпом жизни. Но, следует отметить, что использование аббревиатур в официальных документах, сочинениях, заявлениях сегодня является некорректным. Однако со временем они могут прочно закрепиться в английском языке.

Одной из особенностей современного общения является то, что оно становится все больше и больше дигитализованным. Люди стали меньше общаться друг с другом «вживую», без посредничества цифровых технологий. Все больше времени человечество проводит в виртуальной реальности. И это не может не влиять на язык общения. Широкое использование аббревиатур – тому подтверждение.

С каждым годом проблема обостряется. Людям, особенно молодому поколению, комфортней чувствовать себя в киберпространстве, нежели в реальной жизни. И это качественно влияет на язык как средство коммуникации. В частности, из-за того, что общение чаще всего происходит посредством «гаджетов», все больше и больше упрощается грамматическая составляющая английского языка. Однако это, заметим, характерно для неформального или полупоформального общения, но никак не для нормативного английского языка.

Изменения, которые происходят в английском языке, постоянно исследуют Интернет-издания «BBC News magazine» и «Global Language Monitor». И самые заметные изменения, конечно же, касаются лексики. С течением времени появляются новые слова, уже существующие приобретают новые значения, а некоторые совсем перестают употребляться.

К примеру, еще двадцать лет назад никто не знал, что значит «blog», но когда пользователи Интернета стали писать «web logs online», вскоре фраза сократилась до «blog», а пишущий человек был назван «blogger».

Согласно «BBC News magazine» в список особенно часто употребляемых и популярных слов попали: «Google», «dotcom», «texting», «emoticon».

Слова, возникшие благодаря влиянию новых технологий, постепенно попадают в словари. Так, в 2003 году Оксфордский словарь английского языка добавил слово «blog», в 2004 году – «dotcom», в 2006 году – «Google» как глагол.

Также среди самых популярных новых слов, связанных с современными формами общения, сегодня называют глагол «to unfriend», которых имеет значение «удалить кого-либо как друга из социального сайта». В 2009 году Оксфордский словарь английского языка выбрал этот

глагол словом года. Его антоним «to friend someone» на протяжении веков существовал в английском языке, но не использовался с 17-го века. По мнению лингвистов, возвращение этого глагола в живую речь говорит о постоянных изменениях в английском языке и о возможности возвращения его к истокам.

Кроме того, в последнее время намечается тенденция изменения значения хорошо известных слов, таких как surf, spam, bookmark, web. Расширяется применение лексики за счет использования символа @. Вместо слова «full stop» (точка) все чаще используется слово «dot». Отмечается частое использование префикса «cyber» в качестве словообразующего элемента при образовании слов, обозначающих понятия, связанные с использованием новых технологий. Например, «cyber dhaba» – определенное место на улице, где можно использовать Интернет, «cyber loaf» – сидеть часами в Интернете, оставляя невыполненными возложенные обязательства, «cyber Cyrano» - автор, сочиняющий за деньги Интернет-профили для других.

Подытоживая вышесказанное, хочется отметить, что именно английский язык как средство международного общения, является тем материалом, на котором как нельзя нагляднее проявляются изменения, связанные с развитием и распространением компьютерных технологий.

Список литературы

1. Крылова В.С., Будник Е.А. Образование неологизмов английского языка в социальной сети Twitter // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2014. № 11. С. 1431–47
2. Навалихина А.И. Развитие высоких технологий и английский язык // Вестн. ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 42–48
3. Процюк И.П. О некоторых изменениях в английском языке под влиянием глобализации // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 298–301

УДК 81'36:81'342.9

ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, КАУЗИРУЮЩИХ НЕГАТИВНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Липанова П.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lipanova.polina@mail.ru

1. Под каузативными глаголами (от лат. *causa* ‘причина’) понимаются глаголы, обозначающие в языке каузативную ситуацию – макроситуацию, состоящую из двух микроситуаций, связанных между

собой отношением каузации или причинения [2]. Отношение каузации имеет место, если один из факторов действительности изменяется в результате воздействия на него другого.

Эмпирическим материалом работы послужили предложения, имеющие в своем составе глагол-каузатор эмоционального (психического) состояния, например: англ. *annoу* ‘раздражать’, рус. *обижать*, нем. *ärger* ‘злить’.

Целью данного исследования является анализ семантико-грамматических особенностей эмотивных глаголов, описывающих каузацию субъектом негативного эмоционального состояния у другого лица в русском, английском и немецком языках (на примерах художественной литературы).

2. Говоря о семантических ролях участников ситуации, описывающей каузацию субъектом негативного переживания у другого лица, можно выделить два разных вида каузации: намеренную и ненамеренную.

2.1. Показатели намеренной каузации агрессии представлены явно. Например:

(1) англ. [He] deliberately *annoyed* the elderly neighbor by walking across his lawn. – [Он] намеренно *раздражал* пожилого соседа тем, что ходил по его газону (Ф. С. Фицджеральд)

(2) рус. Я нарочно и сказал, чтобы вас *побесить*, потому что вы от родства уклоняетесь... (Ф. М. Достоевский)

(3) нем. Ich wusste, dass meine Worte ihn *verärgerten* und setzte meine Rede absichtlich fort. – Я знал, что мои слова огорчали его, поэтому я *умышленно* продолжил свою речь.

В приведенных примерах каузатор совершает намеренное действие, которое имеет влияние на реципиента, вызывая смену его эмоционального состояния. Это подтверждается такими лексическими единицами, как наречия *deliberately* ‘намеренно’ в примере (1), *нарочно* в примере (2) и *absichtlich* ‘умышленно’ в примере (3). На синтаксическом уровне подлежащее (соотносящееся с каузатором на семантическом уровне) совершает действие, выраженное активным залогом.

2.2. Иногда определить признак намеренности/ненамеренности затруднительно. Например:

(4) англ. He *criticized* him each time they met. – Он *критиковал* его каждый раз, как они виделись (Ф. С. Фицджеральд).

(5) Все ваши нравоучения *приводят* ее в бесконечное *уныние* (Л. Н. Толстой)

(6) нем. Ich *ärgerte* ihn mit meinen Bemerkungen, und jetzt konnte er einfach nicht mehr mit mir im selben Raum sein. – Я *раздражал* его своими замечаниями, и теперь он просто не мог находиться в одной комнате со мной. (Г. Фаллада).

В приведенных примерах можно выделить очевидного одушевленного каузатора, а также проследить, какое действие приводит к смене эмоционального состояния реципиента. Однако, нельзя с уверенностью утверждать, что каузатор совершил действие с намерением привести реципиента именно к такому негативному состоянию. В оппозиции намеренности/ненамеренности такие случаи занимают пограничное место. Несмотря на отсутствие очевидности намерения, такие действия как критика (пример 4), нравоучения (пример 5) или замечания (пример 6) неизбежно приводят реципиента к негативному эмоциональному состоянию.

2.3. В случаях, когда каузатор выражен предметным именем или именем ситуации, можно говорить о ненамеренности каузации эмоционального переживания. Например:

(7) англ. *It made her angry to think of all the agony she had wasted.* – Мысль о том, сколько муки она испытала понапрасну, *приводила ее в бешенство* (У. С. Моэм).

(8) рус. И эта отговорка в деле таком важном *рассердила* его (Л. Н. Толстой).

(9) нем. «Gut», sagte ich. Es wäre lächerlich gewesen, etwas anderes zu machen. Aber es ärgerte mich trotzdem. – «Хорошо», – сказал я. Было бы смешно делать что-то еще. Но это все равно меня *раздражало* (Э. М. Ремарк).

На семантическом уровне в приведенных примерах наблюдается смена семантических ролей. Во всех трех случаях источником смены состояния реципиента выступает причина, а не одушевленный каузатор. Таким образом, процесс каузирования, который, в случае намеренной каузации состоял из четырех позиций: каузатор → действие → реципиент → состояние, приобретает следующую форму: причина → реципиент → состояние. Причина не может намеренно каузировать состояние реципиента, потому что он воспринимает ее субъективно, поэтому правомерно говорить о непреднамеренной каузации.

На синтаксическом уровне непреднамеренная каузация отличается широким выбором грамматических конструкций. Так, в примере (7) подлежащим выступает формальное местоимение *it* (в отличие от намеренной каузации, когда подлежащим является сам каузатор), а в примере 9 – безличное местоимение *es*.

3. Таким образом, оппозиция намеренности/ненамеренности каузации эмоционального переживания предполагает различия как на семантическом, так и на синтаксическом уровнях.

3.1. Намеренное каузирование негативного эмоционального состояния напрямую связано с активным залогом и одушевленным каузатором.

3.2. При отсутствии лексических единиц, эксплицитно сигнализирующих о намеренности каузации, четкая граница в оппозиции

намеренности/ненамеренности стирается, даже при наличии одушевленного каузатора и употреблении активного залога.

3.3. Безличные и формальные синтаксические конструкции, наряду с неодушевленным каузатором или причиной, сигнализируют о ненамеренной каузации.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология, грамматика, семантика (К 65-летию В. С. Храковского) [Текст]. – СПб.: Наука, 1998. – С. 273-281.
2. Неद्याлков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив [Текст]. – Ленинград: Наука, 1969. – С. 5-19.
3. Kaliuščenko Vladimir D. Typologie denominaler Verben / Vladimir D. Kaliuščenko. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – S. 39

УДК 81'37:811.111=112.2=161.2

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГУСТАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

М.Н. Мохосоева, канд. филол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк, ДНР
marinamohosoeva@gmail.com

Введение. Густативной называем лексику, обозначающую вкус (далее ГЛ), Материалом исследования стали 2 873 единицы (859 ЛСВ в английском, 918 в немецком и 1 096 в украинском языках). Лексемы со значением вкуса были получены путем сплошной выборки из толковых и синонимических словарей английского, немецкого и украинского языков.

Целью исследования является установление деривационных процессов в ГЛ английского и немецкого языков.

Основная часть. В ходе исследования установлено, что наиболее продуктивными способами пополнения ГЛ в английском и немецком языках являются развитие лексических значений и словообразование.

1. Неологизация ГЛ в исследуемых языках происходит благодаря появлению новых ЛСВ в полисемантическом слове. ГЛ исследуемых языков характеризуется развитой полисемией, в структуре значения ГЛ выделяются два уровня: а) перцептивный, несущий информацию об эталоне вкуса; б) неперцептивный, несущий информацию о переосмысленном значении – метафорическое и символическое значения.

Для полисемантической ГЛ английского и немецкого языков характерно образование особенного типа языковой метафоры –

синкретической. Синкретическая метафора образуется в результате смешения чувственных восприятий, простейший вид такой метафоры находится в пределах чувственных ощущений. Более сложные сближения происходят за пределами чувственных восприятий: в сфере эмоционального восприятия, психического состояния.

Развитие лексического значения ГЛ происходит чаще всего вследствие метафоризации на основе мотивирующей семы (Н. Д. Бессарабова, А. Н. Веселовский, С. Д. Кацнельсон, А. А. Потеня, Г. Н. Скляревская). В ходе исследования топологической структуры ГЛ установлен ряд мотивирующих сем. Так, лексема, обозначающая сладкий вкус англ. *sweet* 'сладкий', нем. *süß* 'сладкий', имеет общий семантический компонент *приятный*. Метафорический перенос по подобию эмоционального впечатления от ощущения сладкого вкуса и приятных ощущений соединяют прямые номинативные значения с иерархически подчиненными производными.

2. При морфологической деривации и словосложении в лексемах вкуса актуализируются значения интенсификации (недостаточный и чрезмерный вкус), позитивной или негативной оценки.

Передача недостаточного или чрезмерного вкусового качества способами аффиксального словообразования более характерна для синтетического немецкого, чем для аналитического английского языка, ср.: англ. *sweet*¹ 'сладкий' → *sweetish* 'сладковатый'; нем. *süß*¹ 'сладкий' → *süßlich*¹ 'сладковатый', *versüßlicht* 'слащавый'. Чрезмерная степень вкусового качества может образовываться морфологическим способом в немецком языке, где полусуффикс прилагательного *über-* добавляет усилительного значения, напр.: нем. *übersüß*, *übersüßt* 'приторный, приторно-сладкий'.

В ходе исследования ГЛ выявлены композиты в английском и немецком языках, относящиеся к трем типам, в зависимости от принадлежности последнего компонента к той или иной части речи: 1) существительные-композиты (англ. – 67 ед.; нем. – 209 ед.), 2) прилагательные-композиты (англ. – 19 ед.; нем. – 27 ед.), 3) глаголы-композиты (англ. – 4 ед.). По типу связи компонентов в густативных композитах, их можно разделить на две группы: а) образованные юстапозицией (словосложением); б) образованные композицией, или основосложением с одновременным присоединением соединительных элементов и суффиксов.

А) Композиты, образованные юстапозицией:

– юстапозиты-существительные, напр.: англ. *sweet-root* 'аир обыкновенный'; *bitterroot* 'корень горечавки'; нем. *Zeitgeschmack (m)* 'вкус времени'; *Bitterkraut (n)* 'корень горечавки'. К юстапозитам относятся все существительные-композиты со значением вкуса в английском языке (67 ед.); 191 существительное в немецком языке;

– юкстапозиты-прилагательные, напр.: англ. *bitter-sweet*² ‘горько-сладкий’, *sweet-tempered* ‘приветливый’; нем. *bittersüß*¹ ‘горько-сладкий’, перен. *süßsauer*² ‘равнодушный’. К юкстапозитам относятся все прилагательные-компози́ты вкуса английского языка (19 ед.); 21 прилагательное в немецком языке;

– юкстапозиты-глаголы выявлены только в английском языке, напр.: англ. *sugar-coat*² ‘украшать’, *honeymoon* ‘проводить медовый месяц’.

В ГЛ английского языка выявлены юкстапозиты-прилагательные с первым компонентом-наречием с уточняющей семантикой: англ. *mild + cured = mild-cured* ‘малосольный’, *well + seasoned = well-seasoned* ‘пикантный, острый’.

Б) Композиты ГЛ, образованные композицией, или основосложением, характерны для немецкого языка и имеют такую продуктивность: 18 существительных, 6 прилагательных. Для образования густативных композитов в немецком языке используются соединительные элементы *-s-*, *-n-*, *-en-*, напр.: *Geschmack-s-stoff (m)* ‘вкусовое вещество’, *galle-n-bitter*² ‘желчный, ехидный’, *Zitron-en-saft (m)* ‘лимонный сок’. В зависимости от количества компонентов, которые одновременно принимают участие в словообразовательном акте, выделяются двокомпонентные и многокомпонентные (наличие трех и более компонентов) модели.

Список литературы

1. Складаревская Г. Н. Семантический посредник метафоризации. Семантические виды языковой метафоры / Г. Н. Складаревская ; главн. ред. Д. Н. Шмелев // Метафора в системе языка. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 155 с.
2. Linguistic Universals and Language Change / [Ed. by Jeff Good]. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 339 p.
3. Lipka L. English lexicology : lexical structure, word semantics and word-formation / Leonard Lipka. – Tübingen : Narr, 2002. – 224 p.
4. Oguу O. D. Lexikologie der deutschen Sprache / O. D. Oguу. – Winnyts'a : Nowa knyha, 2003. – 416 S.

ОГРАНИЧЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОТАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЭССИВНОЙ СЕМАНТИКИ)

Пузик А.А., канд. филол. наук, доцент
ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк, ДНР
apuzzik@mail.ru

Введение. Сегодня в специальной литературе в отношении словообразовательных процессов часто встречается термин «ограничения», который можно представить как совокупность факторов, которые препятствуют или способствуют раскрытию словообразовательного потенциала языка [1–3].

На материале различных языков, в том числе и в сопоставлении, были предприняты неоднократные попытки установить систему параметров, регулирующих продуктивность или потенциальные возможности различных частей речи [1].

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить факторы, способствующие или препятствующие образованию глаголов эссивной семантики от имен прилагательных на основе анализа словообразовательной, лексической семантики, морфонологических особенностей глаголов и мотивирующих их прилагательных, с учетом синонимичных (конкурирующих) разноуровневых средств систем немецкого, английского и украинского языков.

Глаголы, мотивированные именами прилагательными, значение которых определяется в рамках данного исследования как «находиться в состоянии признака/обладать признаком, названным мотивирующим прилагательным», конституируют отдельную словообразовательную категорию эссивных отадъективных глаголов (далее: ОАГ). Семантика эссивных ОАГ может быть представлена в самом общем виде посредством формулы толкования [1]: «**Субъект ситуации есть (как) мотивирующий адъектив**», ср.: нем. *kranken* (ан) (уст.) ‘болеть (чем-либо), иметь недостатки’ ← *krank* ‘больной, слабый, имеющий недостатки’; англ. *equal* (брит.) ‘а) (матем.) равняться, быть равным б) быть одинаковым, тождественным (по каким-л. качествам) ← *equal* ‘равный, одинаковый; идентичный, равносильный, тождественный’; укр. *блакитніти* ‘виднеться, выделяться своим голубым цветом’ ← *блакитний* ‘голубой’.

В семантической структуре эссивных ОАГ языков сопоставления воспроизводится оппозиция по признаку: «активное/неактивное состояние субъекта ситуации при выявлении признака, обозначенного мотивирующим прилагательным». По данному признаку эссивные ОАГ

сопоставляемых языков подразделены на две словообразовательные субкатегории: собственно эссивные («неактивное состояние субъекта при выявлении признака») и квазиэссивные ОАГ («активное состояние субъекта при выявлении признака»).

В рамках выделенных словообразовательных субкатегорий языков сопоставления и на основе наличия/отсутствия и характера определенных дополнительных семантических компонентов (ДСК) в семантике эссивных ОАГ выделены семантические группы. Так, в составе собственно эссивных ОАГ четко разграничиваются две семантические группы в зависимости от того, является ли обнаруживаемый субъектом ситуации признак обязательно визуально воспринимаемым (экспозитивные ОАГ) или визуально невоспринимаемым (интраэссивные ОАГ). Экспозитивные ОАГ украинского языка количественно превосходят соответствующую семантическую группу немецкого языка в 8 раз, в английском языке ОАГ экспозитивной семантики не обнаружены. Словообразовательную субкатегорию квазиэссивных ОАГ составили в украинском и английском языках 4, а в немецком языке 3 семантических группы: квазиэссивные ОАГ поведения, квазиэссивные произносительные ОАГ (ОАГ такой семантики не обнаружены в немецком языке), квазиэссивные ОАГ движения и квазиэссивные ОАГ зрительного восприятия.

В немецком и английском языках основным способом образования ОАГ эссивного значения служит конверсия (85 % и 56 % соответственно). В английском языке конверсия дополняется суффиксными моделями: 44 % эссивных ОАГ английского языка образуются с помощью суффиксов. В украинском языке эссивные суффиксные ОАГ составили 100 % материала исследования, в немецком языке почти 15 % общего количества эссивных ОАГ являются суффиксными образованиями.

В материале исследования эссивных ОАГ языков сопоставления обнаружены соответствия на уровне лексической семантики. Наибольшее количество соответствий обнаружены в семантической группе квазиэссивных ОАГ поведения. Основной формой соответствий/компенсаций эссивным ОАГ украинского языка в немецком и английском языках являются конструкции «прилагательное + глагол».

Комплексный анализ словообразования «прилагательное → эссивный глагол» позволил установить факторы, способствующие или препятствующие данной модели словопроизводства в языках сопоставления.

В немецком и английском языках образованию ОАГ эссивной семантики препятствуют, во-первых, аналитизм этих языков, во-вторых, кооперация аналитической конструкции эссивного значения с опорой на признак, обозначенный именем прилагательным, с конструкциями, выражающими каузативное и инхоативное значения «прилагательное + глагол (каузативной/инхоативной семантики)», что является следствием аналитического строя этих языков сопоставления.

В украинском языке ОАГ эссивной семантики составляют продуктивный класс, возможности которого в словообразовательной подсистеме исчерпаны не полностью. Так, например, наблюдения различных характеристик имен прилагательных, мотивирующих экспозитивные ОАГ украинского языка (типа *біліти* 'белеть, виднеться белым, белеться'), и сходных характеристик прилагательных-цветообозначений украинского языка – потенциальных основ для образования глаголов экспозитивной семантики, позволяют утверждать, что формальная и семантическая организация этих прилагательных не ограничивает их вербализацию. Основной причиной того, что некоторые прилагательные-цветообозначения не мотивировали глаголы, можно считать невысокую частотность этих прилагательных-цветообозначений в украинском языке. В отношении других выделенных семантических групп в рамках эссивных ОАГ украинского языка следует отметить, что в языке нет потребности в назывании значения «нахождение в состоянии признака/обладание признаком» посредством глаголов – в системе украинского языка имеются аналитические средства выражения данного значения, а именно конструкции типа «прилагательное + глагол», которые и выражают данное значение. Так, прилагательное *гострий* 'острый', мотивирующее глагол инхоативной семантики *гостріти* 'становиться (более) острым', могло бы в своей семантической структуре иметь такой ЛСВ, как «быть острым» или «виднеться чем-то острым/острием» (по аналогии с ОАГ *повніти* 'быть полным чем-либо/от чего-либо', *порожніти* 'быть пустым, никем и ничем незанятым, незаселенным', *кругліти* 'виднеться, выделяться своими округлыми формами, быть круглым'), но в украинском языке данное значение выражает конструкция «бути *гострим, шпильастим, шпичастим*» («бути *видним, виднітися гострим краєм, вістрям, лезом*»), ср.: *Ніж гострий* 'Нож острый', которая препятствует развитию у инхоативного ОАГ *гостріти* эссивного значения.

Список литературы

1. Калиущенко В.Д. Типология отыменных глаголов. / В.Д. Калиущенко. – Донецк: Донеччина, 1994. – 422 с.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 254 с.
3. Motsch W. Wortbildungsregeln. Überlegungen zu den empirischen Anforderungen an eine Theorie der Wortbildung. /W. Motsch // Festschrift für K. Hyldgaard-Jensen. Kopenhagen, 1987. S. 207-216.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сорокина С. Г., Волкова Т.Я., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
SvetlanaSorokina98@mail.ru

Введение. Фразовым глаголом в английском языке является комбинация моноксемного глагола и предложной частицы – послелога, которые образуют цельную семантическую единицу. Характерной особенностью фразовых глаголов является наличие послелога, или постпозитивного компонента, который в данном исследовании рассматривается как словообразовательно неизменный элемент, стоящий после глагола и образующий с ним единое смысловое целое [1].

Цель работы – описание семантических особенностей фразовых глаголов движения в английском языке.

Основная часть. Семантическая классификация фразовых глаголов движения с различными постпозитивами (500 ед.), составляющих материал исследования, позволила выделить 10 семантических групп:

1. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *out*, имеющие общее значение «направление движения изнутри наружу» (142 ед., 28,4 %), например: *Then I stamped out of the room, slammed the door and ran upstairs for a cry.* ‘После чего я вылетела из комнаты, хлопнула дверью и поскакала наверх, чтобы выплакаться’.

2. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *up*, которые имеют значение «направление движения вверх» (128 ед., 25,6 %), например: *One: the first time we met you stood up when I entered the room, which was sweet, but it was the Hard Rock Café and I was coming out of the kitchen to take your order.* ‘Во-первых, при самой первой нашей встрече ты встал, когда я вошла в зал, – мило, конечно, но ведь дело было в «Хард-рок кафе», а я вышла из кухни, чтобы принять твой заказ’.

3. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *away* (64 ед., 12,8 %). Данный постпозитив употребляется для обозначения конкретного движения в пространстве (перемещение). Семантика данных глаголов не является однородной, она определяется оппозицией «перемещение – каузация перемещения», например: *‘It may be time to consider switching off the life-support, he said, ‘and let the old fellow slip away.* ‘Возможно, настало время отключить систему жизнеобеспечения, – сказал он, – и позволить старику отойти с миром’.

4. Фразовые глаголы движения, которые употребляются с постпозитивом *off* (62 ед., 12,4 %) и обозначают перемещение-удаление:

It's natural for him to drive off in such a manner. 'Ему свойственно отгонять машину в такой манере'.

5. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *back* (25 ед., 5 %) с общим значением «движение назад, в обратном направлении», например: *They always take back the plastic cutlery.* 'Пластмассовую посуду после еды уносят'.

6. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *forward* (25 ед., 5%), которые имеют общее толкование «движение вперед, дальше», например: *Alloway went to the side of the room to pull forward a chair which he placed to the right of his own and a little further back from the table.* 'Аллоуэй, подойдя к стене, подтащил кресло и поставил его справа от себя, хоть и чуть дальше от стола'.

7. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *down* (24 ед., 4,8 %), которые употребляются для обозначения конкретного движения в пространстве. Общим для этих фразовых глаголов движения является толкование «движение вниз», например: *They would have to turn and face the wall or just sit down on the ground.* 'Им приходилось поворачиваться лицом к стене или даже садиться на землю'.

8. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *over* (20 ед., 4 %) с общим значением «направление движения через что-то», например: *I look at the writing and imagine your hand moving over the paper.* 'Я смотрю на буквы, изучаю твой почерк, представляю, как рука твоя движется по бумаге'.

9. Фразовые глаголы движения с постпозитивом *in* (6 ед., 1,2 %), которые имеют общее толкование «движение вовнутрь», например: *Would it be all right if I came in with you?* 'Вы не будете против, если я войду с вами?'.

10. Фразовые глаголы движения, которые употребляются с постпозитивом *on* (4 ед., 0,8%). Общим для этих глаголов является толкование «продолжение движения в пространстве (перемещение)», а именно «движение дальше, вперед», например: *Ned was going on paying no attention to that shout.* 'Нед продолжал идти, несмотря на тот крик'.

Заключение. Значение фразового глагола в английском языке определяется семантикой послелого, который входит в его состав. Наиболее продуктивными являются фразовые глаголы, обозначающие направление движения изнутри наружу (*out*) – 28,4% , а также движение вверх (*up*) – 25,6 %.

Список литературы

1. Аничков И. Е. Адвербиальные послелогои в современном английском языке. [Текст] / И.Е. Аничков. – Пятигорск, 1961. Т. 24. – С. 221-253.
2. S. Fry The Stars' Tennis Balls [Электронный ресурс] – URL.: <http://booksonline.com.ua> (дата обращения: 14.03.2019).

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

*Туарменская А.В.*¹, канд. филол. наук,

*Туарменский В.В.*², канд. пед. наук

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина», г. Рязань, РФ

²ФКОУ ВО «Академия права и управления ФСИН России», г. Рязань, РФ
a.tuarmenskaya@gmail.com

Введение. В последние годы в лингвистике наблюдается интерес к соотношению языка и картины мира как идеальной модели действительности, существующей в сознании субъекта, как способа организации знаний о мире. Картина мира – это наше представление о мире, которое отражает специфику взаимоотношения человека и бытия. Она может быть индивидуальной, общей, детской, взрослой, религиозной, языковой, исторической и т.д. [5]. Картина мира вариативна и изменчива. В ней есть как элементы общности, обеспечивающие взаимопонимание людей, так и типичные только для данной картины мира черты.

Цель данной статьи – обратить внимание на существующие различия в русской и английской языковых картинах мира, которые находят отражение во фразеологических системах данных языков. Без знания этих особенностей невозможно в совершенстве овладеть иностранным языком.

Основная часть. В лингвистике принято различать концептуальную и языковую картины мира [3]. Концептуальная картина мира богаче и шире языковой, поскольку в ее формировании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. Отображение картины мира в языке не всегда происходит достаточно последовательно и точно. Это объясняется тем, что язык не является единственным средством познания окружающего мира, и недостатки вербального мышления могут компенсироваться различными типами неречевого мышления.

Взаимоотношение языка и картины мира отличаются сложностью и многогранностью. С одной стороны, в языке формируется языковая картина мира как одна из наиболее важных составляющих картины мира у человека. С другой стороны, язык выражает другие картины мира человека. Не случайно в рамках когнитивной лингвистики постулируется мысль о том, что все важные структуры знаний объективированы и сохранены в языковой форме [1, 2, 4, 6–8]. Именно благодаря языку знания и опыт отдельных индивидов становятся коллективными.

Объективная действительность по-разному отражена в различных языках. При этом формируются особые, отличающиеся друг от друга картины мира. Языковая картина мира – это своего рода мировидение

через призму языка [9]. Специфика человеческого восприятия действительности, закрепленного в языке, проявляется в том, что носитель какого-либо языка и соответствующей ему картины мира строит свое речевое поведение в соответствии с данной картиной мира.

В ходе исследования при сравнении русских и английских устойчивых выражений было выявлено три типа их несоответствия друг другу, обусловленные разной степенью несовпадений в картинах мира.

К первому типу относятся фразеологизмы, отличающиеся лишь одним компонентом, входящим в их состав, что говорит о наличии достаточно схожих фрагментов в русской и английской языковых картинах мира. Например: *She knew that he had risked his neck to help her* (neck – “шея”, но по-русски рискуют не шеей, а головой); *The children clapped hands with joy* (по-русски дети “хлопали в ладоши”); *They sat in the dock, their faces held high* (по-русски – “с высоко поднятыми головами”).

Ко второму типу относятся такие случаи, когда фразеологическая единица одного языка может быть идентичной по форме фразеологизму другого языка, но иметь абсолютно другое образное значение: *to lead somebody by the nose* – в английском языке это устойчивое выражение означает, что один человек полностью доминирует над другим, всецело подчиняет себе кого-либо, а в русском выражение “водить за нос” имеет значение “обманывать”; *to stretch one's legs* – для русского человека смысл этого выражения один – “умереть”, для англичанина – “размять ноги, прогуляться”.

К третьему типу нами отнесены устойчивые выражения, которые не имеют соответствий в разных языках, что связано с существованием совершенно разных фрагментов в языковых картинах мира. Например, английская пословица *A rolling stone gathers no moss* описывает ситуацию, которую можно передать в русском языке: “катящийся камень мха не собирает (мхом не обрастает)”. Однако из этой ситуации носитель русского языка не сможет извлечь правильную информацию. В то же время для представителя английской культуры и английского языка ясно, что мох в этой ситуации олицетворяет богатство и его отсутствие – явление отрицательное. Таким образом, ситуация, описанная английской пословицей, подразумевает, что следует не бродить по свету, а сидеть дома и копить добро – “кому дома не сидится, тот добра не наживет”.

Заключение. Каждый народ по-своему смотрит на окружающую действительность и его взгляд обязательно находит воплощение в наименованиях, которые не всегда имеют точного соответствия в других языках. Языковая картина мира находит отражение во фразеологических единицах языка. Знание устойчивых выражений иностранного языка позволяет сознательно подходить к фактам и явлениям в языке, видеть их самобытность, своеобразие и качества, присущие только этому языку, выражающему картину мира его носителей. Языковая картина мира – факт национально-культурного наследия и язык (со своей фразеологической системой) – одна из форм фиксации этого наследия.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2000. – 123 с.
2. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – Иркутск, 1996. – 159 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова // Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Манерко Л.А. Когнитивная лингвистика: Философские основания, направления исследования и методологический аппарат / Л.А. Манерко // В сборнике: Англистика XXI века. Материала VII Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. 2014. С. 9-15.
5. Туарменская А.В. Картина мира церковнославянского языка как чистый источник духовных ценностей / А.В. Туарменская // В сборнике: Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку Сборник материалов Межрегиональной конференции. Ответственный редактор: О.А. Скрябина. – Рязань, 2015. – С. 317-320.
6. Туарменская А.В. Когнитивные аспекты восприятия и категоризации пространственного опыта (на материале английских фразеологизмов со словами, обозначающими части тела человека). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2006.
7. Туарменская А.В. Отражение в языке восприятия человеком окружающего мира / А.В. Туарменская // Наука и образование XXI века материалы VI-й Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. – Рязань, 2012. С. 239-243.
8. Туарменская А.В. Язык пространства / А.В. Туарменская // Наука и образование XXI века сборник материалов II-ой Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2008. С. 31-36.
9. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1-2-3. – С. 47-56.

УДК 81`25

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Черкасова М.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
cherkasovamary10@gmail.com

Работа посвящена рассмотрению лексико-семантических и структурных особенностей психологических терминов английского и немецкого языков (напр., англ. *activity patterns* ‘образцы активности’, *affective personality* ‘аффективная личность’, *altered selective attention*

‘переменное селективное внимание’; нем. *dissoziative Persönlichkeit* ‘диссоциативная личность’, *Dorian-Gray-Syndrom* ‘синдром Дориана Грея’, *manisch-depressives Syndrom* ‘маниакально-депрессивный синдром’) и способов их перевода на русский язык.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью в систематизации и всестороннем описании терминологической лексики на современном этапе развития общества в связи с интенсивным развитием науки и техники, увеличением информационных потоков, а также потребностью в решении проблемы перевода терминов, которая в научной литературе еще не получила должного освещения. Несмотря на систематическую и целенаправленную работу ученых в области терминологии (П. А. Азимов, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, Г. В. Степанов [1], L. Drozd [2], W. Seibicke [2], H. Felber [3], W. v. Hahn [4], L. Hoffman [5]), не все ее аспекты на сегодня изучены достаточно. В частности, это касается психологической терминологии, которая относится к числу самых интенсивно развивающихся и сложных по структуре терминосистем.

Объект исследования – английские и немецкие психологические термины.

Предмет – лексико-семантические и структурные особенности английских и немецких психологических терминов и способы их перевода на русский язык.

Цель исследования – структурно-семантический и переводческий анализ психологических терминов в английском и немецком языках.

Материалом исследования послужили психологические термины, извлеченные методом сплошной выборки из зарубежных периодических психологических изданий. Всего проанализировано 975 единиц (506 – в английском языке и 469 – в немецком языке).

Основная часть. Под психологическим термином (далее – ПТ) понимается слово или словосочетание, используемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов и явлений из области психологии. Совокупность ПТ образует психологическую терминосистему, для которой характерны: динамичность, целостность, структурированность, связность.

В исследовании ПТ классифицируются на основании семантического и структурного критериев. По семантическому критерию выделяются следующие лексико-семантические группы ПТ (см. табл. 1).

В результате анализа выявлено, что в немецком языке преобладает исконная психологическая терминология, тогда как в английском языке доминируют ПТ, заимствованные из латинского, греческого и др. языков.

ПТ английского и немецкого языков неоднородны в структурном отношении, что позволяет выделить следующие их структурные типы (см. табл. 2).

Таблица 1

Лексико-семантические группы (ЛСГ) ПТ

ЛСГ ПТ	Английские ПТ	Немецкие ПТ
Наименования болезней и патологических состояний	<i>cognitive-affective disturbance</i> 'когнитивно-аффективное нарушение', <i>anorexia nervosa</i> 'невротическая анорексия'	<i>Adipositas</i> 'ожирение', <i>Agrypnie</i> 'нарушение сна', <i>Basedow-Krankheit</i> 'базедова болезнь'
Наименования специалистов-психологов	<i>clinician</i> 'врач-консультант', <i>psychologist</i> 'психолог', <i>psychiatrist</i> 'психиатр'	<i>Agent</i> 'агент', <i>Befrager</i> 'интервьюер', <i>Psychoskopist</i> 'психоскопист'
Наименования пациентов	<i>client</i> 'клиент', <i>patient</i> 'пациент'	<i>Körperbehinderte</i> 'лицо, страдающее физическим недостатком'
Наименования видов лечения (процедур, манипуляций)	<i>psychotherapy</i> 'психотерапия', <i>diagnosis</i> 'диагноз', <i>functional magnetic resonance imaging</i> 'магнитно-резонансная томография'	<i>Analyse</i> 'анализ', <i>Angabe</i> 'информация', <i>Ansatz</i> 'подход', <i>Aversionstherapie</i> 'аверсивная терапия'
Наименования организаций, занимающихся психологической деятельностью	<i>the Department of General Psychiatry</i> 'отдел общей психиатрии', <i>clinic</i> 'клиника'	<i>Berufsverband Deutscher Psychologinnen und Psychologen</i> 'профессиональный союз немецких психологов'

Таблица 2

Структурные типы ПТ в английском и немецком языках

Структура ПТ		Английские ПТ	Немецкие ПТ
Простая		<i>liar</i> 'лжец', <i>trait</i> 'черта'	<i>Leid</i> 'страдание'
Сложная	Двухкомпонентная	<i>heightened empathy</i> 'повышенная эмпатия'	<i>Involution psychische</i> 'психическая инволюция'
	Трехкомпонентная	<i>explicit integrative organization</i> 'явная интегративная организация'	<i>Leib-Seele-Problem</i> 'проблема взаимоотношения души и тела'
	Многокомпонентная	<i>Externally-Oriented Thinking subscale</i> 'подшкала внешне ориентированного мышления'	<i>Pintner-Patterson Scale of Perfomance Tests</i> 'шкала невербальных субтестов Пинтнера'
Словосочетание		<i>family problems</i> 'семейные проблемы'	<i>pathologische Lüge</i> 'патологическая ложь'

Следует отметить, что в английском языке чаще всего используются словосочетания, тогда как в немецком языке наблюдается тенденция к использованию исконно немецких терминов, что приводит к образованию слов, содержащих 2, 3 корня и более.

При переводе ПТ с английского и немецкого языков на русский часто возникают трудности, обусловленные неоднозначностью контекста, высокой идиоматичностью терминов-словосочетаний, сложностью в

выявлении семантических отношений между компонентами, отсутствие устоявшихся межъязыковых параллелей и др.

При анализе способов перевода ПТ основу была взята классификация В. Н. Комиссарова [6]. Установлено, что при переводе английских ПТ на русский язык используются следующие способы: калькирование, транскрипция, транслитерация, поиск элемента, лексические добавление и опущение, а также генерализация и конкретизация. Среди них наиболее продуктивным является калькирование. Например: *therapeutic work* ‘терапевтическая работа’, *emotionalpain* ‘эмоциональная боль’. В немецко-русском переводе используются следующие способы: поиск эквивалента, калькирование, транскодирование, описательный перевод, прием прямого графического переноса. Из них самым популярным является поиск эквивалента. Например: *Verlust* ‘потеря’, *Gewalt* ‘насилие’.

Заключение. В английском и немецком языках ПТ могут быть классифицированы по семантическому и структурному принципам. В немецком языке преобладают исконные ПТ, тогда как в английском языке данные единицы обычно заимствуются из других языков. Английские и немецкие ПТ неоднородны в структурном отношении. Среди английских ПТ преобладают словосочетания, тогда как в немецком языке – многокомпонентные структуры, состоящие из 2-3 корней. Адекватный и эквивалентный перевод ПТ достигается с помощью ряда переводческих приемов: калькирование, транскрипция, транслитерация, поиск элемента, лексические добавление и опущение, генерализация и конкретизация (английский язык); транскодирование, поиск эквивалента, калькирование, описательный перевод, прием прямого графического переноса (немецкий язык).

Список литературы

1. Азимов П. А., Дешериев Ю. Д., Никольский Л. Б., Степанов Г. В., Швейцер А. Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 3–11.
2. Drozd L., Seibicke W. Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache. Bestandsaufnahme – Theorie – Geschichte. – Wiesbaden, 1973. – 207 s.
3. Felber H. Terminology Manual / H. Felber. – Paris: UNESCO, Infoterm, 2002. – 457 p.
4. Hahn W.v. Fachsprachen / W. v. Hahn // Lexikon der germanistischen Linguistik. – Tübingen, 1973. – S. 283-286.
5. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung / L. Hoffmann. – Berlin, 1985. – 307 s.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ И ОБЗОРНЫХ СТАТЕЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Шемякина К.Д., Волкова Т.Я., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
shemyakina_kris@mail.ru

Введение. Стиль газетных текстов английского и русского языков многообразен и во многом определяется спецификой газетных жанров, включающих новостные сообщения, краткие новостные сообщения и коммюнике, репортажи, объявления, очерки, редакторские колонки, передовицы, статьи комментаторов или обзорные статьи. В представляемом исследовании анализируются тексты новостных сообщений и обзорных статей как наиболее характерные представители газетных жанров. Первые призваны предоставлять читателю объективную информацию о произошедших событиях, им не присуще субъективное отношение автора к публикуемому материалу. Вторые характеризуются открытой оценочностью и призваны оказывать агитационное влияние на реципиента с целью укрепить предрасположенность к определенным воззрениям.

Актуальность работы обусловлена необходимостью сопоставительного анализа лексических особенностей языка современных англо- и русскоязычных газетных изданий.

Цель работы – выявить сходные и различные черты в лексическом наполнении новостных сообщений и обзорных статей в сопоставляемых языках.

Основная часть. Анализ газетных текстов указанных жанров показал, что одной из их самых ярких особенностей новостных сообщений как в английском, так и в русском языках является использование значительного количества так называемых газетных штампов – особых фразеологических единиц и устойчивых выражений, типичных для публицистического стиля. В английском языке к газетным клише можно причислить следующие выражения: *political turmoil* ‘политическая нестабильность’, *to shoulder the blame* ‘брать на себя вину’, *to sink money* ‘вкладывать деньги’, *coup attempt* ‘попытка госпереворота’, *puppet government* ‘правительство-марионетка’, *bloodshed wave* ‘волна убийств’, *kick into high gear* ‘идти полным ходом’, *to grapple with the challenge* ‘пытаться разрешить проблему’. В новостных сообщениях западных изданий появляются образные элементы языка, которые в связи с постоянным употреблением классифицируют как газетные штампы, которые утратили свою образно-эстетическую функцию. Например: *to sow the seeds of doubt* ‘посеять сомнения’, *to make ducks and drakes* ‘поступать

безрассудно’, *to whip up smth.* ‘делать на скорую руку’, *a bitter quarrel* ‘острый конфликт’, *to have clean hands* ‘быть неподкупным’, *sticky moment* ‘щепетильная ситуация’.

Как видно из приведенных примеров, газетные клише относятся либо к нейтральной (*political turmoil, coup attempt*), либо к разговорной лексике (*to shoulder the blame, to kick into high gear*).

Для русскоязычной прессы характерно употребление следующих устойчивых выражений: *списать со счетов, удержаться на плаву, выйти на финишную прямую, возобновление диалога между странами, внутривполитический расклад, идеологические соратники, президентские амбиции, лидер предвыборной гонки*.

Разговорная лексика и элементы разговорного синтаксиса являются привычным ресурсом массовой коммуникации. Ввиду нацеленности СМИ на сокращение дистанции между участниками коммуникации разговорные элементы языка превращаются в базовый компонент газетного текста. В обзорных статьях британских изданий были найдены следующие примеры: *Parliament is gridlocked*. – ‘Члены парламента находятся в безвыходном положении’; *There have been close shaves* (разговорное выражение, американизм); *sometimes information has not been forthcoming from one side or another, but the de-confliction regime has generally worked*. – ‘Естественно опасные ситуации возникали: иногда информация не проходила по каналам связи, однако режим устранения конфликта в целом работал’.

На страницах российских изданий также были найдены примеры данного явления: *Экономический обвал конца 2019 – начала 2020 года, в случае, если мы не выпетляемся из этой долговой ямы, и социально-политические последствия вообще могут обесмыслить все наши разговоры о помощи, евроинтеграции и прочем*.

Стиль лексики и фразеологии обзорных статей англоязычных изданий, напротив, характеризуется высокой степенью книжности. Многие из нижеприведенных слов крайне редко встречаются в других функциональных стилях: *to portend (to foretell)* ‘обещать’, ‘предполагать’; *to bode ill (to give bad promise)* ‘не обещать ничего хорошего’; *to exacerbate (to irritate)* ‘ухудшать’ ‘обострять’; *proliferation (reproducing freely by offsets)* ‘быстрый рост’, ‘подъем’; *to deplore (to feel sorrow)* ‘выражать сожаление’; *malpractice (wrongdoing)* ‘правонарушение’; *repartee (a clever answer)* ‘остроумный ответ’.

В газетных текстах как англо-, так и русскоязычной прессы встречается большое количество имен собственных. Это делает сообщение целенаправленным и относит передаваемую информацию к определенным лицам, учреждениям или районам, предполагает наличие определенных фоновых знаний у читателя. Например:

(англ. яз) *Forecasts said rivers would crest on Sunday and Monday at record or near-record levels: the Little River, the Cape Fear, the Lumber, the*

Neuse, the Waccamaw and the Pee Dee were all projected to burst their banks.
– ‘Синоптики предупреждают, что в воскресенье и понедельник уровень воды в реках подымится до рекордного уровня; ожидается, что реки Литл Ривер, Кейп-Фир, Ламбер, Ньюс, Ваккамо и Грэйт Пи Ди выйдут из берегов.’

(рус. яз) *Ситуация в Абхазии и Южной Осетии и в Донбассе во многом похожа.*

На страницах газет нередко встречаются аббревиатуры. Эти сокращения не всегда могут быть знакомы широкому читателю, в таких случаях журналисты их расшифровывают. Например:

(англ. яз) *NEU (National Education Union), IGS: Durham (The Independent Grammar School), DfE (The Department for Education), NWS (National Weather Service)*

(рус. яз) *ОЗПП (общество защиты прав потребителей), АНО (автономная некоммерческая организация), АО (акционерное общество), НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), БДИПЧ (Бюро по демократическим институтам и правам человека)*

Газетные тексты русскоязычных изданий наполнены терминологией науки, производства и других социальных сфер. Например: *В этом ядре была обнаружена ацетилхолинэстераза, это означает, что оно содержит нейроны, которые используют в качестве медиатора ацетилхолин.*

Заключение. Анализ лексических особенностей новостных сообщений и обзорных статей в газетных текстах на английском и русском языках позволил выявить большое количество изоморфных черт, среди которых использование газетных клише, имен собственных, аббревиатур и сокращений, смешение литературного языка с элементами разговорного стиля. Высокая степень книжности, присущая текстам обзорных статей англоязычных изданий, и большое количество научно-технических и других специальных терминов, встречающихся в русскоязычной прессе, относятся к алломорфным особенностям газетного стиля, выявленным на данном этапе исследования.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1998. – 389 с.
2. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина – М., 2010. – 464 с.
3. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С.7 – 15.

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

УДК 811.111

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ветрова Э.С., д-р филол. наук, доцент,
Удинская А.Г., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
a-zhukova@yandex.ru

1. С 70-х годов XX века в связи с возросшим интересом к исследованию функционирования языковых средств в различных сферах речевой деятельности развивается стилистическая грамматика или грамматическая стилистика, которая в центр своего внимания возводит, в частности, всестороннее изучение стилистического потенциала различных частей речи.

В данной работе рассматриваются стилистически значимые случаи употребления прилагательных на материале романа современного английского писателя Стивена Фрая «Теннисные мячики небес», в котором прилагательные используются достаточно широко и разнообразно.

2. Несмотря на то, что прилагательное имеет относительно «бедную» морфологию, эта часть речи обладает ярким стилистическим потенциалом.

2.1. Прилагательное в английском языке изменяет свою форму только при образовании степеней сравнения суффиксальным способом. Вытеснение суффиксального способа образования сравнительной и превосходной степени аналитическими конструкциями с *more* и *the most* в разговорной речи обладает не только стилевой окраской, но и является более эмоциональной формой, так как происходит дополнительное усиление качества прилагательного [3, с.167], напр.:

(1) *'Good. Now I want you to swear on that most holy thing that what I ask you to do you will do without telling a soul. Do you understand? Not a soul.'* [4, с. 54].

2.2. Категория сравнения охватывает только качественные и количественные прилагательные. Употребление превосходной степени для прилагательных, которым эта категория несвойственна, помимо высокой степени интенсивности выраженного прилагательным признака сообщает прилагательному еще большую экспрессивность [1, с.170-171].

(2) *His being a Lover though, a Lover with the most capital of Ls, made him burst with so much pride he could scarcely recognise himself* [4, с. 51].

2.3. Даже если грамматические формы сами по себе не отличаются образностью, они могут получить ее при повторе. Так, пример (3) обладает повышенной экспрессивностью как благодаря наличию прилагательных и

в сравнительной и превосходной степенях сравнения, так и по своему синтаксическому рисунку (кольцевой повтор, анадиплосис), напр.:

(3) *But more than that, you understand the greatest chess secret of all. The best move you can ever play in chess is not the best move. No, the best move you can ever play is the move your opponent least wants you to play.* [4, с. 199-200].

2.4. В относительно небольшом контексте примера (4) помимо употребления относительного прилагательного *red* ‘красный’ в сравнительной и превосходной степени, лексического повтора и аллитерации, очевиден также случай употребления игры слов, основанный на омофонии данного прилагательного с причастием *read*. Таким образом, в данном случае наблюдается случай стилистической конвергенции, при которой экспрессия, заключенная в данных приемах, при их совместном употреблении накладывается друг на друга, и общий стилистический эффект в результате такого накопления значительно возрастает [2, с. 136]., напр.:

(4) *Very few people have lips that really are red in the way that poets write about red. Yours are the reddest red, a redder red than ever I read of* [4, с. 5].

В еще более коротком контексте примера (5) можно говорить об одновременной реализации экспрессивного средства на уровне грамматической формы (употребление суффиксального способа образования многосложного прилагательного), лексического повтора и аллюзии на известное произведение Л. Кэрлла «Приключения Алисы в Стране чудес», напр.:

(5) *Mysteriouser and mysteriouser* [4, с.423].

2.5. Важную стилистическую функцию выполняет также нарушение предметной отнесенности и, соответственно, изменение валентности в смещенном эпитете. В следующем примере употребляется прилагательное *sleepless* ‘бессонный’, которое должно сочетаться с одушевленным существительным, однако его употребление с существительным *night* ‘ночь’ метонимически обозначает неспящего человека, напр.:

(6) *Since the sleepless night of his watch on the Orphana and the anxious day that followed it, Ned had lain awake on a bumpy train from Glasgow to London* [4, с.86].

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. / И. В. Арнольд. – М.: Флинта; Наука, – 2009. – 384 с.
2. Нилькенбаум В. М. Особенности стилистической конвергенции в художественном тексте / В. М. Нилькенбаум // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – №1. – С. 136-138.
3. Перехода Е. И. Стилистический потенциал грамматических форм в разговорной речи (на материале современного английского языка) / Е. И. Перехода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – С. 164-174.
4. Fry S. The Stars' Tennis Balls / S Fry – London: Arrow Books, 2004. – 436 p.

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Гапотченко Н.Е., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nadya.gapotchenko@gmail.com

В современной межкультурной коммуникации проблема адекватного перевода текстовой информации, отображающей официальную позицию не только отдельных организаций, но даже государств, играет особую общественно-политическую роль. Отдельными проблемами перевода официальных текстов с одного языка на другой занимались Ж.-П. Вине, В. Г. Гак, Ж. Дарбельне, Л. Р. Исмаилова, В.Н.Комиссаров, М. Ледерер, Ж. Мунен, А. В. Федоров и другие исследователи.

Наряду с многочисленными лингвокультурными составляющими личность переводчика является одним из главных факторов, влияющих на процесс и продукт перевода. Главной задачей переводчика является максимальное сохранение информативности исходного сообщения средствами языка перевода, несмотря на возможную незначительную декомпрессию документа в языке перевода. Переводчик официальных документов несет ответственность за создаваемый на французском языке текст, который может стать единственной и прецедентной для франкоязычного сообщества презентацией официальной позиции организации, государства в связи с описываемыми событиями.

В целом, официальным текстам, равно как и их переводам, свойственна четкость изложения, безличность и жанрово-стилистическая клишированность; преимущественное использование лексики с четким денотатом, отсутствие образности изложения, а, значит, минимальное употребление тропов и фигур, что снижает двусмысленность при восприятии.

Каждый официальный текст имеет четкую тематическую направленность, жанровую принадлежность, стилистическую организацию и прагматику (завлечения, доклады, тексты пресс-конференций, указы, договоры, протоколы, резолюции, декларации, обзоры, заметки) итд. Переводы, представленные на официальных сайтах, являются прецедентными и каноничными [3, с.95] для иноязычного коммуникативного пространства.

При переводе официального текста с русского на французский язык даже перед опытным переводчиком возникает ряд объективных трудностей. Целью нашей работы является анализ основных сложностей,

возникающих при переводе официальных текстов с русского на французский язык.

Поскольку при переводе необходимо максимально точно передать денотативную информацию исходных официальных текстов, сохранив семантику, структуру и прагматику оригиналов, важным условием успешного перевода является общая эрудированность переводчика, постоянное акцентирование внимания на импликатурах социо-культурного порядка [2, с. 45-51], отсутствие излишних переводческих комментариев.

Несмотря на то, что прием декомпрессии (логического расширения) позволяет устранить отдельные трудности при восприятии франкоязычным адресатом перевода официального текста, при передаче информации средствами французского языка, который является аналитическим, перед переводчиком возникает определенная сложность – стремясь сберечь информативность русскоязычного текста, не выйти значительным образом за рамки объема текста за счет оправданных грамматических трансформаций в тексте перевода:

В будущем году мы будем отмечать крупные и взаимосвязанные юбилеи – 75-летие Победы в Великой Отечественной, Второй мировой войнах и создания ООН. Осмысливая духовно-нравственное значение этих дат, необходимо помнить и об эпохальном политическом смысле Победы в жесточайшей войне за всю историю человечества.

L'an prochain, nous célébrons d'importants anniversaires interconnectés – le 75e anniversaire de la Victoire dans la Grande Guerre patriotique, dans la Seconde Guerre mondiale et la création de l'Onu. En réfléchissant à la signification spirituelle et morale de ces dates, il convient de se rappeler du sens politique historique de la Victoire dans la plus violente guerre dans l'histoire de l'humanité [4].

Насыщенность официальных текстов на определенную тематику соответствующими узкими терминами может представлять сложность и требует от переводчика особого внимания и эрудиции [5, p. 38-41].

Определенную трудность представляет также перевод терминологических сокращений. Как правило, в таких случаях переводчик дает французскую аббревиатуру и расшифровует ее для франкоязычного адресата в соответствии с общепринятыми правилами французского языка (ОЗХО (Организация по запрещению химического оружия) – l'OIAC (l'Organisation pour l'Interdiction des Armes Chimiques; КЗХО (Конвенция о запрещении химического оружия) – la CIAC (la Convention sur l'interdiction des armes chimiques) [4].

Труднопереводимыми являются также реалии русскоязычного социума [1, с. 244-248]. При переводе таких единиц переводчик опирается на прецедентные канонические переводы (*День Победы – la Journée de la Victoire; севастопольцы – habitants de Sébastopol; Севастополь –*

Sébastopol, Крым – la Crimée); традиционные при переводе русских фамилий и названий транскрипцию и транслитерацию с учетом особенностей французской языковой системы (*сайт «Миротворец» – Le site Mirotvoret*), (*Хор Турецкого – (Le Chœur) Touretski; Александр Василевский – Alexandre Vassilevski*); дает свой вариант перевода (*международный фестиваль «Высота Горная» и историко-патриотический фестиваль «Знамена Победы» – le festival international Hauteur Gornaïa et le festival historique et patriotique Bannières de la Victoire*) [4], который для новых реалий может впоследствии стать каноническим.

Таким образом, перевод официальных текстов с русского на французский язык представляет высокопрофессиональный творческий процесс, во время которого переводчик должен учитывать традиционные приемы перевода официальной информации и предпринимать индивидуальный поиск контекстуальных соответствий в языке перевода. При переводе официальных текстов с русского на французский язык для создания коммуникативно адекватного контекста средствами языка-перевода объективно возможными являются различные виды трансформаций.

Список литературы

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Москва : Либроком, 2010. – 288 с.
2. Гапотченко Н. Є. Франкомовні писемні дискурси як засоби актуалізації інформації в умовах світових глобалізаційних процесів / Н. Є. Гапотченко // Східнослов'янська філологія: зб. наук. пр. / Горлівський держ. пед. ін-т інозем. мов; Донецький нац. ун-т. Редкол.: С. О. Кочетова та ін. – Вип. 25. Мовознавство. – Горлівка: Вид-во ГПМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. – С. 44-51.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
4. Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации.– Режим доступа: <http://www.mid.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Lederer, M. La traduction aujourd'hui: le modèle interprétatif / M.Lederer. – Paris : Hachette, 1994. – 196 p.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Грибань Т. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
gtagribantatiana@gmail.ru

1. Современное общество предпочитает получать информацию из интернет-СМИ благодаря их удобству и доступности, однако бесконечное количество информации и способы её представления оказывает значительное влияние на мировосприятие человека.

Для достижения эффективного воздействия на реципиента средства массовой информации используют различные манипулятивные методы и технологии, поэтому для переводчика важно уметь их распознать для достижения адекватности перевода новостей из зарубежных СМИ.

2. Определённость является семантической категорией, детерминирующей и актуализирующей имя существительное в речевом акте [Николаева 1990, с. 349]. Вместе с категорией неопределённости, которая находится в оппозиции, она отвечает за распределение информации в тексте [Ганеева 1989, с. 126].

С точки зрения переводоведения категория определённости представляет большой интерес, так как язык перевода (русский) и язык оригинала (английский) обладают формальной разнородностью.

3. В докладе рассматриваются и анализируются языковые средства выражения определённости в англоязычных медийных текстах и их переводные соответствия в русскоязычных текстах на материале сетевого издания ИноСМИ.RU.

3.1 Пример (1a) иллюстрирует сохранение аутентичного порядка слов в переводном тексте, при этом определённости имени существительного *топливо* – темы высказывания – сохраняется:

(1) *The fuel will help light and heat millions of Polish homes.*

(1a) *Топливо* поможет обеспечить светом и теплом миллионы польских домов.

3.2 При переводе слова *the price* в примере (2) для сохранения определённости к имени существительному добавляется притяжательное местоимение *его*, что позволяет подчеркнуть конкретность, определённости понятия, о котором идёт речь:

(2) *Liquefying gas in the United States and sending it to Europe can double the price for American companies.*

(2a) Производство сжиженного газа в Соединенных Штатах и отправка его в Европу может удвоить его стоимость для американских компаний.

3.3 Довольно часто в англоязычных медийных статьях можно встретить нагромождение определённых имён существительных. В примере (3а) переводчик оставляет эксплицитно выраженную определённость, чтобы подчеркнуть, что читатель должен знать о происходящих событиях из контекста или из своих фоновых знаний в данной области.

(3) *However, the fact that so many politicians are making these oblique references to Russian sponsorship...*

(3а) *Однако тот факт, что так много политиков делают эти непрямые ссылки на спонсирование Россией...*

3.4 В переводе (4а) ярко выражено лексическое добавление для компенсирования отсутствия артикля в русском языке.

(4) *Leaders from across the region agreed that the greatest threat to peace and security of the Middle East is the Islamic Republic of Iran*

(4а) *Лидеры стран всего региона согласились с тем, что самой большой угрозой миру и безопасности на Ближнем Востоке является Исламская республика Иран*

3.5 В примере (5а) также используется добавление, что позволяет говорить об эквивалентной передаче определённого артикля *the* при переводе на русский язык, т.к. определённый артикль и указательное местоимение *этот* выполняют одну и ту же детерминирующую функцию в высказывании.

(5) *But The Independent understands the visit failed to produce real movement in positions.*

(5а) *Однако редакция «Индепендент» (The Independent) понимает, что в ходе этого визита по-настоящему изменить позиции не удалось.*

4. Резюмируя всё вышесказанное, следует отметить, что способы реализации категории определённости не ограничиваются представленными выше разновидностями, однако данные примеры являются подтверждением того, что при переводе медийных текстов элиминация определённости может существенно повлиять на качество перевода и адекватность смысла всего высказывания.

Список литературы

1. Николаева, Т. М. Определённости – неопределённости категория [Текст] / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 349-350.
2. Ганеева, З. М. Коммуникативный подход к изучению категории определённости-неопределённости имени существительного в немецком языке [Текст] / З. М. Ганеева. // Исследования по семантике / ред. Р. Д. Олешко. – Уфа : Ред. изд. отдел Башкирского ун-та, 1989. – С. 122-126.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ IN+NOUN, ON+NOUN В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Журавлёва Л.В.

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет», г. Донецк, ДНР
zhuravleva89@mail.ua

Синхронный и диахронический подходы были определены и дифференцированы Фердинандом де Соссюром к концу XIX века. Это были два взаимодополняющие подходы в лингвистике. На протяжении большей части 20-го века считалось естественным исследование синхронного и диахронического языкознания, а также его ведение в практику. В последнее время исследователи чаще всего признают взаимозависимость синхронии и диахронии между вариациями и изменениями на лингвистическом уровне.

Природа научного изучения языка подверглась разнообразным интерпретациям с течением времени. Лингвисты долгое время искали объяснительные и закономерные принципы изучения языка. Например, в 1870-х годах лингвисты сосредоточились на систематическом описании исторических изменений языка, и при этом утверждалось, что подлинно научное изучение языка является историческим в его закономерностях диахронии.

Предлоги используются в тексте, чтобы указать на отношения в пространстве или времени, а также на логические отношения между вещами, местами или людьми. Предлоги чаще всего расположены перед существительными, словосочетаниями или местоимениями.

Опытные лингвисты рассматривают предлоги как элемент, который вызывает затруднения. Это связано, в первую очередь с трудностями их точного перевода. Один предлог в рамках одного языка может иметь несколько вариантов переводов в зависимости от контекста.

Единственный способ понять суть употребления предлогов – это поиск их в словаре, чтение художественной и литературы и выявление закономерностей их употребления.

В рамках нашего исследования было проанализировано произведение В.В. Познера «Прощание с иллюзиями» (eng. V. Pozner «Parting with illusions») [5]. Путем сплошной выборки из вышеупомянутого текста было получено 985 предложений, содержащих структуры in + Noun, on + Noun, а именно 1 092 примера. В дальнейшем они были подвергнуты количественному анализу с целью определения частотности употребления этих сообщений в языке художественной литературы и в определенной синтаксической функции, а также семантической роли.

История предлогов начинается со староанглийского языка, который был флексированным. Окончания передавали смысл слова, но с течением времени такие окончания были потеряны. Ученые не могут объяснить, что послужило причиной этой тенденции, однако многие полагают, что это связано с трудностью понимания различия в произношении между подобными окончаниями, такими как -on, -en и -an; и взаимодействия между англоговорящим народом и викингами, которые говорили на древнескандинавском языке. Это также способствовало появлению новых элементов в английском языке.

Когда английский потерял свои флексивные окончания, людям все равно приходилось передавать значения, которые предоставляли флексивные окончания, поэтому в течение периода средних веков постепенно начали использовать предлоги.

С течением времени предлоги стали широко употребляемыми в английском языке, и сегодня они являются одними из самых распространенных слов, которые мы используем. В исследовании 1992 года, проведенном CEEL, было установлено, что предлог «of» является вторым по частоте употребления английским словом (после «the»). Кроме того, в топ-50 также включены предлоги in, to, with, at, for, on, by [4, с. 19].

Проанализировав развитие эволюции предлогов, мы можем сделать вывод, что лексический состав английского языка постоянно меняется, большинство предлогов, начиная с 700 г., оставались общеупотребительными, хотя и подверглись определенным фонетическим и орфографическим изменениям. Значение предлогов развивались по-разному. Так, предлоги to, beside, between, beneath, at не подверглись влиянию новых явлений и сохранили свое первоначальное значение, другие (with, of, for) могли передавать несколько значений и стали многозначными. Сфера применения некоторых предлогов также могла пересекаться (in и of). Так, в современном языке мы наблюдаем приобретение одним предлогом значения другого [2].

Структуры in + N, on + N в современном английском языке характеризуются достаточно высокой частотностью употребления, при этом структура in + N более чем в 2,5 раза применимее чем структура on + N. По данным нашего анализа конкретного языкового материала относительная частотность исследуемых структур составляет: in + N – 752 случая (68,9 %), on + N – 340 случаев (31,1 %).

В результате функционального анализа предложно-именных сочетаний in + N, on + N выяснено, что эти структуры на синтаксическом уровне могут иметь функцию таких членов предложения, как дополнение, обстоятельство, определение, предикатив. Для обеих структур наиболее типичны функции обстоятельства места и времени.

Синтаксическая функция дополнения объекта также оказалась характерной для обеих структур (in + N – 12,2 %, on + N – 16,2 %). Менее применимыми оказались функции определения и предикатива с

частотностью в 1,1% для структуры *in + N* в функции определения; 3,2 % – в функции предикатива; для структуры *on + N* соответственно 6,2 % и 3,2%. Итак, типичной функцией для исследуемых структур оказалась синтаксическая функция обстоятельства места (соответственно 40,8 % для *in + N* и 30,6 % для *on + N*). Самая низкая частотность сообщения *in + N* выявлено в функции обстоятельства результата и частотности (0,1 %), а для структуры *on + N* наименее применяемой оказалась синтаксическая функция предикатива (3,2 %). В ходе исследования было также установлено, что исследуемые структуры могут входить в состав вставных словосочетаний, но с достаточно низкой частотностью: соответственно 1,7 % для *in + N* и 1,5 % для *on + N*

Заключение. В работе проведен семантический анализ предложно-именных сочетаний *in + N*, *on + N*. Так, для структуры *in + N* характерными оказались такие семантические роли: объектив, результативности, локатив, цель, темпоратив, квалитатив. Для сочетания *on + N* – объектив, локатив, цель, темпоратив, квалитатив. Таким образом, в ходе исследования было установлено, что инвентарь семантических ролей структуры *in + N* шире, чем сочетания *on + N*. Кроме того, было установлено высокую относительную частотность конструкции *in + N* в таких семантических ролях, как локатив (42 %), квалитатив (28 %), темпоратив (11,2 %), результативность (0,1 %), цель (6,2 %) и объектив (12,6 %). Установлено, что для структуры *on + N* наиболее характерны такие семантические роли: локатив (31 %), темпоратив (20,3 %), квалитатив (18,5 %), объектив (16,5 %) и цель (13,7 %). Можем сделать вывод, что каждой синтаксической функции, в которой выступают исследуемые предложно-именные сочетания, присущи определенные семантические роли, а именно: дополнение выступает в роли объектива и результативности; обстоятельство места на семантическом уровне выражения локатива; обстоятельству направления соответствует семантическая роль цели; обстоятельству времени и частотности присуща роль темпоратива. Перспективой для дальнейших исследований может стать структурирование остальных значений предлогов *in* и *on* в сочетании с существительным в рамках когнитивной лингвистики.

Список литературы

1. Bossong Georg Markierung von Aktantenfunktionen im Guaraní. / Georg Bossong. Berlin: Mouton de Gruyter 1985 – 1–29p.
2. Choi, Jinny K. Language attitudes and the future of bilingualism / Jinny k. Choi: International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 2003 – 134p.
3. Comrie Bernard Language universals and linguistic typology. 2nd ed. / B. Comrie. Chicago: University of Chicago Press, 1996 – 201p.
4. Donnellan Keith Reference and definite descriptions / Keith Donnellan. – W.: USPRESS, 1996. – 281–304p.
5. Pozner V. Parting with illusions / V. Pozner. N.Y.: USP, 1990 – 345p.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ КУЛИНАРНЫХ ТЕРМИНОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Симонец М.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

marsem2@ukr.net

Введение. Проблема изучения терминологии как важной и неотъемлемой части лексики современных литературных языков является одной из важнейших как в теоретическом, так и в практическом плане. Процессы глобализации современного общества требуют комплексного и системного изучения терминологии, служащей для межкультурной и межъязыковой коммуникации среди специалистов различных областей знаний. Этим и определяется **актуальность** данного исследования.

Терминология как совокупность терминов составляет автономный сектор любого национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью. Термин – это слово или словосочетание, которое служит для выражения понятий, принятых в соответствующей профессиональной сфере и употребляется в особых условиях.

Необходимо отметить, что проблемам теории номинации и терминоведения свои исследования посвятили С.Н. Виноградов, М.Н. Володина, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, Т.Р. Кияк, Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская, В.И. Теркулов и другие.

Теоретические вопросы словообразования рассматривались с самых разных точек зрения в русском языкознании В.В. Виноградовым, А.А. Потебней, Н.М. Шанским, Е.А. Земской и другими, а во французском языкознании – Ю.С. Степановым, Е.А. Халифман, Г.С. Чинчлеем, Ф. Брюно, Ш. Балли, А. Дарместетером и другими.

Объектом исследования являются кулинарные термины латинского происхождения в современном французском языке.

Предметом исследования выступает структура данных языковых единиц во французском языке.

Цель данной работы заключается в установлении и описании структуры кулинарных терминов латинского происхождения в современном французском языке.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выделить корпус данных языковых единиц во французской кулинарной терминосистеме.

2. Проанализировать морфологическую и словообразовательную структуру субстантивных терминов.

3. Установить степень продуктивности способов образования исследуемых лексических единиц.

Материалом исследования послужили 270 лексических единиц латинского происхождения, отобранных методом сплошной выборки из французского этимологического словаря «Le Petit Robert» [3], из которых субстантивные термины составили 225 единиц (83 %).

Для комплексного и системного анализа исследуемых лексических единиц использовались следующие методы и приемы лингвистического анализа: *описательный метод, метод компонентного анализа, морфемный анализ, статистический метод.*

Основная часть. В настоящее время популяризация кулинарного искусства в мире вызывает необходимость изучения терминов данной сферы. Для всестороннего исследования современной кулинарной терминологии необходимо изучить ее происхождение (этимологию). В развитии кулинарной терминосистемы современного французского языка большую роль сыграли кулинарные названия латинского происхождения, датированные X-XI веками.

Для терминологических номинаций важно, насколько прозрачна их внутренняя форма [1, с. 24].

Слово – образотворческие способы – стандартные части словосложения и аффиксы играют большую роль в образовании понятийной внутренней формы термина, которая выступает способом его профессиональной ориентации [2, с. 93]. Среди терминов встречаются все структурные типы слов, которые используются в качестве словообразовательных способов для терминологии и определяются изменения в продуктивности тех или иных способов.

Морфологический анализ французских кулинарных терминов латинского происхождения показал их принадлежность к разным грамматическим категориям (имя существительное, имя прилагательное, глагол). Однако, номинативная природа термина способствует преобладанию имен существительных, что подтверждает всеобщую тенденцию субстантивации образованных терминов.

В данной работе рассматриваются особенности словообразовательного процесса французских субстантивных кулинарных терминов, образованных от латинских именных и глагольных основ. Словообразовательная номинация кулинарной терминологии представлена следующими типами слов:

1) непроизводные (простые) имена существительные: напр.: *nougat* (*нуга*) > lat. pop. *nucatum*; *prune* (*слива*) > lat. *prunum*;

2) производные имена существительные:

• суффиксальные: с одним суффиксом: напр.: *laminaire* (*ламинария*) > lat. *lamina*; с двумя суффиксами: напр.: *salaison* (*колони́на, соленья*) > lat. *salēre*;

- префиксальные: напр.: *alberge* (*непсук*) > lat. *persica*;
- префиксально-суффиксальные: напр.: *andouille* (*колбаса*) > lat. *inducĕre*;

3) сложные имена существительные: напр.: *saumure* (*рассол*) > lat. pop. *salis et muria*.

Наиболее продуктивным способом терминообразования является аффиксальный, а именно суффиксальный (45 %). Было выявлено 26 суффиксов, среди которых наиболее частотные: -eau (-elle); -que; -ade; -elet (-elette); -ille (-illon); -at; -age.

Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования в исследуемой терминосистеме оказались малопродуктивными (2 % и 0,4 % соответственно).

Структурный анализ французских кулинарных терминов латинского происхождения показал, что количественный состав простых (непроизводных) терминов (50 %) значительно отличается от сложных терминов (4 %).

Наиболее продуктивными в данной терминологии выявились такие модели сложных терминов:

- 1) A + N (*Merise* (*дикая вишня*) > lat. *amarus* > *amer* + *cerise*);
- 2) N + A (*raifort* (*хрен*) > lat. *radix fortis*);
- 3) N₁ + N₂ (*saumure* (*рассол*) > lat. pop. *salis et muria*);
- 4) Num + N (*mille-feuille* (*торт «Наполеон»*) > lat. *mille folium*).

Заключение. Французская кулинарная терминология как неотъемлемая часть общей языковой системы подчиняется законам, свойственным общелитературному языку. Ее структурная организация представляет собой определенную систему, состоящую из аффиксальных дериватов, корневых слов и сложнопроизводных терминов.

Список литературы

1. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса: монография. – Изд. 3-е, стер. / Л.Ю. Буянова. – Москва: Флинта: Наука, 2013. – 218 с.
2. Суперанская А.В. Общая терминология: терминологическая деятельность: Учебник. – Изд. 4-е, допол. и перераб. / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева, 2013. – 288 с.
3. Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française: nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert: [60000 mots, 300000 sens, 40000 expressions, locutions et proverbes, 35000 citations littéraires, l'étymologie, les synonymes et les contraires] / texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. – Nouvelle éd. millésime 2014. – Paris: Le Robert, cop. 2013. – XLII. – 2837 p.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-АХРОМАТИЧЕСКИЕ ИМЕНА ЦВЕТА В СИСТЕМЕ РАНГОВ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XVI-XIX ВЕКОВ

Ус Ю.Н., канд. филол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

usjulia80@yandex.ru

1. В предложенном докладе осуществлено ранговое распределение прилагательных-ахроматических имен цвета (далее ИЦ) по частотности (с учетом временного фактора) с целью сравнения их удельного веса и определения изменений в системе ИЦ на протяжении четырех веков.

Эмпирический материал отобран из корпуса немецкоязычных текстов разных жанров XVI-XIX вв., на основе которого проведено данное и ряд других исследований автора [1].

2. К ахроматическим цветам относятся белый, черный и серый, которые в свою очередь входят в группу основных цветов [2]. С целью определения удельного веса основных ИЦ на протяжении XVI-XIX вв. в работе предложена система рангов. Термин “ранг” имеет общеупотребительное толкование как место в ряду каких-нибудь величин, расположенных последовательно по определенным признакам (Duden, 1996). Так, наивысший ранг – 1 – получает (касательно каждого отдельно взятого века) основное ИЦ с наивысшей частотностью, ранг 8 соответственно – наименее употребительное цветообозначение. Ранговое распределение основных ИЦ позволяет выявить изменения в активности ахроматических ИЦ на протяжении четырех веков.

3. Удельный вес ахроматических ИЦ в текстах XVI в. оказался таким: *weiß* (ранг 2), *schwarz* (ранг 5), *grau* (ранг 7). Прилагательное *weiß* зафиксировано в корпусе текстов 69 раз, в то время как *schwarz* (23 словоупотребления (далее – СУ)), *grau* (13 СУ) являются в XVI в. менее употребительными. Как правило, *schwarz* передает цвет волос, одежды, птичьего оперения, тогда как *weiß* употреблено касательно оттенка кожи, волос и одежды.

Прилагательное *grau* зафиксировано также в устаревших графических формах *gra* и *grawe*, напр.:

Grawe Farb *trug sie noch* <...> – ‘серый цвет она еще носила’.

4. В отличие от XVI в. наивысшую частотность демонстрирует *weiß* (61 СУ – ранг 1). ИЦ *schwarz*, которое не играло существенной роли в XVI в. (ранг 5), становится, начиная с XVII в., наиболее значимым (ранг 2) из-за изменения тематики исследуемых текстов и могло использоваться для передачи цвета глаз, волос, одежды, ночи, напр.:

*Es schaut mir itzt die nacht mit **schwartz** augen zu* – ‘Сейчас на меня смотрит ночь черными глазами’.

В XVII в. прилагательные-ахроматические ИЦ сочетаются также с абстрактными существительными, напр.:

*Ist er von Jahren jung und **grüne** von Gestalt, so ist der Bräutigam doch an **grauer** Weisheit alt* – ‘Хотя он молод по годам и зеленый на вид, однако суженый зрелый седой мудростью’.

5. Установлено, что в XVIII в. самой частотной лексемой среди ИЦ становится *schwarz* (ранг 1), а активность *weiß* немного снижается (ранг 2).

В профессиональных песнях и прозаических произведениях в центре внимания находятся люди, таким образом *schwarz* передает цвет одежды (профессиональной, высших слоев населения) и внешности (глаз, волос). Не происходит практически никаких изменений в функционировании *grau*.

6. В корпусе текстов XIX в. наблюдаются следующие изменения в использовании прилагательных-ахроматических ИЦ. Активность *schwarz* и *weiß* немного снижается (ранги 2 и 4). Частота употребления лексемы *grau* остается неизменной на протяжении трех столетий (ранг 6).

Анализ текстов XIX в. свидетельствует о увеличении частотности *grau* по сравнению с предыдущим веком (соотношение 4 : 1), хотя по количеству СУ *grau* сохраняет ранг 6 среди основных ИЦ. Это можно объяснить тематикой текстов и авторскими предпочтениями, напр.:

<...> ***grau** ist der Wintertag und **grau** sein Haar* – ‘Серый зимний день и седые его волосы’.

7. Проведенный анализ корпуса текстов XVI-XIX вв. позволяет сделать следующие выводы. Группа прилагательных-ахроматических цветообозначений зафиксирована на всех временных срезах. С целью установления динамики развития этих ИЦ в работе предложена система рангов касательно их удельного веса. Частотность *weiß* колеблется в рамках рангов 1-4, а количество СУ *schwarz* свидетельствует о росте активности данного ИЦ в исследованный период. Прилагательное *grau* оказалось наименее употребительным (ранг 6).

Список литературы

1. Ус Ю. Н. Развитие системы цветообозначений в немецком языке XVI-XIX вв. / Ю.Н. Ус // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017: сборник статей XV-го Международного Лингвистического семинара (Донецк – Пятигорск: 27-28 ноября 2017 г.) / под ред. Л. Н. Ягуповой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. – С. 203 – 209.
2. Altmann H. Zur Semantik der Farbadjektiva im Deutschen / H. Altmann // Grippe, Kamm und Eulenspiegel: Festschrift für Elmar Seebold zum 65. Geburtstag / [hrsg. von W. Schindler und J. Untermann]. – Berlin : de Gruyter, 1999. – S. 1-23.

**О СЛОВООБРАЗОВАНИИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ДИМИНУТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ
KLEIN-, *MIKRO-*, *MINI-*, *MINIMAL-*, *ZWERG-*
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Яхно Д. М.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
darja.yachno@mail.ru

1. Доклад посвящён исследованию первых диминутивных компонентов *Klein-*, *Mikro-*, *Mini-*, *Minimal-*, *Zwerg-* в составе имён существительных немецкого языка.

2. Говоря о статусе данных компонентов, стоит отметить, что М. Д. Степанова считает подобные компоненты полупрефиксами [Степанова 2003, с. 117], в то время как В. Фляйшер относит их к префиксам. В работе Аль Салави [Al Sallawi 2011, с. 55] *Mikro-* и *Mini-* зачислены к префиксам, при этом *Mini-* может являться и полупрефиксом, а *Klein-* и *Zwerg-* – к композитам.

3. М. Д. Степанова определяет термин «полупрефикс» как «словообразовательное средство, которое при сохранении фонетической формы соответствующего слова, отрывается от него по значению и встречается в группах слов, обобщая их при этом на основе общего признака; такой общий признак является значением полупрефикса, другими словами говоря, новое значение, которое образовалось на базе значения соответствующего слова в самостоятельном употреблении» [Степанова 1953, с. 153].

Следует отметить, что словообразование имён существительных посредством полупрефиксов не так распространено в немецком языке, как с помощью полусуффиксов. Продуктивными являются полупрефиксы, которые происходят из существительных, напр.: *Riese(n)-*, который не обозначает великана, а придаёт слову признак, который присущ великану (*Risengebäude*). Так же есть определитель-прилагательное, к которому относится полупрефикс *Klein-* [Степанова 1953, с. 154].

4. «Словарь словообразовательных элементов немецкого языка» определяет компонент *Klein-* как «первый частотный компонент сложных существительных, продуктивный» в значениях ‘малый’, ‘небольшой’ [ССЭНЯ, с. 257]. *Klein-* придаёт имени существительному следующие значения: ‘малые размеры, небольшой формат, напр.: *Kleinbus* ‘микроавтобус’, ‘бедность, обладание незначительными, малыми доходами при основах существительных, которые обозначают лицо’, напр.: *Kleinbauer* ‘мелкий крестьянин’; ‘малая мощность’, напр.: *Kleinkraftwerk*

‘электростанция малой мощности’; ‘предмет, который состоит из мелких частей’, напр.: *Kleinmünze* ‘мелкая монета’ [ССЭНЯ, с. 258].

5. Продуктивный частотный компонент *Mikro-* заимствован из греческого языка [ССЭНЯ, с. 307]. Он придаёт существительному значение очень малой величины, а также значение понятий, связанных с малыми величинами, напр.: *Mikrofauna* ‘микрофауна’, *Mikromelle* ‘микромелия’; значение одной миллионной доли какой-либо единицы измерения при основах существительных, обозначающих единицы измерения физической величины: *Mikrobar* ‘микробар’ [ССЭНЯ, с. 308].

Также *Mikro-* присоединяется к заимствованным суффиксам *-loge*, *-phon*, *-skop* в качестве связанной производящей основы, напр.: *Mikrophon* ‘микрофон’. Помимо существительных данный компонент присоединяется и к заимствованным прилагательным, напр.: *mikrobiologisch* ‘микробиологический’ [ССЭНЯ, с. 308].

6. Компонент *Mini-* также относится к полупрефиксам заимствованных существительных, является продуктивным и частотным, заимствован из латинского языка. Он присоединяется к основам заимствованных существительных и придаёт им «значение малого размера и/или миниатюрности» [ССЭНЯ, с. 309], напр.: *Minikleid* ‘мини-платье’. Следует отметить, что *Mini-* может также являться самостоятельной лексической единицей, напр.: *Minimum* [ССЭНЯ, с. 309].

7. Компонент *Zwerg-* является не столь употребительным, как вышеперечисленные компоненты. Электронная информационная система [DWDS] указывает на то, что *Zwerg-* обозначает что-либо очень маленькое, телесный дефект, характеристику слабых людей, маленькие размеры объектов (горы, растения). Не так много работ и о компоненте *Minimal-*, который, согласно словарю [DOW, 2018], имеет значения очень маленького размера чего-либо или маленькой силы.

8. Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

8.1 Первые диминутивные компоненты *Klein-*, *Mikro-*, *Mini-*, *Minimal-*, *Zwerg-* участвуют в образовании полупрефиксальных имён существительных и придают им уменьшительное значение, в большинстве случаев указывая на малый размер предмета.

8.2 Самым распространённым диминутивным компонентом в немецком языке является *Klein-*.

8.3 В сложных существительных полупрефиксы (первый компонент слов) не сохраняют своё собственное значение, а придаёт, в зависимости от ситуации, определённый оттенок значению второй части слова.

Список литературы

1. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка : учеб. пособие для вузов [Текст] / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1953. – 375 с.

2. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 252 с.
3. ССЭНЯ : Словарь словообразовательных элементов немецкого языка [Текст] / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов / под рук. М. Д. Степановой. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
4. Al Sallawi, U. H. M. Die Diminution im Deutschen und im Arabischen. Eine kontrastive und korpusbasierte Analyse / Uday Hattim Mahmud AL Sallawi : Inaug.-Diss. – Bagdad, 2011. – 150 S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : archiv.ub.uni-heidelberg.de...Die...im_Deutschen_und... (дата обращения : 18.09.2019).
5. DOW : Duden-online-Wörterbuch. – Bibliographisches Institut GmbH, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.duden.de (дата обращения : 18.09.2019).
6. DWDS : Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart : [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.dwds.de/>. – (дата обращения : – 18.09.2019).

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

УДК 81`27

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРМЯНСКОГО, РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО МЕНТАЛИТЕТОВ

Агбалян М.А.

НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
mariannayan26@mail.ru

Каждая нация уникальна по-своему и неповторима. И в каждой стране есть свой менталитет и национальный характер.

Менталитет – это совокупность различных особенностей, которые характеризуют определенную группу, нацию, народ или народность. Это слово латинского происхождения, означающее психологическую и поведенческую самобытную идентичность людей, которые принадлежат к единой культуре. В первую очередь менталитет обусловлен историческими, политическими, экономическими, социальными, религиозными, климатическими и прочими условиями развития конкретного общества.

Национальный менталитет – это определенный, присущий конкретной этнической группе людей стиль жизни и культуры, а также национальная система ценностей, взгляды и мировоззрение нации, общие черты характера. На него сложно повлиять с помощью идеологических, административных, правовых или управленческих мер. Устойчивость, неизменность, постоянство, консерватизм – это характерные свойства менталитета нации [1].

Рассмотрим особенности армянского менталитета. Преимущественно во всех крупных странах мира проживают представители армянских общин. Больше всего армян проживает в России, Франции и США. У армян порядка 50 диалектов, при этом, существуют западноармянский и восточноармянский языки, на которых говорит подавляющее большинство представителей этой нации.

Если вы хоть немного общались с армянами, несомненно, должны были заметить, что им присуще яркое чувство юмора. Где бы вы не находились, если в вашей компании есть хоть один армянин, он обязательно поднимет всем настроение забавными историями и анекдотами.

Армяне очень любят и ценят семью. В армянской семье родитель – это царь. И на самом деле, это все взаимно, поскольку множество армянских родителей растят своих детей в большой любви. Любой родитель делает все для своих детей, но у армян это можно назвать чрезмерным самопожертвованием. Отношение к детям в стране особое, не просто инстинктивное, и это можно назвать культом детей. Ребенок – это продолжатель рода, будущее нации.

Про гостеприимность армян знают во всем мире. Если вы в гостях у "правильного" армянина, то он вас обязательно чем-нибудь угостит.

Солнечная погода Армении позволяет жителям страны вывешивать белье на улицах. Такая привычка традиционна, например, для жителей Италии, когда от здания к зданию вывешивается огромное количество одежды и что непривычно для русских. «Классический» армянин отличается тем, что любит употреблять большое количество хлеба и кофе, организывает шикарные свадьбы, дни рождения, помолвки, крестины и иные праздники.

Армянская диаспора самая сильная практически в любой стране. Армяне в любой точке мира притягиваются друг к другу и образуют «крепкие ячейки». Если двое армян встретятся на каком-нибудь курорте, они обязательно улыбнутся, поприветствуют друг друга, познакомятся поближе [2].

Рассмотрим особенности русского менталитета. Историк Валерий Ильин считает, что в мощной амплитуде колебаний погодных условий в течении одного сезона в России – секрет маятника русского характера: упадок сменяется невероятным подъёмом, долгая депрессия – огромным всплеском оптимизма.

Есть и анатомическая особенность, сказавшаяся на русском менталитете: у славян сильнее развито правое полушарие мозга, отвечающее за эмоции, а не за логику, поэтому мы часто не рациональны.

Русский человек остро воспринимает чужую беду и чужую радость, да и сам часто готов открыть кому-нибудь свои сокровенные чувства чуть ли не в первый день знакомства. Итальянец никогда не расскажет малознакомому человеку о своих семейных проблемах, американец тактично избежит личных тем. Русские склонны открывать все двери настежь.

Несмотря на творческое мышление, по образу действий русских можно назвать консерваторами. Они с недоверием воспринимают новшества и долго подступаются к ним, прежде чем принимают в свою жизнь. Сравните: в Великобритании за компьютером умеют работать 55 % людей пожилого возраста, в США – 67 %, а в России – всего 24 %. И дело здесь не только в отсутствии материальной возможности приобрести технику, а в нежелании менять привычный уклад жизни [3; 4].

Русский патриотизм – это патриотизм, основанный на осознании народом своей общности. Подъём русского патриотического духа всегда

возникал в годы тяжёлых испытаний не для отдельных людей, классов или групп населения, а для всего народа, когда он начинал остро осознавать себя как историческую общность.

Улыбка в русском общении не является обязательным атрибутом вежливости. На Западе чем больше улыбается человек, тем он больше проявляет вежливости. Улыбка у русских демонстрирует личное расположение к другому человеку, которое, естественно, не распространяется на всех. Поэтому если человек улыбается не от души, это вызывает неприятие. Человек с постоянно хорошим настроением вызывает подозрение — то ли больной, то ли неискренний. Тот, кто обычно приветливо улыбается другим — если не иностранец, то, конечно, подхалим.

Рассмотрим далее особенности французского менталитета. Французы являются истинными патриотами своего языка. Им очень нравится, когда иностранцы пытаются объясняться именно по-французски. Они всегда остановятся, улыбнутся и с удовольствием все объяснят. Французы отличаются вежливостью и умением красиво и быстро говорить.

Французское чувство юмора, характеризующееся большой язвительностью в сравнении с английским и немецким, носит более интеллектуальный характер. В нужный момент остроумный комментарий может разрядить даже самую тяжелую конфликтную ситуацию, поэтому французы очень редко устраивают скандалы и драки. Они всегда и во всем аккуратны, но это не означает, что у них размеренный и спокойный характер. Под внешним лоском скрываются пылкие сердца, временами французы способны на дерзкие и необдуманные, но крайне эмоциональные поступки.

Несмотря на привязанность к городской жизни, многие чувствуют глубокую и неразрывную связь с землёй, многие из них в душе истинные крестьяне. Сельская жизнь у них романтизируется.

Ум вызывает у французов восхищение и истинное преклонение. Больше всего они уважают в человеке сочетание одновременно и ума, и чувств. Стремление к изысканности внешних форм, живой ум, склонность к изумительно изящным новинкам и экспериментам сделали французов своеобразным эталоном стиля и вкуса, законодателями в различных сферах европейской моды. Истинный парижанин считает себя свободным. Каждый пытается удовлетворить собственный интерес, ставя его превыше всего [5].

Менталитет любой страны – это отражение жизни, быта, климатических и исторических условий нации. Можно сделать вывод о том, что армянин – это жизнерадостный человек, переживший многое, сохранивший в памяти свою историю, но не потерявший позитив. Русский – это человек чувств, эмоций, борющийся за свободу своей души и чутко воспринимавший чужую боль и радость. А французы – это

синоним изысканности, красоты и стиля в сочетании с вежливостью и гордостью за себя.

Список литературы

1. Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. – М.: Институт российской истории РАН, 2014. – 286 с
2. Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа [Электронный ресурс] / Л. Мелик-Шахназарян. – Режим доступа: <http://www.armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character>
3. Нестерова Н.А. Обзор русского и английского менталитета / Н.А. Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
4. Крюкова Д.А. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (42). – С. 393-398.
5. Левин З. И. Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ / З.И. Левин. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001. – 176 с.

УДК 81`27

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ АССИМИЛЯЦИИ ТУРОК В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ахмедова З.М.

НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
akhmedova.zuveyda@mail.ru

В современном мире люди разных культур не могут жить изолированно. Некоторые ценности определенной культуры становятся более ярко выраженными только тогда, когда она соприкасается с другими культурами, учитывает их опыт.

Ассимиляция – этническая, частичная или полная утрата культуры в пользу другой, обычно доминирующей культуры, включая и смену этнической идентичности. Ассимиляция - одна из самых встречающихся видов межкультурных взаимодействий в результате контактов этнических и государственной политики в отношении этнических меньшинств. Этническая и культурная (аккультурация) ассимиляции тесно связаны между собой, т. е. частичная или полная потеря признаков одной культуры в пользу другой. Процессу ассимиляции в основном подвергаются немногочисленные группы с заниженным политическими и социальным статусом. В основном, ассимиляция является добровольной, в результате миграций, смешанных браков, стремления объединиться и повысить

социальный статус как доминирующая культура и более широкое гражданское сообщество [1].

Американский социолог Роберт Парк разработал теорию ассимиляции мигрантов. Согласно его теории существует 4 этапа на пути к ассимиляции, которым подвергаются люди, когда попадают в новое общество. Первый этап — это контакт или знакомство. Вторым этапом следует конфликт или соперничество, затем попытка аккомодации. Последним этапом ассимиляция с новым обществом.

При разном положении ассимилирующего и ассимилируемого народа, почти в одинаковой степени изменениям подвергаются обе стороны. Процесс ассимиляции может иметь как универсальный, так и частичный характер. Таким образом, при ассимиляции, с одной стороны, народ способен утратить свой язык, самоназвание, традиционную структуру деятельности, но сохранить религиозные верования, некоторые бытовые традиции, но также полностью изменить своим привычкам [2; 3].

Согласно конституцию 1961 г. гражданам Турции был разрешён свободный въезд и выезд из страны. С этого времени и началась массовая миграция турок в развитые страны Западной Европы, что в скором времени послужила одним из факторов, что повлияло на социально-экономическую ситуацию в стране. Массовой миграции турецкой рабочей силы способствовало несколько внутренних факторов: во-первых, высокий уровень безработицы, во-вторых, высокий уровень инфляция и, в-третьих, низкая заработная плата.

Данный процесс был согласован и юридически оформлен в 1960-е г.г. двусторонними рекрутинговыми соглашениями между правительством Турции и западноевропейских государств.

Выезд неквалифицированной рабочей силы в европейские страны рассматривался в Турции как положительный фактор. Таким образом, турецкие мигранты получали возможность повысить общий уровень своей квалификации, что в дальнейшем по возвращении на родину могли быть использованы на турецких предприятиях.

Пребывание турецких рабочих в странах Западной Европы означало для них знакомство с новыми видами политической, экономической и культурной жизни. Турецкий иммигрант, часто был слабо подготовлен психологически к западноевропейской действительности, т.к. его личность в основном сформировалась под влиянием не только социально-экономических, политических, но и этнических, религиозных факторов, что сильно отличалось от европейских [4].

Изначально эмигрировавшие на заработки в Европу турки не видели необходимости в своем долгосрочном пребывании там. Выезд за границу был связан с желанием заработать и накопить определенную сумму денег для поправки собственного экономического положения в своей стране. Поскольку большинство из выехавших на Запад турецких мигрантов были

уверены в скором возвращении на родину, после нескольких лет работы за границей, то большая часть их них покинула свою страну, оставив семьи дома [5].

С конца 60-х – начало 70-х г.г. XX в. турецкие мигранты осознали, что их присутствие в Западной Европы изменилось с временной основы на постоянную. Это положило началу процесса воссоединения семей турок - мигрантов, естественного увеличения их численности в Европе (за счет рождаемости) и появления у них более высоких требований и ожиданий к качеству жизни в новых условиях.

С этого момента по сей день, появилась тенденцию на позитивное выправление: произошло перемещение и рост использования турецкой рабочей силы также и в сфере услуг, выросли заработные платы иммигрантов, начал появляться и расти мелкий и средний турецкий бизнес на Западе.

В целях интеграции турок, в странах Западной Европы в системе начального, среднего, специального и высшего образования были созданы различные образовательные концепции (монокультурные, бикультурные, религиозные и др.), что давало мигрантам альтернативные варианты академического и профессионального обучения [6].

Касательно развития культурной жизни турецкой диаспоры, в период 60 –90-е г.г. XX в. в данной сфере определяющими явились две тенденции. Во-первых, мультикультурализм – параллельное, раздельное развитие разных культурных миров, каждый из которых сам развивает свою культуру. Во-вторых, межкультурализм – взаимодействие между разными культурами, существующими параллельно; взаимообогащение культур.

Список литературы

1. Тишков В. А. Народы и религии мира. Энциклопедия / В. А. Тишков. – М., 2000. – С. 881-882
2. Нестерова Н.А., Калинина Е.Д., Самарин А.В. Обзор русского и английского менталитета / Н.А., Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
3. Крюкова Д.А., Самарин А.В. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. –№ 3 (42). – С. 393-398.
4. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – С. 11-13
5. Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации. Сб. научн. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. пробл. Отд. Зап. Европы и Америки; Редкол.: Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. (ред.-сост.) и др. — М., 2006. – 228 с.
6. Ксендзык Н.Н. Турецкая трудовая иммиграция в странах Западной Европы (70–80-е гг.) / Н.Н. Ксендзык. – Киев: Наук.думка., 1991. – 117 с.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТОНИМОВ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Бартенева В.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, ДНР
dravika2016@yandex.ru

Введение. Интерпретация поэтонимов с позиции социолингвистики обусловлена социальной стратификацией общества, зафиксированной в языковых формах: принадлежностью адресанта и адресата к различным поколениям, социальным классам, группам, группировкам и т.п., использующим в общении различные подъязыки, стилистические регистры, общие и специализированные сленги, жаргоны.

Целью настоящего исследования является изучение поэтики собственных имён, употребленных в романе Дж. Джойса «Улисс», на социолингвистическом уровне, представляющем компетенцию, которая связана со знанием собственных имён, используемых в определённых, более или менее замкнутых группах общения.

Основная часть. Реальный план эпизодов «Улисса» заключается не только в воссоздании с помощью онимов топографического пространства Дублина как основного места действия; множество персонажей, находящихся в гуще дублинской жизни, принадлежат к различным социальным, политическим, экономическим, культурным и т.д. слоям общества, являются представителями разных поколений, вероисповеданий, обладают тем или иным интеллектуальным уровнем развития и под. Все это предполагает различие персонажей в сфере общения, которое реализуется в романе спецификой речи действующих лиц, в том числе использованием собственных имен различных разрядов. Выбор персонажем какого-либо варианта известного историко-культурного имени или конструирование онима совершается с учетом возрастных, психологических, социальных и т.д. особенностей именуемого, что и предполагает анализ поэтонимов в социолингвистическом аспекте.

Так, в потоке сознания Стивена Дедала (эпизод «Протей») возникает географическое название *boul' Mich'*: "...when I was in Paris; *boul' Mich'*, I used to" [2, с. 63]. В этом фрагменте употреблено фамильярное название бульвара Сен-Мишель (*Boulevard Saint-Michel*), любимого места отдыха студентов и богемы [1, с. 807], использование которого актуализирует попытку Стивена изобразить из себя заправского парижанина. Во время прогулки Дедала по Дублину (эпизод «Протей») упоминается разговорная форма названия электростанции на берегу Дублинского залива – "*the Pigeonhouse*" [2, с. 63].

Сюжетное действие эпизода «Эол» происходит в редакции газет «Freeman's Journal» (в переводе с английского – “газета полноправного гражданина”) и «Evening Telegraph», куда с письмом Дизи заходит Стивен. Герой принимает участие в разговоре сотрудников о “*hermetic crowd, the opal hush poets: A. E. the mastermystic*”, т.е. о мистико-теософском кружке “Герметическое общество”. Инициальная зашифровка “А.Е.” является примером функционирования данной единицы в определенной социальной группе. Подобные субкодовые “имена-пароли” социальной стратификации языка являются социолингвальными маркерами фатической коммуникации, через которые утверждается социальная роль вступающего в общение, и эта роль одновременно кодируется для “чужих” и декодируется во внутригрупповом порядке. Дальнейшее обращение к Стивену демонстрирует общность интересов коммуникантов, а именно их осведомленность о мистико-теософской группе: “*That Blavatsky woman started it. She was a nice old bag of tricks. A. E. has been telling some yankee interviewer that you came to him in the small hours of the morning to ask him about planes of consciousness. Magennis thinks you must have been pulling A. E.'s leg.*” [2, с. 210]. В комментариях к «Улиссу» указано, что аббревиатурный код “А.Е.”, т.е. “агрикультурный экономист” (от греч. “αιων” – эон, вечность) является псевдонимом мистика-теософа, литератора, экономиста Джорджа У. Рассела, одной из центральных фигур ирландской культуры конца XIX – начала XXв., а “*hermetic crowd / толпа герметистов*” – теософский кружок, куда входили молодые дублинские поэты, под влиянием “верховного миста А.Е.” увлекавшиеся герметизмом и теософией [1, с. 840-841]. В следующем эпизоде «Лестригоны» продемонстрирована неосведомленность Блума, не принадлежащего ни к мистико-теософскому кружку, ни к Международному теософскому обществу, основанному Еленой Петровной Блаватской, имя которой зашифровано в оригинальном тексте как “Н.Р.В” [2, с. 277]. Правильно определяя принадлежность инициальных зашифровок к оккультизму, Блум подбирает возможные варианты, сокрытые в инициалах: “*A. E.: what does that mean? Initials perhaps. Albert Edward, Arthur Edmund, Alphonsus Eb Ed El Esquire. <...>. Something occult: symbolism*” [2, с. 239], однако он не в состоянии разгадать то, что известно Стивену. Университетское образование и степень бакалавра искусств Стивена Дедала предполагает опознание элементов теософского контекста, что подтверждается фрагментом, где герой мысленно иронизирует над теософами: “*Dunlop, Judge, the noblest Roman of them all, A. E., Arval, the Name Ineffable, in heaven hight: K. H., their master, whose identity is no secret to adepts. <...> The life esoteric is not for ordinary person. O. P. must work off bad karma first. Mrs Cooper Oakley once glimpsed our very illustrious sister H. P. B.'s elemental*” [2, с. 277], свободно оперируя терминологическими понятиями и зашифрованными именами, неизвестными Блуму. Так, Блум не знает, что

теософы, вслед за иудейскими законами, не произносили вслух имя Иеговы (для них это *the Name Ineffable*), а также избегали называть имена своих верховных мастеров, в данном случае это и “К. Н.” – тибетский учитель Кут Хуми, вдохновитель Блаватской. “О. Р.” скорее всего *ordinary person* – обычный человек; *Cooper Oakley, Dunlop, Judge* руководящие деятели Теософского общества; “Arval” – его верховный руководящий орган [1, с. 856]. Знание Стивена и незнание Блума, актуализированное онимными зашифровками, развивает одну из важных сюжетных линий романа – тему Отца и Сына как тему поисков, общения, соединения, и в финале – неустраши.

Специфический язык журналистов, работающих в редакции газеты «Freeman’s Journal», актуализирован в романе использованием особой профессиональной лексики, в том числе – перифрастической номинации “*The Old Woman of Prince’s street*” [2, с. 205] в речи редактора Майлса Кроуфорда. Это наименование представляет собой “словотворчество” Кроуфорда, который образует новое имя для «Freeman’s Journal». Название, выдуманное персонажем, вызывало ассоциации с иноказательным названием Ирландии, возникшим в пору жестокого национального угнетения (в XVIII в.): “*Silk of the kine and poor old woman*” [2, с. 21], а также намекало на половинчатую политику журнала в отношении гомруля (программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи).

Заключение. Принадлежность персонажей к различным социальным, политическим, экономическим, культурным и т.д. слоям общества; разным поколениям, вероисповеданиям предполагает различие персонажей в сфере общения, которое реализуется в романе спецификой речи действующих лиц, в том числе использованием собственных имен различных разрядов.

Список литературы

1. Джойс Дж. Улисс: Роман: Пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 992с.
2. Joyce, James Ulysses. – London: Published by David Campbell Publishers Ltd., 1992 – 1084 p.

ENGLISH BORROWINGS AND THEIR ROLE IN LANGUAGE DEVELOPMENT

Garipova A.N.,

Candidate of pedagogical sciences, associate professor

Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Kazan, Russia

Alia-tggpy@mail.ru

This article is devoted to English borrowing in Russian. The article deals with English vocabulary, the appearance of foreign words of English origin and their quick fixation in Russian. Language changes rapidly, and in connection with these changes its vocabulary, vocabulary. Foreign borrowings penetrate the Russian language. In the process, new concepts, terms, vocabulary appear primarily in the field of medicine, informatization, economics, and sports. English vocabulary is actively used in the vocabulary of youth. The excessive use of foreign words in the Russian language of society causes two attitudes: is this a phenomenon a stage of evolution or is it the beginning of the process of destruction of the lexical composition of the language. In the age of globalization and informatization, modern man must know several languages. At the same time, he must protect his tongue and not clog it with foreign words. True, borrowing enriches the vocabulary of the language, while at the same time it is necessary to maintain the purity of the native language. According to the rule of borrowing, there are three ways: 1) Mixed - this is a way of translating the lexical unit of the original by reconstructing its sound and graphic form: “dollar (доллар), shopping (шоппинг)”; 2) Transcription is a way of translating the lexical unit of the original by reconstructing its sound form: “image (имидж), show (шоу)”; 3) Transliteration is a way of translating the lexical unit of the original by reconstructing its grammatical form: “start (старт), sport (спорт)”. [1, p. 25]. Anglicisms began to penetrate into the Russian language from the beginning of the 19th century, but their influx into our vocabulary remained weak until the 1990s, when the general borrowing of words without appropriate concepts began - in computer terminology and business vocabulary, as well as the replacement of Russian words with English for expressions of positivity or negativity that are absent from the source word in the host language [2, p. 83].

Borrowed words from English began to appear in many languages of the world because people began to travel more, the Internet appeared, relations between countries developed, cultural exchange intensified, English became active in intercultural communication.

In the process of development, languages constantly entered and continue to enter into certain contacts with each other. The interaction of two or more

languages leads to language contact. Currently, linguists are exploring Russian-English language contact. The use of foreign words of English origin affects social and scientific life. The emergence of the global computer system of the Internet, interpersonal relations, the development of the world market, economy, participation in international events, festivals, olympiads led to the entry of new words into the Russian language. Currently, foreign tourism is developing, our specialists work in Russian-foreign organizations and participate in various international projects. The need for active communication with people who use other languages has increased. This is an important condition not only for the direct borrowing of vocabulary from these languages, but also for the familiarization of native speakers of the Russian language with international ones. Thus, the borrowing of Anglicisms at the end of the twentieth century meets the reasons listed above. The following groups of foreign borrowings can be distinguished: Direct borrowing. The word is found in Russian in approximately the same form and in the same meaning as in the original language: “weekend — уик-энд — выходные; money — мани — деньги.” Hybrids. These words are formed by joining the Russian suffix, prefix and ending to the foreign root. In this case, the meaning of a foreign word - a source often changes somewhat, for example: “аскать (to ask - просить), бузить (busy – беспокойный, суетливый).” Words of foreign origin used with the preservation of their phonetic and graphic appearance: “menu (меню), password (пароль), disk (диск), virus (вирус), club (клуб)”. Half-calf. Words that, when grammatically mastered, obey the rules of Russian grammar (suffixes are added). For example: “драйв - drive. “For a long time there was no such drive” - in the meaning of “fuse, energy (энергетика)”. ” Exotisms. Words that characterize the specific national customs of other peoples and are used to describe non-Russian reality. A distinctive feature of these words is that they do not have Russian synonyms. For example: “chips (чипсы), hot dog (хот-дог), hamburger (гамбургер), football (футбол), cricket (крикет)” [3, p. 25]. Foreign inclusions. These words usually have lexical equivalents, but stylistically differ from them and are fixed in a particular sphere of communication as an expressive means that gives speech a special expression. For example: “окей (ОК); way (wow!)”. Composites. Words consisting of two English words, for example: “second-hand – магазин, торгующий одеждой; video showroom – комната для просмотра фильмов”. Thus, neologisms can be formed according to the models available in the language, borrowed from other languages, and will appear as a result of the development of new meanings for already known words. The reasons for borrowing are: internationalization of words; name of new items: “laptop (ноутбук), scanner (сканер), printer (принтер)”; replenishment of the language with more expressive means: “image (имидж), show шоу), price list (прайс-лист), digest (дайджест), virtual (виртуальный), sponsor (спонсор)”.

The word laser is a material borrowing from English in Russian. The Russian word reproduces not only the meaning of the English word laser (English Laser – an abbreviation of “light amplification by stimulated emission of radiation” (усиление света путем стимулированного излучения), “amplification of light by stimulated radiation”), but (of course, only approximately) also its sound and spelling (i.e. e. its exhibitor in oral and written English.).

Studying the English vocabulary of the last decades of the twentieth century in Russian, we came to the conclusion: if a concept touches on important areas of human activity, then the word denoting this concept naturally becomes common. In general, foreign language terminology is an interesting linguistic phenomenon, whose role in the Russian language is very significant. English-Russian language interaction constantly attracts research attention aimed at studying the general influx of foreign language into the Russian language.

References

1. Ахметшина, Л.В. Современные тенденции в обучении иностранным языкам [Текст] / Л.В. Ахметшина // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт». – Краснодар, 2014. – С.23-28.
2. Гарипова, А.Н. Лингвокультурные коды и их актуализация в языке средств массовой информации [Текст] / А.Н. Гарипова, С.Г. Каримова // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – № 11. – С.82-85.
3. Павицкая, З.И. Теоретические основы обучения речевому общению студентов спортивного профиля [Текст] / З.И. Павицкая // Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам». – Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма. – Казань: 2014. – С. 598 - 601.

УДК 801.8

КОНЦЕПТ «СВИНЬЯ», КАК СЕГМЕНТ РУССКОЙ, КИТАЙСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕР

Дятлова А.А.

СОФ НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, РФ
dyatlowa.alion@yandex.ru

Концепт (образовано он латинского слова *conceptus* — понятие, понимание, замысел) — это содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его

выражения. Концептосфера — это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка (по определению академика Д.С. Лихачева) [1].

В различных культурах животные стали мерилем человеческих качеств — физических, психических и социальных: повадки животных отождествляются с поведением людей. Являясь универсальным средством метафоризации, зоонимы характеризуются яркой национальной спецификой. В связи с этим круг животных и приписываемые разными культурами их свойства существенно различаются. Эти различия кроются в культурных коннотациях, которые выступают как связующее звено между значениями единиц естественного языка и пространством культуры — сформированными в ней стереотипными представлениями, символами, мифологемами, эталонами и т.п.

Первой отечественной работой по зоонимике можно назвать статью известного тюрколога Н.К. Дмитриева. В этой статье по итогам лингвистико-фольклорной экспедиции АН СССР 1928 г. были проанализированы клички собак. В последнее время зоонимы и зооморфы с разных точек зрения рассматривались различными лингвистами [2-5].

Культурная коннотация является частью значения слова. Она устойчиво связана в сознании человека с различными представлениями, понятиями и в целом отражает отношение говорящего к предмету речи. У зоонимов существуют отличия, обусловленные средой обитания представителей фауны, степенью их использования в человеческой деятельности, что порождает разницу в восприятии образа животного. Таким образом, нация имеет собственные ассоциации, связанные с номинацией того или иного животного.

Повсеместная распространенность домашнего животного и его повадки стали основой стереотипных представлений, подразумевающих неопрятность (свинья представляется как животное, стремящееся испачкаться в грязи), неразборчивость в еде, упрямство, жадность и т.п. Также, свинья не является типичным персонажем русского фольклора, но встречается в авторских баснях и сказках (И.А. Крылов «Свинья под дубом», С.Я. Маршак «Кошкин дом») и выступает в них как грубое, грязное и глупое животное, обладая иногда именем собственным Хавронья [4].

Современные русские могут назвать **свиньей** или обращаться к образу для характеристики:

— физический и / или нравственно нечистоплотного человека (*вести себя по-свински, Свинья грязь найдет* (посл.)), человека не порядочного, нарушающего нормы приличия и правила поведения, невежественного и грубого (*Метать бисер перед свиньями; Посади свинью за стол — она и ноги на стол* (посл.)):

Ванну бы горячую принять. Чистить неохота. Грязь необыкновенная в ванной. Соседи свиньи. Л.Улицкая, Гуля. Луи Блан проповедует

коммунизм и против роскоши, а сам ест дичь с ломтиками ананаса — ты видишь, что он *свинья*... И. Бунин, *Публицистика 1918-1953*.

— безобразно пьяного человека:

До Нового года еще шесть часов, — а вы уже пьяные, как *свиньи*. С. Довлатов, *Зона*.

— толстого и неприятного человека:

Но Томилин-то каков! Переполошился. Жирная омерзительная *свинья*. А. Маринина, *Смерть ради смерти*.

В современном русском языке есть ряд слов и выражений, связанных со **свиньей**:

— *Подложить свинью* — поступить с кем-либо подло, бесчестно, доставить неприятности кому-либо.

— *Поросячьи (свиные) глазки* — маленькие, некрасивые глаза на крупном, как правило, лице; говорится с неодобрением о человеке, не вызывающем симпатии.

— *Свинство* — непорядочное поведение; грязь, беспорядок [5].

В английском языке «свинья» (pig) — это: 1) domestic and wild animal; 2) dirty, greedy or ill-mannered person. В английской концептосфере к свинье выражено нехорошее отношение: *as fat as a pig* (жирный, как свинья); *as greedy as a pig* (жадный, как свинья). Примеры показывают, что отрицательная оценка имеет конкретизированный характер, указывая на нечистоплотность и другие отрицательные качества. Такое недоброжелательное отношение к свинье идет из Библии. Видимо, это и привело к отрицательному значению слова *свинья* во фразеологии многих народов Европы [6].

В зависимости от особенностей национального менталитета в основу семантического значения, придаваемого образу животного, могут лечь те или иные повадки животного. Например, образ свиньи как тунеядца и глупца у китайцев и образ свиньи-грязнули у русских. Образно-ассоциативное осмысление свиньи в китайском языке (кит. 猪 zhu) не связано с коннотациями нечистоплотности, неблагодарности, эгоистичности и некультурности, что присуще европейскому языковому ареалу. В основном данная лексема имеет значение ограниченности и тупости: 猪猡 zhuluo — восток. диал., руг. "кабан, свинья" (о дурном, тупом человеке); 猪头三 zhutousan — диал. руг. "Свинья, идиот". Однако в китайской картине мира свинья как двенадцатое зодиакальное животное несет в себе также идею мужества, энергии и половой потенции [7].

Таким образом, изученный материал свидетельствует о том, что в сопоставляемых языках совпадающих коннотаций больше, чем несовпадающих. Отсюда можно сделать вывод о том, что культурные коннотации зоонима свинья частично совпадают в языках, при этом среди них встречаются как с позитивной, так и с негативной окраской. Свинья представляет собой точный образ почти всех человеческих недостатков —

таких как пьянство, жадность, прожорливость, неопрятность, непорядочность в русской лингвокультуре; нечистоплотность и чрезмерная полнота – в английской лингвокультуре. С другой стороны, *свинья* ассоциируется с мужеством и энергией в концептосфере китайского языка.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 317 с.
2. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском и английском языках / Е. М. Брославская // Вестник МСУ, 2001. – Т. 4, № 6. – С. 49.
3. Самарин А.В. Зоометафоры в русской и английской лингвокультурах / А.В. Самарин // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-6. – С. 1491-1494.
4. Самарин А.В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках / А.В. Самарин // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 397.
5. Самарин А.В. Концепты-"представления" с низкой степенью образности в русской и английской концептосферах / А.В. Самарин // European Social Science Journal. – 2013. – № 10-2 (37). – С. 206-211.
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A. S., Cowie A. P. – Moscow, Oxford: Russian language Publishers, Oxford University Press, 1982. – p. 528.
7. *Сюй Гаоюй*. Сопоставительное изучение слов в русском и китайском языках. – Ханчжоу, 1997.

УДК 81.11

АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ CHICK-LIT)

Замышляева Д.Н.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ
di.zamyshlyaeva@gmail.com

Отказ – это речевой акт, который существует во всех языках и используется в повседневной жизни. В лингвистической науке под отказом понимается акт неприятия интенции адресата, который выражает смысл отрицательной реакции на искомые цели адресанта, такие как запросы, приглашения, предложения [1, с. 14].

Отказ от коммуникации представляет собой сложный многоуровневый процесс. В зависимости от поставленной коммуникативной цели и наличия экстралингвистических факторов, существует несколько видов отказа, стратегий и тактик для его реализации. Более того, отказ может выражаться как вербальным, так и невербальным путем.

Чиклит (англ. chick lit, Chick-Lit) – современный литературный жанр постфеминистской прозы. Характерно, что сам термин chick-lit в литературе появился относительно недавно: в восьмидесятых годах прошлого века термин функционировал как сленговое описание женских романов. Основоположителем жанра принято считать британскую писательницу Хелен Филдинг и ее серию книг о жизни Бриджит Джонс (*'Bridget Jones's Diary'*) [3]. Последующими примерами прозы chick-lit можно назвать серию романов Софи Кинселла *'Shopoholics'* [4], цикл произведений американских писательниц Кэндес Бушнелл *'Sex and the City'* [2] и Лорен Вайсбергер *'The Devil Wears Prada'* [6].

Произведения этого литературного жанра являются примером современного английского языка, поэтому анализ наиболее употребительных средств выражения отказа позволил не только четко определить возможный круг используемых средств на разных уровнях языка в речевой ситуации, но и выявить характерные особенности культуры англичан. Представленными ниже примерами мы попытаемся показать разнообразие языковых средств при выражении отказа:

- *'I thought you needed to wake up because we're supposed to be there at two-thirty'.*
- *'Where?' he said.*
- *'The White Roses'.*
- *'Oh God, love. Listen, I've just realized, I've got so much work to do this weekend. I'm really going to have to stay at home and get down to it'* [3, p. 46].

Пример иллюстрирует разговор женщины и мужчины, который отказывается идти на вечеринку их общих друзей. Адресат с самого начала старается задать положительную динамику предстоящего отказа и начинает высказывание с междометия *Oh God* и обращения *love*, содержащее добавочную коннотацию в виде положительной оценки действий собеседника. Далее мужчина высказывается о невозможности совершить действие из-за внешних обстоятельств, выраженное через модальный глагол HAVE TO. Кроме того, акт отказа в этом случае выражается через семантическую формулу оправдания: *I've just realized, I've got so much work to do this weekend*. Говорящий усиливает свое высказывание с помощью интенсификаторов *So* и *Really*: *I've got so much work to do this weekend. I'm really going to have to stay at home and get down to it*. Разъяснение обстоятельств и неоднократное употребление личного местоимения *I* свидетельствует о том, что лишь адресат виноват в несостоявшемся событии: *I've just realized... I've got so much work... I'm really going to...* Кроме того, в приведенном высказывании можно выделить культурологический компонент, а именно – ориентация английской культуры на личность.

- *'We can plan our day tomorrow.'*

- ‘Well... here’s the thing. They want me to meet their project manager tomorrow.’
- ‘What?’
- ‘They’re flying him over specially. They want me to meet them at the suite in the Royal Monceaux. I thought maybe you could go to the museum while I was with them. It’s meant to be amazing’ [5, p. 27].

Приведенный выше пример иллюстрирует разговор супружеской пары. Женщина надеялась, что они проведут день вместе, но мужчина вынужден отказать ей из-за важной встречи на работе. Интересно, что отказ здесь выражается имплицитно через формулу оправдания и объяснения его причины, а также дальнейшего предложения: ‘*They’re flying him over specially. They want me to meet them at the suite in the Royal Monceaux*’. С целью смягчить коммуникативную нагрузку на адресанта и сохранить лицо, говорящий также выражает свое сожаление в связи с невозможностью дать утвердительный ответ и предлагает иной вариант, а именно – рекомендацию провести это время в музее: ‘... *you could go to the museum while I was with them. It’s meant to be amazing*’. Здесь также можно сделать вывод о том, что местоимение *I* свидетельствует о некоем эгоизме на подсознательном уровне со стороны адресата. Другими словами, он ставит на первое место свои интересы, а не собеседника.

Глагол в сослагательном наклонении выражает предположительность, гипотетичность со стороны говорящего, которая отсутствует в индикативных глаголах и, таким образом, снижает прямолинейность высказывания. В ситуации побуждения собеседнику предоставляется еще большая возможность выбора, а говорящий при этом выражает долю сомнения в возможности или своем желании совершить действие: ‘*I thought maybe you could go to the museum while I was with them*’. Сослагательное наклонение в этом случае позволяет адресату оформить свое высказывание в виде рекомендации в максимально мягкой форме. Интенции, содержащиеся в нем, выражаются не прямо («...сходи в музей»), а уклончиво («Я думаю, ты могла бы сходить в музей в это время»). Также смещение временного плана с формы настоящего времени на прошедшее характеризует отказ еще большей вежливостью и снижает прямолинейность предложения (suggestion).

Таким образом, приведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что выражение отказа в английском языке чаще всего характеризуется высокой степенью вежливости, которая рассматривается в качестве стратегического предотвращения конфликтов и способа кооперативного построения диалога. Отказ выражается имплицитно через формулы благодарности, извинения и оправдания, за которыми сразу следует предложение совершить действие в другое время. Кроме того, анализ показал, что мужчины в общении с женщинами чаще извиняются и оправдываются за свой отказ, к тому же, всю вину за несостоявшееся действие берут на себя.

Список литературы

1. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе / С.О. Симонова. – Тамбов, 2011. – 207 с.
2. Bushnell C. Sex and the City / C. Bushnell. – London: Abacus, 2010. – 256 p.
3. Fielding H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – London: Macmillan, 2010. – 157 p.
4. Kinsella S. Shopoholics / S. Kinsella. – London: Black Swan, 2010. – 320 p.
5. Moyes J. Honeymoon in Paris / J. Moyes. – London: Penguin Books, 2016. – 384 p.
6. Weisberger L. The Devil Wears Prada / L. Weisberger. – NYC: HarperCollins, 2013. – 416 p.

УДК 81.2

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНОЕ МОЛЧАНИЕ

Захарова А.Л., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
angelikaleon@mail.ru

Введение. Феномен молчания как одна из форм дискурсивных практик в настоящее время становится объектом активного изучения, находясь в центре академических дискуссий. Представители различных научных направлений, таких как лингвистика, философия, социология, культурология рассматривают данное понятие с учётом широкого спектра его значений и манифестаций.

Социальное молчание как общественный феномен в контексте интеграции индивидуума в определённую социальную группу активно исследуется специалистами в сфере теории массовых коммуникаций и теории дискурса.

Цель настоящего исследования - осмысление феномена молчания как проявления неартикулированных смыслов определённого дискурса и выявление диалектического взаимодействия дискурсивных практик с социальными явлениями.

Основная часть. Дискурсы оказывают значительное влияние на процессы, вызывающие социальные изменения. Люди используют различные дискурсивные ресурсы в социальном взаимодействии.

Дискурс, по мнению Михалевой О.Л., предполагается понимать как «вербализацию определённой ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создаётся свой (присущий определённому социуму) способ видения мира, способ упорядочения

действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках» [2; с. 22-23].

Немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман отмечает, что многие представители сообщества не решаются открыто выражать свои истинные взгляды из страха быть отвергнутыми: «Угроза изоляции, страх перед изоляцией, постоянное наблюдение за климатом мнений и оценка соотношения сил решают в конечном итоге – молчать или говорить» [3, с. 355]. Исследователь вводит термин «спираль молчания» (the spiral of silence) для обозначения подобного социального явления.

Э.Ноэль-Нойман утверждает, что существует тотальная детерминированность индивидуума от общественного мнения. В соответствии с данной концепцией свободно артикулируемые высказывания могут быть сформулированы лишь в контексте заданной, или общепринятой в данный момент развития риторики. Перспектива изоляции и неодобрения довлеет над человеком, который не приемлет навязанные доминантные коды социума, служащие связующим элементом большинства представителей группы.

Страх перед социальной изоляцией активизирует спираль молчания, которая представляет собой динамичную структуру. Возможно, по нашему мнению, провести некоторые аналогии с групповой динамикой, т.к. любая группа трактуется как структурное образование в его динамическом аспекте.

Боязнь изоляции представляется движущей силой, раскручивающей спираль молчания. Но человек, не разделяющий распространенные взгляды и убеждения, может молчать, и это, по мнению Э.Ноэль-Нойман, представляет собой «возможность смягчить страдания» [3, с. 52]. Подчеркнем, что в определенной степени данный тезис Э.Ноэль-Нойман соотносится с известной теорией когнитивного диссонанса, сформулированной ранее американским психологом Л.Фестингером, в соответствии с которой человек настойчиво стремится к согласованности собственных мыслей и взглядов. В случае же возникновения диссонанса, присутствия нескольких взаимоисключающих или несогласованных мнений, человек испытывает глубокое беспокойство и дискомфорт [4, с. 156]. Чтобы уменьшить психологическое напряжение индивидуум может изменять или корректировать свои убеждения. Однако, по мнению М.Уэтерелл и Дж. Поттер, согласованность и несогласованность являются сами по себе изменчивыми состояниями и становятся «риторическими стратегиями в конкретном применении языка» [Цит. по: 4, с. 157].

Но хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на преобладающие константы данного конкретного момента развития социума, необходимо помнить о природе дискурсивных практик. Как известно, «дискурс – это комплекс вербальных продуктов (текстов), отражающих взгляды на мир

или определенные его манифестации, закрепленные в системе символических знаков – языковых кодов» [1, с. 69]. Дискурсы подвержены трансформациям и отражают динамику изменения окружающей действительности. В процессе борьбы и взаимодействия различных дискурсов формируются новые взгляды и концепции как рецепция ранее существовавших манифестаций и их герменевтическая интерпретация.

Как отмечают Л.Филлипс и М.В. Йоргенсен, «принятые и одобренные большинством дискурсы никогда не бывают сформированы окончательно, и их *моменты* могут снова стать элементами и, таким образом, объектами для новых артикуляций» [4, с. 81]. Всякий дискурс находится в перманентном конфликте с другими дискурсами, «претендующими на то, чтобы определять действительность по-другому и устанавливать другие принципы социальной практики» [4, с. 81].

Выводы. Исследователи считают, что один доминирующий дискурс никогда не управляет всем обществом. Кроме того, в соответствии с теорией дискурса Н.Фэркло, креативные личности способны самостоятельно преобразовывать дискурсы во вновь созданные иные дискурсивные структуры [4, с. 121].

Концепцию «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман нельзя считать универсальной, но она, несомненно, может быть принята во внимание исследователями психологии масс и дискурсивных практик.

Список литературы

1. Захарова А.Л. Переводческий дискурс в контексте лингвистической теории перевода/ Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 68-71.
2. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 256 с.
3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во Прогресс-Академия. 1996. – 352 с. Режим доступа: <http://socioline.ru> (Дата обращения: 8.09.2018).
4. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод/ Пер. с англ. - Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРАВА

Карпова Н.А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г. Донецк, ДНР
language2017@yandex.ru

В условиях постоянно расширяющихся международных связей в различных областях общественной жизни изучение культуры народа с помощью языка приобретает большое значение. Особенно в профессиональной межкультурной коммуникации. Проблема межкультурной коммуникации в области права осложняется тем, что в различных странах в силу определенных исторических, политических и других факторов сложились различные правовые системы. Например, в Российской Федерации существует континентальная, т.е. кодифицированная, система права. В США, в Англии, Уэльсе, Канаде и других англоязычных странах существует общее, или прецедентное, право. Различные картины мира, сложившиеся в сознании различных социумов, находят свое отражение в языке. Наиболее ярко это проявляется в юридическом сознании, так как язык является единственным выражением волеизъявления законодательных органов. М. М. Мушнина отмечает: «Юридический язык отличается от естественного языка тем, что он обслуживает особый тип общественного сознания и его особенность вытекает из особенности самого права» [2: 129]. Она выделяет такие особенности языка права, как высокую степень абстрактности юридических понятий и тесную связь языка и права. Правовые понятия могут быть выражены только с помощью языка. В процессе межкультурного общения в области права между представителями различных юридических систем в особую группу следует выделить языковые корреляты явлений и понятий, которые характерны лишь для определенной юридической системы и отсутствуют в юридической системе других социумов. Например, ведущее место в системе общего (англо-саксонского) права принадлежит концепту «прецедент», в то время, как нормативная правовая система опирается на понятия «закон», «статья», «положение». Функции юристов в судебных системах США, РФ, Британии и др. стран различны. В РФ это адвокаты и прокуроры, в США – это атторнеи (attorneys), в Англии и Уэльсе – это барристеры (barristers) и солиситоры (solicitors). В Британии и в некоторых штатах США существуют суды справедливости (equity courts) и, соответственно, право справедливости (equity law), чего нет в других юридических системах. Известно, что в США существуют параллельно две судебные системы: федеральные суды (federal courts) и суды штатов (state courts). Высшие суды штатов в разных штатах называются по-разному: Supreme Court, High Court, Appeal Court. В РФ деление судов

осуществляется по территориальному признаку: районные суды, городские, областные, краевые, федеральные. Суды низшего уровня в США и Британии специализированы: семейный суд (family court), суд по делам несовершеннолетних (juvenile court), административный суд (administrative court), суд по земельным вопросам (land court), суд по налоговым делам (Tax Court), суд по вопросам занятости (Employment Court) и т.д. В некоторых случаях при определении юрисдикции действует так называемый закон длинной руки (long hand): юрисдикция суда штата может распространяться и на ответчика – нерезидента штата, если он каким-либо образом связан со штатом.

Различные обозначения одного и того же понятия обусловлены чисто языковыми особенностями носителей той или иной юридической системы. Например, многие юридические термины в английском языке не имеют соответствующих терминов в русском языке и переводятся описательно. Hung jury – присяжные, не пришедшие к единому мнению; default judgement – судебное решение в пользу истца в случае неявки ответчика; aggravated drunkenness – пребывание в общественном месте в состоянии явного опьянения при отягчающих обстоятельствах. Такие слова отражают, как ментальные особенности юридического социума, так и особенности семантики языка. Они представляют так называемые лакуны, не имеющие прямых коррелятов в других языках.

Для получения полноценной информации в процессе межкультурного общения главную роль играет корректность перевода на другой язык. Правовые системы различных стран имеют свои исторически и культурно обусловленные особенности, что часто порождает проблемы при переводе с одного языка на другой. «Перевод- это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культур» [1: 71].

Язык права, прежде всего его терминосистема, отражает основные культурно-этнические особенности общества, а также особенности правового опыта каждой этнической группы, принадлежащей той или иной правовой системе. Большая ответственность ложится на переводчика, так как качество перевода информации в области права зависит не только от владения терминологией и знания лингвистических особенностей языков, на которых ведется обмен информацией, но и от знания правовых норм и судебно-процессуальных систем представителей этих языков.

Список литературы

1. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики: учебное пособие. – Екатеринбург, 2001. - 352с.
2. Мушнина М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии/М.М.Мушнина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovoy-lingvistike-v-germanii-i-avstrii-1>
3. Томахин Г.Д. Реалии - американизмы. - М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И МЕХАНИЗМЫ ЕГО КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ковалева Т.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tatjana.kovaleva2015@yandex.ru

Понятийная вариативность категории текста обусловила активизацию интереса к освещению отдельных аспектов данной языковой единицы высшего уровня. Не вызывает сомнения утверждение, что текст является языковой единицей, поскольку он реализуется в языке как определенной среде. Управляя сложным процессом создания текста, речь обеспечивает его строительным материалом, налаживает координацию между прагматичным потенциалом текста и семантическими возможностями языка и в конце концов влияет на формирование языковой репрезентации текста.

Не менее важным фактором, добавляет неоднозначности толкованию художественного текста, является существование, как отмечает В.А. Маслова, трех парадигм (сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической) [2, с. 8], в координатах которых речь и, соответственно, текст приобретают новые функциональные особенности. Тем не менее, стоит заметить, что в современной лингвистике все большую актуальность приобретает антропоцентрическая парадигма. Она детерминирует специфическое поведение и языковое сознание человека как носителя социального знания и этнокультурного опыта. Данное направление особенно важно для изучения художественного текста и диалога.

Трудности и непрекращающиеся дискуссии вокруг попыток текстовой дефиниции связаны, по мнению О.С. Кубряковой, с тем, что категория текста (или собственно его концепт), хотя и не имеет унифицированной дефиниции, и очевидна для подавляющего большинства как ученых, так и людей благодаря своим «гибким и подвижным границам» и довольно простым «расширению границ такой категории» [1, с. 512].

Характеризуя текст с когнитивной точки зрения, мы прежде всего рассматриваем его как вместилище информации, которое подвергается когнитивной обработке со стороны читателя в процессе прочтения. Поскольку когнитивная наука в целом и когнитивная лингвистика частности оперируют понятиями ментальных структур знаний, текст в ходе восприятия и обработки подлежит процессу субъективной интерпретации со стороны читателя, основанный на взаимодействии компонентов общих (фоновых) и энциклопедических знаний. Этот сложный когнитивный процесс завершается построением метатекста (модели) текста в сознании читателя [3, с. 163].

Одним из первых проблемы восприятия и интерпретации ХТ коснулся Р.Ингарден (1931). Фундаментальный труд, посвященный вопросам онтологического и эпистемологического статуса ХТ, постулирует концепцию текстовой стратификации. У. Р. Ингардена текст является сложной иерархической структурой, состоящей из отдельных уровней, так называемых звуковых формаций, единиц значений, представленных объектов, схематизированных аспектов, которые переплетаются и актуализируют друг друга в процессе развертывания текста, а конструкция завершеного ХТ базируется на полифонии компонентов текстовых уровней [4, с. 211].

Взяв за основу исследование Р. Ингардена, нам удалось смоделировать когнитивный механизм восприятия ХТ, включает в себя три фазы: 1) психологически когнитивное настройки; 2) первичная когнитивная деятельность; 3) вторичная когнитивная деятельность.

Фаза психологически когнитивной настройки связана со спектром художественно-эстетических, эмоциональных, речевых и индивидуальных ожиданий читателя от ХТ и психологической готовностью к поступлению информации и ее обработки. Происходит мобилизация релевантных ментальных репрезентаций знаний и когнитивно значимых реагентов на объект ХТ.

Фаза первичной когнитивной деятельности реализуется в ходе прочтения ХТ и касается ознакомление читателя со структурой ХТ. Согласно терминологии Р.Ингардена, читатель, превратившись в созерцателя «изнутри» представленных в ХТ временно-пространственных рамок, выполняет ряд важных когнитивных операций:

- находится в активном поиске взаимосвязей между представленными объектами (represented objects) и выясняет ситуации, которые они представляют (states of affairs) [4, с. 189];

- выделяет информацию о представленных объектах в ситуативном контексте собственно репрезентации (representation) – показ объекта в определенной ситуации с целью выявления его аспектов, то есть в динамике и демонстрации (exhibiting) – показ объекта с точки зрения его феноменологического содержания, то есть объекта «в себе» [4, с. 193-194];

- воспринимает представленную реальность и существующие в ней объекты путем идентификации их схематических аспектов, которые визуализируются в текстовых ситуациях [4, с. 207]. Схематичность аспектов свидетельствует об ингерентно иерархическом строении их значения; и следует заметить, что иерархичность обусловлено контекстуальной средой и заданной ХТ ситуацией. Отдельная текстовая ситуация эксплицирует отдельный аспект представленного объекта, перемещая его в восходящем направлении в иерархии значение и располагая его в актуальной позиции для когнитивной перцепции. Таким образом, другие компоненты аспектов занимают второстепенное место,

позицию «наготове» (held-in-readiness), и служат переменными для актуализации того же аспекта в другой текстовой ситуации [4, с. 267].

Стоит отметить, что, во-первых, ментальный конструкт ХТ образуется в следствие когнитивно-редуктивных трансформации. Реконструкция проходит таким образом, что в результате пересечения и активизации витков общих (фоновых) знаний читателя и знаний, транслируемых ХТ, и индивидуального эмоционально-эстетического опыта читателя, ментальный конструкт ХТ олицетворяет аккумулятивный цепь обобщенных текстовых смыслов [5, с. 38]. Спорным является вопрос, какова внутренняя организация ментального конструкта, поскольку, как отмечает С. Райхль, терминологический плюрализм схем, скриптов и фреймов [5, с. 45, 47] препятствует теоретико-когнитивной конкретизации этого ментального образования.

Во-вторых, ограниченной есть темпоральная протяженность ментального конструкта. В результате когнитивно-психологических экспериментов была констатирована слабая темпоральная резистентность ментального конструкта ХТ (менее трех недель) [3], что обосновывает наше предположение о мыслительно-развивающей и стимулирующей функции когнитивного процесса восприятия и интерпретации ХТ

Выводы. Учитывая вышеизложенное, небезосновательным есть предположение, что ХТ является последовательностью взаимосвязанных звеньев – когнитивных субстратов, которые объективируются в ХТ в соответствующем лингвистически-семантическом обрамлении. Это направление исследования обуславливает перспективу дальнейшей работы, прежде всего ориентированной на углубленное теоретическое обоснование вышеупомянутого предположения и практического доказательства такой (когнитивной) модели текстовой конституции на основе художественных диалогов.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения /Елена Самойловна Кубрякова // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Рос академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 505–518. – (Язык. Семиотика. Культура).
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А.Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
3. Flammer A. The mental representation of the text. Relationship between text characteristics and characteristics of mental representation / August Flammer, Ruth Luthi // Textand Text Processing. Edited by GuyDenhière, Jean-Pierre Rossi. – North Holland: Elsevier Science Publishers, B.V., 1991. – P. 45–60.
4. Ingarden R. The Literary Work of Art. An Investigation on the Borderlines of Ontology, Logic and Theory of Literature / Roman Ingarden // Translated, with an Introduction by George R. Grabowicz. – Evanston: Northwestern University Press, 1973. – 416 p.
5. Reichl S. Cognitive principles, critical practice: Reading literature at university / Susanne Reichl. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2009. – 348 p.

ЗООМЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Колесникова А.В., Тутаева В.И.

БелГУ «Белгородский государственный национально-исследовательский университет», г. Белгород, РФ
vtutaeva3337@gmail.com

Главным инструментом политической коммуникации является политический текст. Он служит для пропаганды определённых взглядов, идей, обоснования и доказательства общественной точки зрения и активно используется для обращения к гражданам страны с целью не просто передачи необходимой информации, но и формирования определённого общественного мнения по тем или иным вопросам. Иными словами, политический текст может выступать «мифопорождающей машиной» наряду с другими аспектами печатного и визуального знака» и целенаправленно создавать мифы для манипуляции массовым сознанием [1].

Политическая реальность предполагает, что путь к политическому успеху осуществляется посредством динамичного, полемичного, эмоционального и убедительного текста. Следовательно, политическая деятельность является дискурсивной.

В современной лингвистике понятие «политический дискурс» рассматривается с разных точек зрения. Так, выделяют национальный политический дискурс, институциональный (медийный) политический дискурс и исторический политический дискурс.

В рамках медийного политического дискурса особую роль играет риторическое мастерство его участников. Для достижения наилучшего исхода политической борьбы необходимо использование определённых риторических и стилистических средств, одним из которых является метафоризация. В политическом дискурсе метафора выполняет эстетическую и прагматическую функции. В речи известных политических деятелей метафора помогает ёмко выразить свою позицию, при этом вызывая особый интерес публики [2]

В связи с современными реалиями возрастает общественный интерес к политической жизни и, в частности, к политическому дискурсу. Характерной чертой политических дискуссий является активное использование метафоричных образов не только для эстетической завершённости, но и в качестве средства выражения собственных взглядов на ту или иную проблему. Поскольку метафора является отражением языковых, культурных и когнитивных процессов, справедливо говорить об исключительной роли данного тропа в системе политической риторики.

Таким образом, изучение политических метафор позволяет лучше понимать особенности протекания политических процессов, а, следовательно, и общественной жизни в целом.

Политические метафоры в настоящее время активно изучаются учёными-лингвистами. Так, исследователями были выявлены целые ряды метафорических обозначений. В данной статье будет подробно рассмотрена зоометафора, как инструмент политического влияния на сознание масс. Зоометафоры выступали, как объект исследования у многих авторов [3-6].

Анализируя речи современных политических деятелей (В. Жириновского, Дональда Трампа), было выявлено, что использование зоометафор осуществляется либо с целью самоутверждения спикера на политической арене, представляя при этом себя и свою собственную позицию для аудитории, либо с конкретной целью уничтожения и морального уничтожения конкретного оппонента.

Так, на одной из пресс-конференций, Дональд Трамп высказался о политизированных СМИ: «All those people back there are scavengers, they are like scavengers, they will probably say the crowds are about equal, well they are equal, but that's the way they are very dishonest». В своём высказывании он сравнивает их с падальщиками, выражая своё отвращение к подобным журналистам [3-6].

На одной из встреч политических деятелей и журналистов В.В. Жириновский высказался: «Кто такой Барак Обама? Черная жаба, его так звать!». Здесь он показывают свое пренебрежительное отношение к действующему на тот момент президенту США [7].

Во время предвыборной кампании Дональд Трамп обратил внимание аудитории на действующего сенатора США и члена Республиканской партии Марко Рубио: «They said to Marco Rubio: Are you having fun? He is sweating like a pig I've never seen a guy sweating like this though the sweat is pouring down. I think Rubio is a low-energy, but here's the problem with Rubio when you sweat that much. Now think of so: you have Putin, he is sitting over there and he is waiting to kill stupid Americans because he has been just destroying us so badly. So, he figure's out and a guy walks in and he's soaking wet and sweating: Hello-hello, can I have some water? And Putin sitting there: What the hell is this kind of stuff? This is not exactly a poker player folks» [8].

В данном высказывании Дональд Трамп сравнил политика с «потной свиньёй», высмеял его публично, тем самым укрепив свои собственные позиции на политической арене.

В другом выступлении, действующий Президент США, защищая интересы собственной партии, сказал следующие слова: «Who is Uma married to? One of the great sleaze-bags of our time – Anthony Weiner. »

Энтони Вейнер, представлявший интересы Демократической партии, был назван «гнусным, скользким типом» [8].

Во время заседания Государственной Думы РФ В.В. Жириновский выступил со следующей речью: «Вот села Единая Россия как глыба, и мы бегаем три поросенка вокруг, ничего мы не можем, мы никто. Вот сидят и все, вот слон такой сел и никакого движения. Я согласен для стабильности это хорошо, но для демократии – это невозможно, понимаете? И им скучно у них нет конкурента и у нас нет перспектив» [7]. В данном высказывании он дает уничижающую оценку деятельности правящей партии страны. Он сравнивает их с «большим, ленивым и неподвижным слоном», тем самым, указывая на безразличие партии к актуальным проблемам РФ.

Таким образом, зоометафора была рассмотрена в политическом контексте. Было доказано, что метафоризация речи политических деятелей выступает в качестве эффективного инструмента воздействия на сознание масс. Зоометафоры являются не только средством риторического уничтожения противника, но и способом выражения собственных интересов того или иного политика, что было показано на примере речи российских и американских деятелей.

Список литературы

1. Агафонова О.И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе / О.И. Агафонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2011. - № 6 (101). - С. 82-88.
2. Акашева Т.В. О роли литературы в разрушении мифов современного общества / Т. В. Акашева // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, - 2008. - Вып. 22. - С. 429-433.
3. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском и английском языках / Е. М. Брославская // Вестник МСУ, 2001. - т.4. - №6.-С.49.
4. Самарин А.В. Зоометафоры в русской и английской лингвокультурах / А.В. Самарин // Фундаментальные исследования. - 2013. - № 8-6. - С. 1491-1494.
5. Самарин А.В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках / А.В. Самарин // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - № 3. - С. 397.
6. Самарин А.В. Концепты-"представления" с низкой степенью образности в русской и английской концептосферах / А.В. Самарин // European Social Science Journal. - 2013. - № 10-2 (37). - С. 206-211.
7. [Электронный ресурс] режим доступа https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=dDmb4pd3VnQ
8. [Электронный ресурс] режим доступа <https://www.youtube.com/watch?v=EcIdyHIEmxY>

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ГИПЕРБОЛИЗИРУЮЩИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ- СОМАТИЗМОМ

Крамаренко Е.К.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
e.kramarenko@donnu.ru

Данная работа посвящена изучению гиперболизирующих фразеологических единиц с опорным компонентом-соматизмом, или соматических гиперболизирующих единиц (далее – СГФЕ) на материале английского языка.

Под СГФЕ в работе понимаются единицы, в состав которых входит соматический компонент или компонент, номинирующий часть человеческого тела [1], и в семантике которых прослеживается «непомерное преувеличение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета, явления» [2, с. 47], напр. *to have one foot in the grave* ‘стоять одной ногой в могиле’; *on the knees of the gods* ‘одному богу известно’, букв. ‘на коленях богов’; *a face that would stop a bus* ‘такая физиономия, что лошади шарахаются’, букв. ‘лицо, которое остановило бы автобус’.

Основной целью работы является выявление структурно-грамматических особенностей СГФЕ, а именно определение наиболее продуктивных структурно-грамматических моделей организации исследуемых единиц.

Материал исследования составляют 198 СГФЕ английского языка, полученные методом сплошной выборки из современных фразеологических словарей.

Структурно-грамматический анализ СГФЕ показывает, что среди них имеются как единицы со структурой словосочетания – 182 ед., напр.: *a bag of bones* ‘кожа до кости’, букв. ‘мешок с костями’; так и со структурой предложения – 16 ед., напр.: *one's eyes are bigger than one's belly* ‘брюхо сыто, да глаза голодны’, букв. ‘чьи-л. глаза больше чьего-л. живота’. Что касается СГФЕ со структурой предложения, то их анализ по цели высказывания демонстрирует тенденцию к конструированию паремий в форме утвердительного повествовательного предложения, т. к. именно повествовательное предложение выражает универсальную истину или общепризнанный факт.

Согласно морфологическому выражению стержневого компонента, СГФЕ со структурой словосочетания представлены субстантивными, глагольными, адъективными и адвербиальными единицами, среди которых наибольшей частотностью употребления отличаются глагольные СГФЕ –

182 ед. Внутри класса глагольных единиц наибольшей плотностью фразеологической вербализации характеризуются следующие структурно-грамматические модели организации: V + Pron (poss.) + N – 9 ед., напр. *to break one's neck* 'нестись сломя голову', букв. 'сломать себе шею'; *to tear one's hair* 'рвать на себе волосы'; V + prep + Pron (poss.) + N – 8 ед., напр. *to get on one's ear* 'взбелениться', букв. 'встать на уши'; *to jump out off one's skin* 'подскочить (от испуга, неожиданности)', букв. 'выпрыгнуть из своей кожи'; V + prep + N – 5 ед., напр. *to pay through the nose* 'платить бешеные деньги', букв. 'платить через нос'; *to cut to the bone* 'возмущать до глубины души', букв. 'порезать до кости'.

На втором месте по частности употребления находится группа адвербиальных СГФЕ – 44 ед., в которой наиболее продуктивными структурно-грамматическими моделями образования являются следующие: prep + Pron (poss./indef.) + N – 9 ед., напр. *to one's fingertips* 'до кончиков пальцев'; *under one's nose* 'перед самым носом'; prep + N – 8 ед., напр. *on the nose* 'тютелька в тютельку', букв. 'на носу'; *to the nail* 'самым тщательным образом', букв. 'до ногтя'; prep + N + Pron (poss.) + N – 5 ед., напр. *from the bottom of one's heart* 'всей душой', букв. 'из глубины своего сердца'; *to the marrow of one's bones* 'до мозга костей'; *by the skin of one's teeth* 'чудом', букв. 'кожей своих зубов'.

В группе субстантивных СГФЕ (16 ед.) наибольшей плотностью фразеологической вербализации обладают структурно-грамматические модели N + prep + N – 7 ед., напр. *head over heels* 'по уши (в долгу, влюблен)', букв. 'голова выше пяток'; *a babe in arms* 'сущий младенец', букв. 'младенец на руках' и N + conj + N – 4 ед., напр. *heart and soul* 'всеми фибрами души', букв. 'сердце и душа'; *tooth and nail* 'до последней капли крови', букв. 'зуб и ноготь'.

Группа адъективных СГФЕ (10 ед.), характеризующаяся наименьшей частотностью употребления, представлена следующими структурно-грамматическими моделями организации: Adj + N – 4 ед., напр. *armed to the teeth* 'вооруженный до зубов'; *soft in the head* 'мозги набекрень', букв. 'мягкий в голове' и as + Adj + as + N – 2 ед., напр. *as dry as a bone* 'совершенно сухой', букв. 'сухой как кость'; *as long as one's arm* 'длиннющий', букв. 'длинный как рука'.

Таким образом, вышесказанное в отношении СГФЕ в английском языке позволяет сделать следующие обобщения: 1) СГФЕ представлены двумя различными структурными типами: словосочетанием – 182 ед. и предложением – 16 ед.; 2) СГФЕ со структурой словосочетания количественно значительно преобладают; 3) среди СГФЕ со структурой словосочетания выделено 4 различных класса: глагольные, субстантивные, адъективные и адвербиальные; 4) классу глагольных СГФЕ присуща наибольшая частотность употребления, а классу субстантивных – наименьшая.

Список литературы

1. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке [Текст]: автореаф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. О. Вакк. – Таллинн, 1964. – 29 с.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – С. 47.

УДК 373

ПРОБЛЕМА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мишкина Н.Ю.

МОУ «Школа № 48 города Донецка», г. Донецк, ДНР
dn-mou48@mail.ru

В английском словообразовании особо выделяется высокая продуктивность ряда словообразовательных моделей, по которым создается значительное количество новых слов, разнообразных по своему лексическому значению. Продуктивность отдельных моделей настолько высока, что они являются мало или почти неограниченными. Так, Г.Марчанд указывает на практически неограниченную продуктивность моделей V+ing, N+P1 [1]. П. М. Карашук называет продуктивность суффикса -ness абсолютной.[2]

Прогнозирование окажет большую помощь в выявлении внутренних законов развития словообразования, в осмыслении тех закономерностей и процессов, на основании которых осуществляется в языке номинация. Исходя из особенностей образования того или иного слова, мы можем подойти к потенциальной осуществимости создания подобного ему другого слова. Последнее обстоятельство имеет значение, помимо теории словообразования, и для практики преподавания родного и иностранного языка, поскольку изучающий тот или иной язык должен знать не только структурно-семантические особенности словообразовательных моделей, но и «предсказуемые свойства производных единиц», которые «должны фиксироваться в словаре так же, как фиксируются его грамматические и парадигматические особенности» [3].

Как известно, новообразования распадаются по своему характеру на узуальные и неuzuальные. Первые создаются для удовлетворения потребностей в обозначении новых предметов или явлений, вторые образуются или в целях синтаксической организации текста или для выражения экспрессивности. Как те, так и другие, вне зависимости от характера своего смыслового содержания, часто образуются по одним и тем же моделям.

Продуктивность многих словообразовательных моделей зависит от лексико-стилистического слоя (подъязыка), в котором употребляются слова, построенные по этим моделям. Так, для научного слоя лексики наиболее продуктивны одни модели, для литературно-художественного – другие, для общественно-публицистического – третьи и т.д. Одной из моделей с наиболее вероятными возможностями в прогнозировании является модель с суффиксом –er. Г.Марчанд характеризует ее таким образом : «...we can drive an agent substantive in –er from practically any verb so long as it remains functional» [1].

Словообразовательные значения этой модели следующие: а) агент, выполняющий определенное действие; б) агент, находящийся в определенном качественном состоянии; в) агент, связанный каким-либо образом с каким-либо действием. В качестве агента выступает человек, машина, приспособление и т.д.

Модель с суффиксом -er весьма продуктивна в узуальном словообразовании, так как в связи с развитием науки, техники ,культуры появляется настойчивая потребность в обозначении различного вида агентов, выполняющих какое-либо действие. Данная модель является той моделью, по которой осуществляется интенсивное обозначение агентов. Например: *caver, preschooler, baby-sitter, coffee-maker*.

Модель с суффиксом -er в одинаковой степени продуктивна и в неuzuальном словообразовании. В современной художественной и общественно–политической литературе встречаются слова подобного типа, и их количество непрерывно растет. Например, *he thought he was a swell dresser. Self knowledge was turning her into a watcher, a hesitater* (J.Updike). *After all Leonidas had always been a good picker of men* (A.Christie). Где, *swell dresser* – человек, шикарно одевающийся, *hesitater* – колеблющийся, сомневающийся человек, *picker of men* – тот, кто находит себе (мужчину). Данные производные относятся к речевым образованиям и созданы не для удовлетворения социальных потребностей, а в целях или синтаксической организации текста или для выражения экспрессивности.

Итак, модель с суффиксом -er широко употребительна как в узуальном, так и в неuzuальном словообразовании, что является одной из существенных ее характеристик с точки зрения предсказуемости ее использования в различных сферах словообразования и в различных лексико-стилистических слоях английского языка.

Список литературы

1. Marchand H. The categories and Types of Present-day English Word Formation.– Munchen, 1999. – 208 p.
2. Карашук П.М. Словообразование английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
3. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. – М.,1993. – 204 с.

4. Кудашов Д.М., Лещева Л.М. Словообразование в английской адективной лексике // Материалы юбилейной научной конференции преподавателей и аспирантов МГЛУ, посвященной 50-летию университета. 23-24 апреля 1998г.: В 3ч. Ч.2 / Отв. редактор Баранова Н.П. Мн.: МГЛУ, 1998. С. 99 - 101.
5. Мешков О.Д. Словообразование в современном английском языке. Учеб. пособие для институтов и факультета ин. языков. – М.: Выс. Шк., 1985. – 187 с.

УДК 801.8

КОНЦЕПТ «ЖИВОТНОЕ» В РУССКОЙ, ИСПАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Николенко А.С.

СОФ НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, РФ
toha.nikolenko@yandex.ru

Концепт в филологии – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, относящееся к умственной, духовной или материальной сфере существования человека, закреплённое в общественном опыте народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысляемое и — через ступень такого осмысления — соотносимое с другими понятиями, ближайшие с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми [1].

Концептосфера – это одна из важных понятий в когнитивной лингвистике. Это свод знаний, который состоит из концептов, обобщающий различные знания внешнего мира, организующий мыслительные картины, схемы, символы, понятия, фреймы, сценарии, гештальты (сложные комплексные образы внешнего мира), пропозиции, когнитемы, существующий в виде абстрактных значений [2]. И концепты, и концептосфера – ненаблюдаемые ментальные сущности. В различных культурах животные стали мерилем человеческих качеств – физических, психических и социальных: повадки животных отождествляются с поведением людей.

Впервые термин зооним появился в языкознании 60-х гг. В последние десятилетия интерес к зоонимам, в которых весьма своеобразно проявляется ономастическое творчество человека, значительно усилился. Уже были опубликованы наблюдения над собственными именами собак, лошадей, коров. Самыми распространенными оказались клички, указывающие на цвет, масть. В любом перечне зоонимов, протем всех их разновидностей, всегда преобладают имена типа Черныш, Серко, Белянка, Рыжик. Цветовой признак может быть представлен в зоониме не прямо, а

через метафору: белый цвет передается именами Снежок, Известка, Сметанка; черный — отражается в кличках Уголек, Цыган, Ночка [2].

Зоонимия – это одна из самых молодых наук, которая только начинает свое развитие в научном мире. Сравнивая варианты номинаций, можно отметить, что большая их часть совпадает, но есть и определенные отличия. Работ по русской зоонимике известно пока немного. Большинство зоонимических публикаций выполнено на фактах тюркских, финно-угорских, кавказских языков. Поэтому все эти наблюдения имеют ценность и для русской зоонимики. Имеющиеся работы не равноценны как по объему описываемого материала, так и по уровню его лингвистического осмысления.

Рассмотрим далее понятие животной метафоры. Очевидно, зоометафора, или зооморф необходима для наделения человека дополнительными оттенками черт. Таким образом, она обеспечивает ассоциативную связь с животным миром и делает описание человека более выразительным. Определенные образы животных выступают в картине мира символами определенного качества - красоты или уродства, ума или глупости и т.д. Проблеме зоометафоры посвящено довольно много работ российских и зарубежных исследователей [3;4;5;6].

Русское слово «животное» образовано от «живот», в прошлом означавшего «жизнь, имущество». В быту под терминами «дикие животные», «домашние животные» часто понимаются только млекопитающие или четвероногие наземные позвоночные (млекопитающие, пресмыкающиеся и земноводные). Однако в науке за термином «животные» закреплено более широкое значение, соответствующее латинскому Animalia. В научном смысле к животным, помимо млекопитающих, пресмыкающихся и земноводных, относится огромное множество других организмов: рыбы, птицы, насекомые, паукообразные, моллюски, морские звёзды, черви и другие.

Современные русские могут назвать **животное** или обращаться к образу для характеристики:

Переносное значение, разговорное выражение ”Животное”: человек, не придерживающийся общепринятых норм общественного поведения, повинующийся лишь собственным инстинктам: Какой самовлюблённый дурак, — заговорили мы о нём. — Эдакий индюк! Сколько извилин надо иметь, чтобы превратить себя в такое животное? Разговорное выражение, ироничное обращение (дружеское или пренебрежительное, в зависимости от ситуации): Люблю я тебя, животное! Эй, животное, шагай сюда!

В современном русском языке есть ряд слов и выражений, связанных с **животным**:

- 1) бить копытом
- 2) здоровый как бык
- 3) ласковый теленок

- 4) телячий восторг
- 5) телячи нежности
- 6) брать быка за рога
- 7) вернуться к нашим баранам
- 8) оседлать любимого конька [4].

Животные метафоры, связанные с внешними проявлениями человека в английском языке, слово **butterfly** (бабочка) – физически привлекательная, красивая, легкомысленная, и непостоянная женщина или же когда красота опускается, остается лишь ветреность, легкомыслие или пестрота в одежде.

Fox (лиса/лис) используют для обращения к симпатичной девушке или молодому человеку, который является хитрым, умным, и льстивым человеком [5]

Также выражение “**животное**” широко используется в испанском языке. Самыми яркими примерами являются:

Sabrón - козёл, наглый надоедливый человек.

“*Qué sabrón eres, no esperaba esto de ti.*” - Ну и козёл же ты, не ожидал от тебя этого [7]

В заключении отметим, что у зоонимов существуют отличия, обусловленные средой обитания представителей фауны, степенью их использования в человеческой деятельности, что порождает разницу в восприятии образа животного. Таким образом, нация имеет собственные ассоциации, связанные с номинацией того или иного животного.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М, 1969.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора: Лингвистический энциклопедический словарь // Н.Д.Арутюнова. – М.: 1990. – С. 296-297.
3. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском и английском языках / Е. М. Брославская // Вестник МСУ, 2001. – Т. 4. –№ 6. – С. 49.
4. Самарин А.В. Зоометафоры в русской и английской лингвокультурах / А.В. Самарин // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-6. – С. 1491-1494.
5. Самарин А.В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках / А.В. Самарин // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 397.
6. Самарин А.В. Концепты-"представления" с низкой степенью образности в русской и английской концептосферах / А.В. Самарин // European Social Science Journal. – 2013. – № 10-2 (37). – С. 206-211.
7. Diccionario.RU — Испанский язык [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.diccionario.ru>, свободный.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ПРОВОДНИК В МИРЕ БИЗНЕСА

Самарин А.В., канд. филол. наук, доцент

ФГАОУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, РФ
alvic_samarin@mail.ru

Бизнес или по-другому деловой английский является своеобразным набором особой лексики и терминов. Бизнес английский становится все более популярным среди тех, кто изучает иностранный язык. В последнее время данная тема стала особо актуальной для людей, желающих найти престижную работу. Исходя из вышесказанного, возникают следующие вопросы: что же такое бизнес английский, почему он так популярен, для чего он нужен? И насколько же он важен сегодня в мировом бизнесе? Эти вопросы будут освещены в данной статье. На сегодняшний день английский язык является международным языком общения. Этот язык – один из самых распространенных языков в мире. Для четырехсот миллионов человек он является родным. Более чем триста миллионов владеют им. Английский язык, или как его еще называют, неизбежный гигант, проник почти во все аспекты мирового общества [1].

Собственно, почему так произошло? Почему именно английский язык стал мировым языком? А все потому, что еще в далеком 17 в., когда Англия стала страной-завоевателем, когда английский флот был одним из самых сильных в мире, этот язык проник во все уголки огромного земного шара. Для Англии же, в первую очередь, было важно наладить торговые отношения. Здесь уже вспоминается правило: у кого золото имеется, тот и правит, а это и значит, что он имеет право выбрать, на каком языке говорить.

Такая ситуация привела к тому, что многие европейские государства и международные организации приняли нормативные аспекты, которые касались высшего профессионального образования. К тому же, эта ситуация потребовала рассмотрения вопросов изучения иностранных языков как очень важного аспекта профессиональной самореализации личности, а также ее распространения в общество [2].

Такая тенденция способствовала тому, что английский язык стал языком торговли и бизнеса. Во многих странах этот язык «гигант» занимает сегодня важное место как язык дипломатии, язык торговли и бизнеса. Примерно 90 % сделок во всем мире заключаются именно на английском языке. Все финансовые фонды и биржи работают в основном именно на этом языке.

Больше чем 50 % периодических изданий выходит тоже на английском, который в свою очередь, является языком медицины, космических технологий и электроники. Помимо этого, во время заключения сделки, например, между европейцем и японцем переговоры будут вестись исключительно на языке-завоевателе, т.е. на английском. Все международные корпорации предпочитают именно этот язык. Многие корпорации, такие как Philips, Samsung, Toyota и др. проводят у своих специалистов курс английского языка даже на рабочем месте. Даже для сотрудников нефтяной компании проводятся специальные занятия для улучшения языка [3].

При обучении деловому английскому языку учитывается специфика делового общения, а именно соблюдение официального делового стиля речи, например официальностью, стереотипностью, точностью изложения, наличием шаблонов и клише. Число контактов с зарубежными партнерами с каждым днем возрастает, но какими будут перспективы дальнейшего сотрудничества, полностью от умения грамотно общаться и договариваться с партнерами, используя язык делового общения. Изучение норм делового этикета, правил и условностей позволяет специалистам избегать недопонимания и неловких ситуаций, которые связаны с неправильной оценкой и толкованием поведения другого человека, что приведет к более продуктивному сотрудничеству в будущем [4].

Как мы видим, конкурента, английскому нет, и он уверенно шествует по всему миру, можно даже сказать, путешествует по всему миру, что закрепляет его статус во всем мире. Бизнес коммуникация на английском происходит каждый день и в разных форматах. Есть сферы деятельности, где английский просто незаменим, где переговоры проводятся только на английском языке. Например:

1. Авиаиндустрия. В случае возникшей проблемы, экипаж самолета должен связаться с ближайшим аэропортом, независимо от того, над какой страной самолет бы не пролетал.

2. Гостиничный и ресторанный бизнес. Не имеет значения, это европейский хостел или азиатский отель, известный ресторан в самом центре Италии или маленькое семейное кафе в Валенсии, руководство потребует о том, чтобы обслуживающий персонал умел общаться на языке-шефе. Без этого, к сожалению, сегодня никак. Сотрудники должны не только уметь говорить на разговорном языке, но также уметь обрабатывать письменные запросы на английском языке от потенциальных клиентов со всего мира.

3. Медицина. Наука чрезвычайно быстро несется вперед, появляются все новые способы лечения серьезных и несерьезных заболеваний, появляются новые медицинские препараты и медицинская аппаратура. Инструкции и руководства к последним составляются,

преимущественно, на английском языке. Вместе с тем, квалифицированные врачи должны постоянно следить за тем, что происходит в медицине других стран. Это они могут сделать, посредством научных статей, которые публикуются, опять же на английском.

Английский стал первым языком в мире компьютерных технологий. Тот, кто имеет желание работать в сфере IT или начать делать бизнес в интернете, обязан изучить учебник делового английского, позволяющий расширить словарный запас на эту тематику [5].

Итак, бизнес английский приветствуется во многих сферах. Если человек хорошо понимает английский язык и свободно умеет на нем изъясняться, то перед ним открыты большие перспективы.

Таким образом, можно сделать вывод, что важным слагаемым успеха практически в любой сфере деятельности в современных условиях является владение иностранными языками, в особенности английским, так как большинство людей из разных стран общаются именно на языке, у которого еще одно название, туманного Альбиона. Умение изъясняться на английском языке является обязательным требованием в условиях глобализации экономики. Владение английским будет несомненным бонусом при трудоустройстве и даст большие перспективы для карьерного продвижения.

Список литературы

1. Бонди Е.А. Английский язык для повседневного и делового общения / Е.А. Бонди. – Москва «Дело», 2004. – 288 с.
2. Нестерова Н.А. Обзор русского и английского менталитета / Н.А., Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
3. Крюкова Д.А. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (42). – С. 393-398.
4. Поддубная Е. В. Роль английского языка в различных сферах: торговле, экономике, индустрии, бизнесе, спорте / Е. В. Поддубная, А. С. Белоусова // Молодой ученый. – 2017. – № 7. – С. 585-587.
5. Никулина В.Н. Иностранные языки, как проводник в мире бизнеса / В.Н.Никулина, А.В. Самарин // Молодежь и системная модернизация страны. Сб. науч. Ст. 4-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. – Курск, 2019. – С. 264-267.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СЕГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Самарин А.В., канд. филол. наук, доцент
ФГАОУ Белгородский государственный национальный исследовательский
университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, РФ
alvic_samarin@mail.ru

В настоящее время современное общество может характеризоваться все большей значимостью политической коммуникации, и это вызвано значительным усилением демократизации политического и социального государственного устройства. Существуют много государственных проблем, которые открыты для общего обсуждения, более того, важно понимать, что решение некоторых из проблем в какой-то мере зависит от того, как эти проблемы будут интерпретированы и донесены до адресата – гражданина государства. В рамках политического дискурса, в последние годы, можно наблюдать некоторые проблемы, которые активно обсуждаются не только СМИ, но и научным сообществом. Однако, специфика политической коммуникации, которая направлена на борьбу за политическую власть, все еще остается недостаточно изученной для составления целостной картины этого явления [1].

В значительной степени политический процесс можно рассматривать как коммуникативный, а это значит, что современная научная литература широко обсуждается по вопросам политической коммуникации, в которой присутствуют два начала – сам политический процесс и коммуникативная деятельность и они переплетаются между собой, и первое опосредуется вторым.

В современной науке сложилось несколько направлений в исследовании политической коммуникации. Первое направление направлено на развитие традиционных взглядов изучения политического языка, восходящие еще к античной риторике. В данном случае языковые единицы можно воспринимать как форму для передачи какой-то мысли, как способ украсить саму мысль, сделать ее более открытой и значимой. Здесь главное внимание положено на приемы создания и инсценированы политического текста [2].

Главная и ведущая роль в становлении второго направления принадлежит Дж. Лакоффу. Основой данного направления считается когнитивный подход, в соответствии с которым речевую деятельность воспринимают как материал для изучения национальной, социумной и индивидуальной ментальности и как отражение национальной картины мира, существующей в сознании людей.

Основой третьего направления считается дискурсивный подход, где политический текст изучается в дискурсе, то есть большое значение уделяется условиям создания и функционирования соответствующего текста, взаимодействию его с другими текстами, с национальной культурой и традициями, с политической ситуацией в мире, стране и регионе.

Описывая языковую картину политического мира, можно сказать, что она представляет собой сложное объединение ментальных единиц, которые относятся к политическому дискурсу и политической сфере коммуникации. Данные единицы помогают политическому дискурсу обрести определенные особенности. Вследствие изучения русской и английской языковой картины появилось новое направление в языкознании, которая называется политическая лингвистика [3].

Стоит отметить, что особое внимание для зарубежных исследователей стоит вопрос об использовании политиками интертекстуальных метафор». В целом, данные исследования нацелены на то, чтобы выявить способы убеждения адресата и на то, чтобы вести полемику посредством убеждения адресата и на то, чтобы вести полемику путем использования в своей речи интертекстуальных референций [3].

Например: *President Obama has so far resisted demands from a bipartisan congressional majority to send lethal military equipment to Ukraine. Germany and France helped negotiate a sputtering cease-fire between the Ukrainian government and Russian-backed separatists.* Метафора *cease-fire* - прекращение огня является военной метафорой и означает «прекращение военных действий».

Если обратить свое внимание на мнение П. Серио, то он отмечает, что не бывает таких высказываний, в которых нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность. Исследователь убежден, что не существует высказывания, которое нельзя было бы связать с определенными характеристиками, интересами, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. Он считает, что в любом высказывании возможно найти властные отношения [4].

Абрахам Линкольн за период своего правления создал множество оборотов за период своего правления, которые используются политиками и по сегодняшний день. Девятнадцатого ноября 1863 года А. Линкольн произнес торжественную речь на поле битвы в Геттисбурге: *“We have come to dedicate a portion of that field as a final restingplace for those who here gave their lives, that that nation might live”*. Фразеологизм *“to give one’s life”* – «отдать свою жизнь, пожертвовать жизнью» отражает смысл потерь на поле битвы. Данный оборот имеет положительную коннотацию, так как много солдаты

погибли за то, чтобы объединить разрозненное государство и за отмену рабства [5].

Всем известно, что каждая страна имеет свои национальные особенности в определенных способах восприятия и языкового представления политической реальности. Это можно объяснить национальной ментальностью и историческими условиями, в которых формировалась данная политическая культура. Если сопоставить политические коммуникации разных эпох и стран, то можно отчетливо дифференцировать «свое» и «чужое», закономерное и случайное, «общечеловеческое» и то, что свойственно только тому или иному национальному дискурсу. Это все помогает лучшему взаимопониманию между народом и межкультурной толерантности.

Метафоры, которые широко распространены в политическом дискурсе стран Запада, считаются традиционными и для политической коммуникации Востока. Для иллюстрации примеров могут служить работы лингвистов из Азии. Например, Дж. Вэй успешно показала, что в Тайване политические сущности метафорически можно увидеть в понятиях военных действий, зрелищных представлений, семейных отношений, торговли и других понятийных сфер [5].

Многообразие аспектов исследования политической коммуникации показывает тот интерес, который прикрепляется к политической речи, и то количество разного материала, направлений анализа и позиций, характерные для современной политической лингвистики. Любая интерпретация дискурса связана с национальной языковой картиной мира. Политический дискурс ориентируется на языковую национальную картину мира и может изменяться по мере ее обновления.

Список литературы

1. Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. – М.: Институт российской истории РАН, 2014. – 286 с.
2. Нестерова Н.А. Обзор русского и английского менталитета / Н.А., Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
3. Крюкова Д.А. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (42). – С. 393-398.
4. Серио П. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.
5. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 252 с.

РУССКИЙ И ИСПАНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Теплова А.М.

НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
nasya.teplova.00@mail.ru

Менталитет – уникальный склад различных человеческих психических свойств и качеств, а также особенностей их проявлений. Менталитет определяет умонастроение и жизненную позицию [1].

Испания представляет огромный интерес у российских туристов. Те, кому посчастливилось побывать в Испании, утверждают, что русские и испанцы во многом схожи в своих взглядах на жизнь, в отношении к работе и в быту. А некоторые считают, что это родственные нации по духу и менталитету. Но все-таки можно выделить некоторые особенности испанского менталитета, которые и отличают нас от горячих и страстных натур.

В нашей статье мы попытаемся выявить общие черты русского и испанского народов для более глубокого понимания культуры жителей данных стран.

«La vida es para vivirla, no para sufrirla!». «Жизнь не для страданий, а для наслаждений!» – так говорят о себе сами испанцы. На самом деле, у многих людей, имеющих возможность пообщаться с представителями данной нации, создается впечатление, что испанцы никогда не думают о завтрашнем дне, а просто наслаждаются каждым моментом жизни.

Испанцы, также, очень разговорчивы, если не сказать, болтливы и никогда не упустят случая вступить в беседу. У них нет комплексов, и они не скрывают свои эмоции. Весь разговор сопровождается жестами. Женщины при встрече приветствуют друг друга и мужчин поцелуем в обе щеки. Мужчины пожимают руки, а при встрече с близкими друзьями еще и громко хлопают друг друга по плечу. Громкие приветствия и даже крики – это не проявление агрессии, а всего лишь показатель эмоциональности, присущей испанскому народу [2].

В этом, в частности, их отличие от британцев – точных, аккуратны, сдержанных, вежливых, прагматичных, имеющих особенное чувство юмора [3;4].

Испанцы - мастера говорить комплименты не только своим друзьям, но даже прохожим. На рынке продавцы обращаются к женщине «Принцесса» и «Королева», а на улицах испанцы не смущаются выразить свое восхищение понравившейся им женщине.

Дружелюбность и открытость – это те качества, которыми мы, к сожалению, похвастаться не можем. Так уже сложилось, что наша страна огромная, многонациональная, необъятная, мультикультурная, но северная. А северные народы более закрытые, нежели южные.

Испанцы суетливы и неторопливы, в отличие от нас, русских, привыкших всегда куда-то спешить. Особенно ярко это заметно в крупных городах. Все вокруг мчится с бешеной скоростью. А у испанцев, несмотря на их неугасимый темперамент, все гораздо проще. Они не любят, а возможно, даже и не умеют спешить. Поэтому, как только нога русского человека коснется испанской земли, ему нужно забыть о спешке и суматохе, и полностью раствориться в атмосфере испанской неги.

«Работа не волк» – это исконно русское выражение считает своим девизом по жизни добрая половина россиян. Нет, к работе мы относимся серьезно, но очень часто откладываем все на последний момент. Именно эта черта и объединяет нас с испанцами. При этом работают они качественно и много, и к своему свободному времени тоже относятся серьезно. Поэтому Испания на весь мир знаменита своими праздниками, ведь так как умеют развлекаться испанцы, пожалуй, не умеет больше никто в мире [5].

Еще одной особенностью испанцев является то, что они любят ходить в рестораны, клубы, различные развлекательные центры группами из нескольких человек, в то время как россияне предпочитают чаще всего такой досуг вдвоем со своим партнером.

Что касается внешнего вида, жители солнечной Испании предпочитают простую, повседневную одежду, не стараясь как-то себя выделиться, в то время как русские любят яркий макияж и показывают свои лучшие наряды даже во время обычной прогулки.

Это все общие, известные всему миру различия между представителями русского и испанского народов. Но мне хочется поделиться одной, забавной историей, которую рассказал мне один знакомый испанец.

«Поступив в университет в Москве, я впервые приехал в Россию. В первый день было заселение студентов в общежитие. Однако комната где я должен был жить, не была еще определена. Мои друзья позвали меня прогуляться немного по городу, зайти в кафе и отметить наше поступление в ВУЗ. Поэтому, я оставил свой чемодан с вещами на 1 этаже в холле и отправился на знакомство с городом. Вернувшись вечером в университет, я обнаружил, что мой чемодан исчез. Многочасовые поиски моих вещей не дали результата. С тех пор прошло много времени, но я так и не узнал, куда пропал мой багаж» – вот таким было знакомство этого испанца с Россией [2].

Но, на самом деле, испанцы очень любят нашу страну. Схожесть в менталитете, красивая природа вызывают желание у них приезжать в

Россию не только в качестве туристов, но и постоянных жителей. И даже, несмотря на суровые зимы и некоторые отличия в характере испанского человека от русского, они всегда, при любых обстоятельствах готовы выразить свою любовь к России.

Список литературы

1. Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. – М.: Институт российской истории РАН, 2014. – 286 с/
2. Лоней Д. Эти странные испанцы. / Д. Лоней. – М., 2009. – 212 с.
3. Нестерова Н.А. Обзор русского и английского менталитета / Н.А. Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
4. Крюкова Д.А. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (42). – С. 393-398.
5. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. – М., 2006. – 98 с.

УДК 801.8

КОНЦЕПТ «ЗВЕРЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

Шевченко А.Н.

ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, РФ
nastyia01shevchenko@gmail.com

Впервые термин «концепт» встречается в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово» в 1928 году. Это понятие автор понимал как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». В этом смысле концепт понимается как система мысли, меняющий много смежных предметов, неясных в мыслительном процессе. Данный термин вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингво-культурологии. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной размытостью границ, произвольностью его употребления, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами [1].

Так как в статье в примерах используются названия животных в переносном смысле, стоит уделить особое внимание зоометафоре, которая путем метафорического переноса наделяет человека дополнительными характеристиками характера, внешности или поведения. Таким образом, она обеспечивает ассоциативную связь с миром животных и делает

описание человека более выразительным. Определенные образы животных выступают в картине мира как символы: зла и добра, ума и глупости, честности и хитрости и т.д. Изучению зоометафор посвящены многочисленные исследования [2-5].

В данной статье мы рассматриваем концептуальный образ «Зверь» в сравнении с русским и английским значениями каждой из культур по отношению к человеку и его характеристике. К сравнениям человека с животными прибегают носители любого языка. Действительно, это имеет место быть, так как человек живет в мире, наблюдая и контактируя с животными, которые имеют различное поведение, внешность и качества характера. Все больше узнавая какое – либо животное и наблюдая за ним, у человека формируются определенные представления о нем, которые в каких-либо ситуациях совпадают с поведением человека и животных, что ведет к рождению ассоциаций, которые выступают в роли образных сравнений и появляются в речи человека [3].

Родной язык автора данной статьи русский, поэтому, находясь вне естественной среды английского языка, основным источником материала для анализа являются тексты художественных произведений, созданные носителями языка и устойчивые выражения. В силу некоторых отличий одной культуры от другой, русский читатель английского произведения может неправильно понять определенные сравнения человека с животным, если не знает какое значение придают тому или иному компарированию англичане, тем самым изменив смысл текста. Очевидно, что каждая культура обращает внимание на разные качества животного, поэтому появляются некоторые отличия созданных образов животных в каждой из культур.

Для сравнения значений зоометафор рассмотрим ряд примеров:

1) Для анализа концепта Улитка, Черепаха\Snail, Tortoise возьмем текст из рассказа «How I found a good friend». В образе улитки в обеих культурах выделяют основной характеристикой ее медлительность. “We call “snails” those who do something slowly. Look at the car ahead. He's driving twenty miles per hour! He doesn't apparently know where to go”. “I see now. We call such persons tortoises,” I answered” [4].

«Мы называем «улитками» крайне медлительных людей. Посмотри на машину впереди нас. Он едет 20 миль в час! Видимо, он даже не знает куда ехать».

«Теперь понятно. А мы называем таких людей черепахами, – ответила я».

2) Обезьяна\Monkey – в русском языке имеет значение некрасивого, уродливого человека. В английском совершенно иное значение, не связанное с внешними качествами. Англичане, сравнивая человека с этим животным, говорят о глупом, несносном человеке.

3) Волк\Wolf – данный ассоциативный созданный образ у русского народа имеет такие значения как:

а) очень голодный;

- б) двуличный человек, лицемер;
- в) одинокий человек (таких называют волк - одиночка);
- г) выражение «нанимать волка в пастухи» имеет значение «делать нечто неумное, такое, что непременно принесет вред» [5].

Рассмотрим ряд примеров английского использования данного концепта для сравнения с русским:

- а) wolfish (ravenously hungry) – очень голодный человек; to eat like a wolf – уплетать за обе щеки;
- б) as greedy as a wolf – жадный как волк;
- в) lone wolf – человек, предпочитающий быть в одиночестве;
- г) wolf (a person, who have the character of a wolf) – так англичане называют человека, который имеет характер волка;
- д) существует детская оригинальная песня « Who's afraid of the big bad wolf?» из мультфильма, которая впервые прозвучала в 1933 году в мультфильме Уолта Диснея «Три поросенка». Это свидетельствует о том, что в английской культуре образ волка обозначает злого персонажа;
- е) выражение to set the wolf to keep the sheep означает совершить неразумный поступок;
- з) фразеологизм a wolf in sheep's clothing (волк в овечьей шкуре) означает двуличного человека, который говорит одно, думает другое, а делает третье; лицемер [6].

Сопоставительный анализ концепта «Зверь» в русской и английской языковых картинах мира показал, что в той и другой культуре имеются как сходства так и отличия. Общность образной словесной сферы разных языков показывает, что человеку, который желает выразить свою мысль на другом языке с употреблением данного концепта необходимо знать значение того или иного созданного образа в культуре того народа, для того, чтобы не нарушить смысловые оттенки зоометафоры и, человек, говорящий на том языке получил именно тот смысл выражения, который был первоначально вложен говорящим.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 317 с.
2. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском и английском языках / Е. М. Брославская // Вестник МСУ. – 2001. – Т.4, № 6. – С.49.
3. Самарин А.В. Зоометафоры в русской и английской лингвокультурах / А.В. Самарин // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-6. – С. 1491-1494.
4. Самарин А.В. Метафорический перенос образов животных в проекции на человека и объекты неживой природы в русском и английском языках / А.В. Самарин // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 397.
5. Самарин А.В. Концепты-"представления" с низкой степенью образности в русской и английской концептосферах / А.В. Самарин // European Social Science Journal. – 2013. – № 10-2 (37). – С. 206-211.
6. Brewer E. C. The Dictionary of Phrase and Fable. Galley Press, London, 1987.

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

УДК 821.111:801.73“18/19”

ПОЭТИКА СЛАДОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ О. УАЙЛЬДА

Бабий А.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
pasadena1994@mail.ru

Поэтика ощущений занимает важное место в творчестве О. Уайльда. Ранняя лирика автора, его единственный роман «Портрет Дориана Грея» и трагедия «Саломея» наполнены цветовыми, звуковыми и ольфакториальными образами, насыщенными богатой символикой. Ещё один важный пласт ощущений – вкусовой, где особое место отводится сладости в различных её проявлениях.

На алиментарном уровне сладость, как и другие вкусовые ощущения, представлена не очень широко. Так, в романе «Портрет Дориана Грея» автор, изображая обеды, приёмы и угощения, описывает в основном не еду и напитки, которые отражали бы вкусы героев романа, а роскошь той столовой посуды, в которой подаются блюда. Духовной «пищей», доставляющей радость, в произведении являются главным образом беседы, диалоги, полилоги героев и монологи лорда Генри. Если в произведениях Уайльда и появляются еда или напитки, то часто эти образы сопряжены с другими ощущениями и усиливают эстетический план. Например, в «Сонете, написанном на Страстной Неделе в Генуе» такую роль играют апельсины: «*I wandered through Scoglietto's far retreat, // The oranges on each o'erhanging spray // Burned as bright lamps of gold to shame the day <...>*» [8, p. 126] («Я бродил по далёкому уединенному месту у Скольетто, // Апельсины на каждой свисающей ветке // Горели, как яркие золотые лампы, посрамляя день <...>» (подстрочный перевод наш. – А. Б.)). Сладкие апельсины, сверкающие, как золотые лампы, создают в сонете торжественное предпасхальное настроение. Важны также образы вина и винограда, в которых сладость заложена имплицитно. Чаще всего вино появляется в произведениях О. Уайльда либо в библейском, христианском значении (например, упоминание Таинства Причастия в стихотворении «*Quia Multum Amavi*» [5, p. 102] и др.), либо в изображении пира, празднества, во многом напоминающего дионисийский культ: «Танцы, пляски, скитания по горам и сексуальные игрища – этим, однако, не исчерпывалась активность менад. Культ требовал отказа от всех и всяческих запретов, пробуждения в себе природных, животных начал. Все они были опьянены вином <...>» [1, с. 127] (подобное – упоение вином, праздное веселье как метафору сладости греха – мы видим в «Саломее»).

Эти образы часто встречаются в сравнениях (для Саломеи рот пророка Иоканаана «краснее, чем ноги тех, кто мнут виноград в давильнях» [3, с. 8] («*Thy mouth is redder than the feet of those who tread the wine in the wine-press*» [6, p. 12]), а его волосы «<...> похожи на гроздья винограда, на гроздья чёрного винограда, что висят в виноградниках Эдома в стране эдомитов [3, с. 8] («*Thy hair is like clusters of grapes, like the clusters of black grapes that hang from the vinetrees of Edom in the land of the Edomites*» [6, p. 11]). Сладость винограда и будущего вина ассоциируется здесь с чувственностью, в то время как образ трёх сортов вин царя Ирода (пурпурное, как мантия цезаря, жёлтое, как золото, и красное, как кровь) означает властолюбие царя, его алчность и жестокость.

На ольфакториальном уровне сладость достигается многочисленным упоминанием цветов и других растений со сладкими запахами. Так, роман «Портрет Дориана Грея» начинается с описания сада художника Бэзила Холлуорда: «Студию наполняло пьянящее благоухание роз, а когда по деревьям сада пробегал лёгкий летний ветерок, через открытую дверь доносился густой запах сирени, перемежаемый с более нежным ароматом розовых цветков боярышника» [2, с. 13] («*The studio was filled with the rich odour of roses, and when the light summer winds stirred amidst the trees of the garden, there came through the open door the heavy scent of the lilac, or the more delicate perfume of the pink-flowering thorn*» [9, p. 5]). В этих строках – радость, безмятежность и гармония, благотворная атмосфера для творчества, аллюзия райского сада. В контексте ольфакториального проявления сладости важны и синестезийные образы – смешение запаха и вкуса. Это показательно для отрывка из романа «Портрет Дориана Грея»: «Выйдя в сад, лорд Генри нашел Дориана возле куста сирени: зарывшись лицом в прохладную массу цветов, юноша упивался их ароматом, словно это было изысканное вино» [2, с. 33] («*Lord Henry went out to the garden and found Dorian Gray burying his face in the great cool lilac-blossoms, feverishly drinking in their perfume as if it had been wine*» [9, p. 24]).

Сладость часто выражена и метафорически. Например, стихотворение «В золотой комнате» наполнено «вкусовыми» эпитетами и метафорами: *sweet lips* [4, p. 70] («сладкие губы») сравниваются здесь с «ранами граната» («<...> Burned like <...>/<...> the bleeding wounds of the pomegranate» [4, p. 70]) («<...> Горели словно <...>/<...> кровоточащие раны граната»), а также с сердцем лотоса, пропитанным кровью розово-красного вина («<...> Or the heart of the lotus drenched and wet / With the spilt-out blood of the rose-red wine» [6, p. 70]).

Распространён в поэзии Оскара Уайльда и акустический план синестезии – сладость звука, мелодии: *sweetest singing* [7, p. 120], *song* («сладчайшее пение, песня»), *sweeter melody* [7, p. 120] («более сладкая мелодия»), *sweet note* [10, p. 186] («сладкая нота»). В стихотворении «*Silentium Amoris*» («Молчаливая любовь») лирический герой сравнивает

выражение своей любви со «сладчайшим пением»: «<...> *doth thy Beauty make my lips to fail, / And all my sweetest singing out of tune*» [7, p. 120] («<...> твоя Красота мешает моим устам, / И всё моё сладчайшее пение – мимо нот») (подстрочный перевод наш. – А. Б.).

Ещё один пример, когда слово *sweetness* (сладость) встречается уже в связи с искусством, – описание музыкальных инструментов из коллекции Дориана Грея, в частности, – яшмы: «<...> поющая зелёная яшма <...> звенящая удивительно приятно [2, с. 149] («<...> *the sonorous green jaspers <...> that give forth a note of singular sweetness*» [9, с. 149]). Как искусство воспринимает Дориан и «сладкие» речи лорда Генри, эстетизируя их: «в них [в словах лорда Генри] есть своя музыка – столь же сладостная, как звуки виолы или лютни. Всего лишь слова! Но есть ли? на свете что-нибудь реальнее и весомее слов?» [2, с. 31-32] («*They seemed [Lord Henry's words] <...> to have a music of their own as sweet as that of viol or of lute. Mere words! Was there anything so real as words?*» [9, p. 23]).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что ощущение сладости в произведениях О. Уайльда проявляется не только в привычном вкусовом аспекте. Сладость – многоуровневый и весьма важный метафорический компонент, который в совокупности с другими ощущениями выражает важную идею эстетизма – сладости любви и искусства, а также любви к искусству и всему прекрасному.

Список литературы

1. Трессиддер, Дж. Вино // Словарь символов [Текст] / Дж. Трессиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1993. – С. 127.
2. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея: Роман, повести, пьесы, сказки, афоризмы [Текст] / Оскар Уайльд. / Пер. с англ. В. Чухно, М. Благовещенской. – М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс, 1999. – 672 с. (Серия «Зарубежная классика»).
3. Уайльд, О. Саломея [Текст] / Оскар Уайльд / Пер. с англ. К.Д. Бальмонта. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 21 с.
4. Wilde, O. In The Gold Room // Poems / Oscar Wilde. – PoemHunter.Com – The World's Poetry Archive, 2004. – P. 70.
5. Wilde, O. Quia Multum Amavi // Poems / Oscar Wilde. – PoemHunter.Com – The World's Poetry Archive, 2004. – P. 102.
6. Wilde, O. Salome. – 32 p. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.pinkmonkey.com/dl/library1/salome.pdf>
7. Wilde, O. Silentium Amoris // Poems / Oscar Wilde. – PoemHunter.Com – The World's Poetry Archive, 2004. – P. 120.
8. Wilde, O. Sonnet Written In Holy Week At Genoa // Poems / Oscar Wilde. – PoemHunter.Com – The World's Poetry Archive, 2004. – P. 126.
9. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray [Text] / O.Wilde. – San Diego: Icon classics, 2005. – 327 p.
10. Wilde, O. Under the Balcony // Poems / Oscar Wilde. – PoemHunter.Com – The World's Poetry Archive, 2004. – P. 186.

ПЕРСИДСКИЙ МИР

VII. История одной фотографии... Фоторепортер Оливье Ребо

Валерьев И. К., профессор

Международный научный журнал “ASPECTUS”, г. Краснодар, РФ
i_valeryev@mail.ru

Доброта рождает доброту.

Персидская пословица (пер.: Г. В. Арсанис)

Данные тезисы – суть очередная публикация в продолжающейся серии, указанной в заголовке. Предыдущая статья серии напечатана в сб. [1].

По адресу [2] – находится примечательная фотография, переносящая нас во времена иранской революции 1978—1979 гг. Запечатлена очень динамичная (и драматичная) сцена: мы видим мужчину зрелого возраста в очень хорошем сером пальто, с ухоженным благообразным лицом, – пожалуй, отражающим «привычку к хорошей жизни». Кожа лица сделалась бледной, глаза его закрыты, но по напряженным мимическим мышцам видно, что он еще жив. Мужчину терзает толпа. Наиболее выразительные персонажи – схвачены камерой фотографа на среднем плане (третий ряд фигур, считая вглубь сцены): на лицах двух молодых мужчин написана страстная, захватившая все их существо, досада, что им никак не удастся дотянуться до жертвы; те же, кто стоят в непосредственной близости, – сосредоточенно душат и терзают схваченного толпой. Стоящие в нескольких метрах от жертвы просто смотрят на происходящее, – остро переживая.

В источнике [2] (а также в [3]) эта фотография помечена как не имеющая установленного авторства и «эксплуатируется» там вне юридических рамок какой-либо лицензии, но в порядке так называемого добросовестного использования. Ресурс [3] уточняет: «Данный файл является *несвободным* (не соответствует определению свободного произведения культуры). В соответствии с решением Фонда Викимедиа он может быть использован в статьях русского раздела Википедии только при соблюдении *критериев добросовестного использования*. Любое другое использование (как в русском разделе Википедии, так и вне ее) может стать нарушением авторского права» (о понятии добросовестного использования, как оно формулируется свободной (общедоступной) многоязычной универсальной Интернет-энциклопедией со свободным контентом «Википедия», – см., например, в [4]). И далее ресурс [3] относительно данного фото указывает: «Изображение загружается в информационных целях для использования» в соответствующей словарной статье, поскольку «замена невозможна».

Постараемся восполнить этот пробел в «народной» сетевой энциклопедии. Рассматриваемая фотография принадлежит фотожурналисту Оливье Ребо (1949—1981). Оливье был уроженцем Парижа. Свою карьеру в качестве фотографа – начал как постоянный участник известного французского ежемесячного иллюстрированного журнала “L’ŒIL”, отражающего события из мира искусства. В 1971 г. переехал в Нью-Йорк; с этого времени он начинает освещать важнейшие международные события – такие, как, напр., “the Cambodian boatlift” в 1978 г., *Энкелаб-э Эслами* (Исламская революция) 1978—1979 гг. в Иране и начало *Джанг шоурави дар Афханэстан* (Афганская война 1979—1989 гг.). В январе 1981 г., находясь в Сальвадоре в командировке от американского еженедельного новостного журнала “Newsweek”, Ребо во время боя между правительственными войсками и партизанами-снайперами получает тяжелое ранение; через несколько недель фотокорреспондент скончался в г. Майами, штат Флорида, США.

Оливье был мастером, основывающим свою творческую продукцию на таких ситуациях, «главный» интерес которых – в их самом «грубом», самом непосредственном содержании – так сказать, буквальном; – а эстетические их характеристики «отходят в сторону». Этим ситуациям свойственна чаще всего уникальность (например, *только однажды* происходили запуск *первого* в истории искусственного спутника Земли, самопроизвольное разрушение знаменитой плотины, *первая* трансплантация сердца у человека, работал *первый в истории* наднациональный судебный орган – Международный военный трибунал – для преследования и наказания главных военных преступников), и, соответственно, фотофиксация таких, уникальных (принципиально неповторимых), событий возможна лишь однажды. И здесь от фотографа требуются «лишь» две вещи: позаботиться о подходящей профессиональной технике и оказаться в месте с «уплотненной» вероятностью развития ожидаемого события (например, в бою, в толпе, на концерте, на официальной церемонии и др.). Заслуга Ребо перед современниками и потомками – потребителями его журналистской продукции, ставшей теперь историческими документами, – в том, что он обеспечивал оба указанных пункта. В данную нашу рубрику Ребо «попал» потому, что самым непосредственным образом участвовал в фиксации судьбоносных для иранского народа и государства событий конца 1970-х гг.

Вернемся к конкретному фото. 4 января 1978 г. ко дворцу Ниараван двинулось большое количество шиитов, «демонстрировавших» против визита в Шаханшахское Государство Иран 39-го Президента США Джеймса Э. Картера-младшего (род. 1924; президентство 1977—1981); демонстранты намеревались также просить Его величество разрешить исламскому духовному лидеру Сейиду Рухолле Мостафави М. Хомейни (1898, 1900 или 1902—1989; рахбар в 1979—1989) вернуться в страну из эмиграции. Силы САВАКа, не дожидаясь приказа шаха, –

открыли по демонстрантам огонь, что послужило поводом для всеобщих волнений и разгорания террора. Дальнейшие события хорошо известны. Е. в. Мохаммед Реза Пехлеви, 35-й шах (шахиншах) Ирана, был вынужден покинуть пределы страны; к власти пришли исламисты во главе с аятоллою Сейидом Р. М. М. Хомейни, которые тут же обрушили весь свой гнев на прошахские элементы – прежде всего на САВАК и представителей всех силовых структур и политических ведомств шахского Ирана. 28 января 1979 г., – этот день стал известен как «кровавое воскресенье», – имела место автоматная перестрелка у Тегеранского университета. Сопrotивляясь жандармам, протестующие пустили в ход камни и палки; танки и бронетранспортеры открыли пулеметный огонь на поражение. По официальным данным: 27 человек убитых + 40 раненых; однако репортеры одной из оппозиционных газет, обзвонившие одиннадцать больниц, получили следующие цифры: 39 убитых + 285 раненых. В этот день демонстранты осуществили нападение на один из филиалов САВАКа в Тегеране, и во время этой акции расsvирепевшею толпой был убит фигурант разбираемого фотодокумента. Событие имело место 28 января 1979 г.; военнослужащий в штатской одежде – был задержан толпой после того как на площади Эсфанд, 24 автомобиль, в котором он передвигался, был подожжен с помощью «коктейля Молотова». Это некто Таги Латифи, генерал САВАКа, – принадлежностью схваченного функционера к наиболее odioзной структуре в шахском Иране и объясняются действия толпы.

САВАК (SAWAK) – *Сазман-э Эттела'ат ва Амнийат-э Кешвар* (мы перевели бы: Национальная организация информации и безопасности) – тайная политическая полиция, орган разведки и контрразведки, служба внутренней безопасности в шахском Иране, существовавшая в период октябрь 1957—февраль 1979 гг. По оценке генерал-майора С. П. Крахмалова (1920—2010; пом. воен. атташе при посольстве СССР в Тегеране в 1950—1954) – «[...] САВАК многие годы держала в страхе все население Ирана. Даже высшие должностные лица страны вздрагивали при ее упоминании».

Список литературы

1. XI «Твердовские чтения»: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. ⟨...⟩: г. Краснодар, 1-2 марта 2019 г. / Ред.-сост. А. А. Самойленко. Краснодар, 2019. – С. 120-127.
2. [Без указания автора]. General_Latifi_SAVAK [Электронный ресурс]: [граф. файл] // Wikiwand: Wikipedia Modernized: The World's Leading Wikipedia Reader [проприетар. прогр. интерфейс для просмотра статей Википедии]. URL: <http://www.wikiwand.com/ru/%D0%A1%D0%90%D0%92%D0%90%D0%9A> (дата обращения: 09.03.2018). Релевантная информация о файле на сайте: «Credit: в источнике не указан. License: добросовестное использование». Ссылается на файл [3] в качестве источника фотографии.
3. [Без указания автора]. Файл:General Latifi SAVAK.jpg [Электрон. ресурс]: [граф. файл] // Википедия: свобод. энцикл.: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:General_Latifi_SAVAK.jpg (дата обращ.: 15.03.2018).

4. [Коллективный автор]. Википедия: Критерии добросовестного использования : [словар. ст.] [Электрон. ресурс] // Википедия : свободная энцикл. : [сайт]. (Дата обращения: 15.03.2018). © Под усл. свобод. непортир. лиц. CC BY-SA 3.0 (о легал. исп. – см. в [5]).
5. [Without author]. Creative Commons : Attribution-ShareAlike 3.0 Unported [Electronic res.]. URL: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/legalcode> (viewing: 9/27/2017).

УДК 82

ЖАНР «ФАНТАСТИКА» КАК АВТОРСКАЯ ПОПЫТКА ПРЕДСКАЗАТЬ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (ПО РОМАНУ РЭЯ БРЭДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»)

Венжик Т.В.

МОУ «Школа № 25 с углубленным изучением отдельных предметов» г. Горловка, ДНР
tvenjik@mail.ru

Литературный жанр «фантастика» предсказал много научных открытий: орбитальные космические станции, высадку космонавтов на Луну, подготовку экспедиции на Марс, глобальную сеть Интернет, машинный перевод текста и многое другое.

«Фантастика» (от греч. – искусство вообразать) – специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму-образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей в принципе способом, – невероятно, чудесно, сверхъестественно. Элементы фантастики присутствовали в литературных произведениях, начиная с фольклора и эпоса; по-настоящему жанр стал таковым, опираясь на науку. Здесь сформировалась своеобразная научно-фантастическая и литературно-художественная картина мира [2].

Попытки сформировать идеальное общество (утопию) вызвали к жизни своеобразную форму осмысления этой проблемы – антиутопию. Утопия – (состоящее из греческого отрицания «ou» - не, и «topos» - место, «нигде не находящееся») произведение, изображающее вымысел, несбыточную мечту [4, с. 429].

Задача утопии – указать миру путь к совершенству. Назначение антиутопии – предупредить мир об опасностях, которые ждут его на этом пути; исследуется человеческая душа, противостоящая миру [3, с. 17].

Рэем Дугласом Брэдбери (22 августа 1920 г. – 05 июня 2012 г.), американским фантастом, также была предпринята попытка предсказать картину будущей жизни человечества в романе-антиутопии «451 градус по Фаренгейту», опубликованном после Второй мировой войны, в 1953 году. По признанию самого автора, научная фантастика – это реальность, то есть

то, что непременно настанет. Это произведение повествует о страшных последствиях стремительного прогресса, заставляет задуматься о том, кто мы есть и что же с нами будет дальше.

В этом романе рассказывается история постиндустриального общества в будущем, когда интерактивное телевидение и другие чудеса техники стали огромной частью жизни обычных граждан. Люди заводят семьи, ходят в школу и на работу, развлекаются, за одним исключением – запрещены книги и их хранение. Есть буклеты и руководства с инструкциями на все случаи жизни, а все остальное предается огню пожарниками. Их работа заключается не в тушении пожаров, а в сжигании книг. Каждый, кто так или иначе мыслит по-другому, объявляется диссидентом, и их дома вместе с книгами уничтожаются.

После работы люди либо смотрят развлекательные шоу по телевизору, экран которого занимает целую стену, либо ходят в парки развлечений, либо катаются на больших скоростях по шоссе. Вечерние прогулки считаются странным и даже вредным занятием. Задумываться о чем-то, кроме как собственного индивидуального удовольствия не принято. Люди отдаляются друг от друга и перестают жить в реальности, поскольку их глаза прикованы к экранам с шоу, а в ушах наушники, где постоянно что-то говорит радио.

Главный герой произведения, пожарник Гай Монтэг, ворующий книги, те, что должен сжигать, встречает девушку Клариссу, которая, вместе со своей семьей, осталась нормальным человеком, – ее интересует природа и мир в целом. После нескольких дней общения с ней, он понимает, что в его жизни должно быть все иначе. Возникает вопрос: «А так ли бесполезны книги?» Приходит осознание того, что его жизнь пуста, что он вместе со всеми окружающими его людьми находится в тупике.

Гай Монтэг за смелость хранить и читать книги превращается из защитника нового порядка в преступника, которому грозит смерть. Он убегает от погони и обнаруживает, что он такой не один – подполье существует и активно принимает в свои ряды все новых и новых единомышленников.

Финал романа оптимистичен – герой обретает смысл своей жизни, понимает цель своего существования и знает, что должен сделать в ближайшем будущем.

В романе автор освещает следующие проблемы:

1. Проблема обнуления культурных ценностей великих авторов.

Люди стремятся в потоке быстрого темпа жизни упростить информацию «глотаю ее на ходу», не получая истинного удовольствия от жизни, от событий, общения. Автор отмечает: «Больше книг с картинками! Больше фильмов! А пищи для ума все меньше» [1. с. 57].

2. Общество идет к тому, что счастливые люди должны быть одинаковы.

Не надо выделяться, не надо мыслить, рассуждать, общаться. Новое общество воспринимает книги как «угрозу»: «Пусть люди станут похожи

друг на друга как две капли воды; тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют свое ничтожество. Вот! А книга – это заряженное ружье в доме соседа. Сжечь ее! Разрядить ружье! Надо обуздать человеческий разум. Почему знать, кто завтра станет очередной мишенью для начитанного человека?» [1, с. 58] Книги обесценены, они враги, заставляющие думать, развиваться, расти.

3. Проблема коммуникаций в семье, обесценивания отношений.

Главный герой рассуждает о своих чувствах к супруге: «В ту ночь возле ее постели он почувствовал, что если она умрет, он не сможет плакать по ней. Ибо это будет для него как смерть чужого человека, чье лицо он мельком видел на улице или на снимке в газете» [1. с. 45].

Одна из героинь произведения говорит своей подруге: «Мы обязаны продолжать человеческий род. Кроме того, дети иногда бывают похожи на родителей, а это очень забавно» [1. с. 92].

Автор показывает безразличие по отношению к близким людям. Женщин не беспокоит судьба мужей: «Это мой третий брак, у Пита тоже третий... Пит сказал если его убьют, чтобы я не плакала, а скорей выходила бы замуж -и дело с концом» [1. с. 90].

Рэй Брэдбери видит общество будущего таким, где люди лишены своей сущности – способности критически думать, действовать и творить. Оно посягает на самое ценное в мире – на коллективную память человечества, заключенную в книгах. Человек без памяти – чистый лист, беспомощное управляемое существо, у которого нет ни свободы, ни будущего.

Что мы наблюдаем в современном мире? Молодёжь поголовно отказывается от чтения книг и все больше увлекается гляцевыми изданиями, социальными сетями, и компьютерными играми. Происходит перегрузка общества техническим прогрессом, информационная война с помощью СМИ, деградация семьи как ячейки общества, замена истинных ценностей на потребительские. Сбылось ли все то, о чем писал фантаст? Ни это ли начало формирования общества «по Брэдбери»?

Список литературы

1. Брэдбери Рэй. 451 градус по Фаренгейту: Фантастический роман. Пер.с англ. Т. Шинкарь. – Ростов н/Д: Кн. Из-во, 1985. – 160 с.
2. Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова Философский взгляд на научную фантастику и фантазийные жанры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-vzglyad-na-nauchnyu-fantastiku-i-fantaziynye-zhanry> свободный. – (дата обращения: 20.06.2019).
3. Культурология: словарь-справочник/ под ред. Н.В Шишовой [и др.]. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 596 с.
4. Словарь литературоведческих терминов. / под ред. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М., «Просвещение», 1974. – 509 с.

ТРИ СЕКВЕНЦИИ ПАСХАЛЬНОГО ЦИКЛА В «ПРОЗАРИИ» МОНАСТЫРЯ СВ. МАРЦИАЛА В ЛИМОЖЕ

Вишневская Е.А.

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», г. Москва, РФ
avgusta.vsn@gmail.com

Секвенция как жанр возникает в богослужении Западной Церкви в период раннего Средневековья. Первые упоминания о ней относятся ко второй половине IX в. и встречаются в рукописях Королевской Библиотеки Бельгии в Брюсселе [1, р. 185]. Слово «секвенция» (*sequentia*) имеет латинское происхождение и означает «последующая», что обусловлено ее ролью в средневековом богослужении [2, с. 22]. Между чтением отрывков из Апостольских посланий и литургийным Евангелием исполнялись особые гимны – градуалы, которые составляли на основе псалмов и далее следовало «Аллилуиа» (др. евр. «хвалите Господа»). «Аллилуиа» пелось антифонно, т.е. имело диалогическую форму. При втором повторении «Аллилуиа» хор присоединял невму (так называемая богатая мелодия для последнего слога, - иначе *jubilus*), протягивая «а». Этот напев всегда отличался особой живостью, энергией и красотой. [3, с. 754]. Около 851 г. к этому напеву начали прибавлять прозаический текст, который получил название секвенции. Появление этого вида литургического творчества связано с именем монаха-бенедиктинца Санкт-Галленского монастыря на территории современной Швейцарии Ноткера Заики. Для более удобного запоминания «весьма длинных мелодий» [2, с. 23.], которые, однако, «будучи вверены памяти, покидали нестойкий ум» [2, с. 23] он весьма успешно соединял их с поэтическим текстом. И, несмотря на то, что секвенция, или проза, существовали до Ноткера, именно он может считаться создателем этого литургического жанра, поскольку им были сформированы правила, которых позже придерживались остальные авторы [2, с. 37].

Материалом для настоящего исследования послужили три секвенции пасхального цикла из Прозария монастыря св. Марциала в Лиможе во Франции, а именно *In Sabbato Paschae* [5, р. 65], *In vigilia Paschae* [5, р. 57], *In Resurrectione Domini Nostri* [5, р. 70]. Прозарий представляет собой собрание секвенций годового богослужебного круга датируемых X–XII вв., которое после разрушения монастыря попало в Национальную Библиотеку Франции [АН VII, р. 1]. Монастырь св. Марциала был основан в IX в. и славился своей певческой школой, ставшей предшественницей школы Нотр Дам. Помимо этого, монастырь владел огромной библиотекой, большую часть которой составляли нотные рукописи и литургические книги, представляющие большой интерес в области богословских, исторических и филологических исследований.

Анализируемые в этой работе пасхальные секвенции стали доступны для изучения благодаря издательским трудам немецкого филолога Гвидо Древета. В 1886 г. он основал серию *Analecta hymnica medii aevi* – антологию средневековой латинской гимнографии, с целью ознакомить общество с латинской поэзией различных жанров. В период между 1886 и 1922 гг. было опубликовано 55 томов памятников средневековой литературы. Тексты данных секвенций опубликованы в 7 томе [5] и предваряются обширным научным введением исторического, филологического, палеографического и музыкально-теоретического характера.

Секвенции посвящены главному христианскому празднику – Пасхе и исполнялись на пасхальной миссе. Сама тема предполагает торжественный, величавый и радостный стиль, который в свою очередь требует определенных литературных приемов. Имя автора не указано, и, судя по отсутствию яркого проявления индивидуальности, секвенции являются плодом коллективного творчества. Тексты секвенций составлены в форме свободного стиха, здесь нет одного определенного размера и рифм. Такая форма хорошо сочетается со музыкальным стилем монодии.

Структура текстов в трех секвенциях не одинаковая. Так, секвенция *In vigilia Paschae* состоит из 6 фрагментов, внутри которых наблюдается симметрия. *In Sabbato Paschae* состоит из 8 фрагментов. Внутри 2,3 и 4 фрагментов присутствует симметрия, 1й фрагмент – вступление, содержащее призыв, 8 – заключительное двустишие. *In Resurrectione Domini Nostri* включает 18 фрагментов. Внутри фрагментов 8a и 8b симметрия нарушается неодинаковым количеством строк. Каждый фрагмент включает в себе законченную мысль, оформленную в одном предложении. Все фрагменты имеют смысловую связность и отражают логику развития мысли. Как правило, в каждой из секвенций 1й фрагмент задает тему – это общее ликование, затем происходит развитие темы в форме изложения евангельских событий пасхальной ночи и, как бы финальным аккордом, в заключительных фрагментах – прославление Бога. Все три секвенции имеют одинаковую архитектонику текста, подчиненную главной теме радости Воскресения Христова, победы над грехом и смертью.

Интересно отметить, что фрагменты, несущие главную догматическую информацию, важную для запоминания, зарифмованы (*In Sabbato Paschae* фр.2a, 2b [5, p.65]; *In Resurrectione Domini Nostri*. фр.2a, 2b; [5, p. 70]).

Секвенции предназначены для исполнения на два хора, т.е. антифонно. Во 2й и 3й секвенциях есть вступление и заключительная части, которые исполняются двумя хорами одновременно.

Текст прост по лексике, лаконичен и имеет простой синтаксис. Можно предположить, что у создателей была цель создать несложный текст, удобный для исполнения речитативом. Однако, несмотря на простоту и лаконичность языка секвенций, у читателя создается радостное

настроение, благодаря избытию лексики с семой радости, победы и торжества. Например, частотные глаголы *gaudeo* [5, p. 70] – «радоваться», *triumpho* [5, p.70] – «торжествовать», *jubilo* [5, p.65] – «ликовать»; *surgo* [5, p.65] – «воскресать»; существительные *festas* [5, p. 65] – «праздник», *solemnia* [5, p.70] – «торжества», *gloria* [5, p.70] – «слава», *laetitia* [5, p. 70] – «веселие», *gaudium* [5, p. 70] – «радость». Так же, сквозным мотивом проходит тема света и чистоты, пр: *sol fulgida* [5, p.70] – «солнце сияющее», *facies rutilans* [5, p. 70] – «лицо блистающее», *vestis candida* [5, p. 70] – «белое одеяние». Текст избытует эпитетами со значениями «свет», «слава», «вечность» и т.д., пр: *caterva inclita* [5, p. 57] – «славное собрание», *vita perpetua* [5, p. 57] – «вечная жизнь», *plebs nova* [5, p. 57] – «народ новый»; религиозная лексика: *festas paschalia* [5, p. 70] – «праздник пасхальный», *membra dominica* [5, p. 70] – «Тело Господне», *dies dominica* [5, p. 70] – «День Господень», *aromata suavissima* [5, p. 70] – «сладчайшие ароматы», *optata gaudia* [5, p.70] - «желанные радости», *signa perspicua* [5, p. 70] – «ясные знамения», *ecclesia Christo dilecta* [5, p. 70] – «церковь Христу любезная».

Встречается лексика, противоположная по значению, но в небольшом количестве, пр: *tristitia* [5, p. 70] – «печаль», *perfidia* [5, p. 70] – «вероломство», *tartar* [5, pp. 57, 70] – «преисподняя», *supplicia* [5, p. 70] - «муки», *crimina* [5, p. 70] – «преступления», *peccamina* [5, p. 57] - «прегрешения», *culpa* [5, p. 70] – «вина»; словосочерания: *mors perpetua* [5, p. 70] – «вечная смерть», *loca vacua* [5, p. 70] – «места пустые».

В числе литературных приемов, кроме эпитетов, используются олицетворения: *mortis imperia* [5, p. 70] - букв. «владычества смерти», *lugent tartara* [5, pp. 57, 65] «ад рыдает», *gaudeat ecclesia* [5, p.70] – «да радуется Церковь»; метафоры: *lavit crimina* [5, p. 70] – «омывает грехи»; параллелизмы: *Cristus surrexit victor ... lugent tartara* [5, p. 65] – «Христос воскрес победитель ... ад рыдает»; аллитерация: *Tu contra renata ex aqua jubila Domino cantica caterva inclita* [5, p. 57] (фр.4 *In vigilia Paschae*).

Список литературы

1. Hiley D. *Western Plainchant*. Oxford: Clarendon Press, 1993. – 661 p.
2. Жанр секвенции и его разновидности в Средние века// Христианская гимнография: история и современность. /отв.ред. М.Р.Ненарокова. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 592 с. – С. 31-80.
3. Скабалланович М. Толковый типикон. Москва, издание Сретенского монастыря, 2004. – 815 с.
4. Антология «Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века». М. Наука, 2011. – 895 с.
5. *Analecta hymnica medii aevi. Prosarium Lemovicense. Die Prosen der Abtei St. Martial zu Limoges / Clemens Blume, Guido Maria Dreves. Frankfurt am Main: Minerva, 1961 (repr.). v.7. – 282 s.*

МОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ СЮСАКУ ЭНДО «МОЛЧАНИЕ»

Голуб О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
olgagolub.dn.83@gmail.com

Тема предательства – одна из основных в романе «Молчание» японского писателя второй половины XX века Сюсаку Эндо. Автор решает её настолько нетривиально для христианского писателя, что навлекает на себя бурю критики со стороны японской католической общины. При жизни писатель много раз обвинялся в том, что прославляет предателей и порочит память святых мучеников. Сам Эндо, чьё творчество подпитывается как японской, так и европейской (в частности – французской) литературной традицией, рассматривает проблему предательства скорее в экзистенциальном, нежели в нравственном плане.

Вопросом о природе предательства и месте предателя в истории спасения постоянно задаётся главный герой романа, португальский иезуит Себастьян Родригес. Он припоминает, что задавал вопрос об Иуде своему учителю Феррейре, но не получил ответа. К своим размышлениям об Иуде он возвращается снова и снова на протяжении всего романа: почему Христос выбрал Иуду своим апостолом? Возненавидел ли Он Иуду после предательства? Был ли Иуда покинут Богом в час своей смерти? Умер ли Христос на кресте за Иуду так же, как за все человечество?

В своём романе автор создаёт целую галерею персонажей, которые так или иначе отрекаются от Христа, предавая не только Бога, но и друг друга, что даёт возможность всмотреться в разные оттенки феномена предательства.

Прежде всего, эти образы можно разделить на две неравные группы: японских христиан и европейских миссионеров.

Среди японцев выделяется образ Катидзиро, который переключается с образом Иуды Искарота. Катидзиро не только снова и снова отрекается от собственной христианской веры, но и выдает главного героя японским властям, что позволяет сравнить их отношения с отношениями Иуды и Христа. Катидзиро вызывает насмешку и отвращение и своим видом, и своим поведением. Он похож на ящерицу, вечно пьян, труслив, ленив, суетлив и хвастлив. На протяжении романа он отрекается столько раз, что его перестают воспринимать всерьёз даже самураи, разыскивающие тайных христиан, ему позволяют бежать за арестованными, разговаривать с ними. Парадоксальность образа Катидзиро в том, что после каждого своего отречения, когда страх смерти и пыток отступает, он возвращается

обратно. Он не может соответствовать высокому идеалу христианства, потому что слишком слаб для этого, но не может не верить в Христа. Родригес предполагает, что в более счастливые времена Катидзиро был бы уважаемым членом церкви и благочестивым католиком. Это дает возможность Эндо развернуть ситуацию в обратную сторону: не исключено, что в тяжелые времена сегодняшний добропорядочный христианин мог бы стать предателем по отношению к Катидзиро. В своих интервью Эндо часто подчеркивал: Катидзиро – это он сам.

Правитель Иноуэ – чиновник, который преследует христиан и распоряжается пытками самого Родригеса, – тоже отступник, но совсем другого рода. Он отрекается не из страха, а по личному убеждению. Для него на первом месте стоит Япония. Придя однажды к выводу, что христианство для Японии вредно, он сознательно отказывается от него и становится преследователем христиан. В его отречении нет страсти или личного расчёта, он спокойно избавляется от японских христиан и европейских миссионеров, как врач, избавляющий тело пациента от инфекции.

Еще один японский отступник – безымянный переводчик, приставленный к Родригесу. Этот человек принял христианство, когда оно было популярно в Японии и пользовалось покровительством императора и сёгунов. Он даже закончил семинарию, надеясь на быстрый карьерный рост. Поэтому когда христиане начинают подвергаться гонениям, он легко отрекается от церкви в пользу новых карьерных перспектив. Этот человек не мучается от своего выбора, легко доказывая, что разница между христианством и буддизмом не так велика, японцы все равно верили не в то, что проповедовали им европейцы, поэтому глупо и даже бесчеловечно упорствовать в своем христианском исповедании.

К этим трем отступникам примыкает целый сонм безымянных японцев, которые отреклись под пытками, но все равно обречены на смерть, потому что для Иноуэ эти неграмотные крестьяне – только расходный материал в его политике искоренения христианства. Настоящая цель – публичное отречение священников, которых не только принуждают быть свидетелями мучений их прихожан, но и возлагают на иезуитов экзистенциальную вину за их мучения. Отречение этих людей вынесено за пределы романа, Родригес узнает о нем от переводчика, в центре же внимания автора остается только мученическая смерть японцев и нравственная пытка португальского священника.

Центральными для романа становятся сложные взаимоотношения двух монахов-иезуитов, учителя и ученика, Феррейры и Родригеса. С одной стороны, они очень похожи: Родригес называет себя и Феррейру «близнецами-уродами», японцы зовут их «отступник Петр и отступник Павел». Они оба миссионеры, прибывшие в Японию, чтобы проповедовать христианскую веру и посвятить свою жизнь японцам, они проходят

одинаковые пытки и отрекаются, получают японские имена, становясь японскими чиновниками, а фактически вечными узниками. Феррейра ведет Родригеса по собственному пути предательства, а Родригес ненавидит бывшего учителя, потому что видит в нём образ собственного будущего. Однако их предательство имеет разные корни и в момент отречения происходит окончательный разрыв отношений учитель-ученик.

Феррейра прибыл в Японию до запрета христианства на этих островах. Он застал и эпоху процветания японской церкви, и первые, самые жестокие гонения на христиан. Он вытерпел все физические пытки, оставаясь верным своей вере. Как он рассказывает Родригесу, в ночь отречения он слышал стоны умирающих японских христиан и молился, чтобы Бог вмешался и спас своих людей. Он понял, что Христос не слышит, что Бог сам отвернулся от мучеников, и тогда Феррейра решил взять спасение этих людей в свои руки. Он отрекся, чтобы прекратить мучения христиан, слабых и невинных людей, принёс себя в жертву из любви к людям. В корне отречения Феррейры лежит разочарование в Боге и решение принять роль спасителя на себя.

Себастьян Родригес отрекается при внешне схожих обстоятельствах – его подвергают нравственной пытке, принуждая присутствовать при казни японских христиан и обвиняя его в их страданиях. Когда молодой священник признает свою человеческую слабость, не может найти опору и утешение в усвоенных с детства представлениях о себе, мире и Боге, он слышит голос Христа и наступает на ритуальное изображение распятия. Акт отречения становится не завершением, а только кульминацией крестного пути Родригеса. За ритуалом фуми-э следуют тридцать лет унижительного домашнего ареста, потеря имени и родины, навязанный брак. Но вместе с тем – примирение с Богом и тайная жизнь веры. Потеряв надежду однажды вернуться на родину, Родригес не прекращает воображаемый диалог с европейскими инквизиторами и настоятелями своей конгрегации, отказывая им в праве судить себя.

Сюсаку Эндо в романе «Молчание» не излагает историю святого в традиционном смысле этого слова и не выдвигает новые принципы христианской морали. Внимание японского писателя сосредоточено на внутренней жизни человека в экзистенциальной ситуации столкновения со страданием и смертью, опытом собственной беспомощности и равнодушия окружающего мира.

Список литературы

1. Эндо С. Молчание // Сюсаку Эндо. Молчание. Самурай. – М.: Радуга, 1989. – С. 7-162.
2. Williams M.B. Endo Shusaku. A Literature of Reconciliation. – London; NewYork: Routledge, 1999. – 276.

ТРАДИЦИИ ТЕАТРА АБСУРДА Э. ИОНЕСКО В ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ ДЖ. КЕЙДЖА

Даскал В.И.

ГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
daskal.vladimir@yandex.ru

Введение. Данная работа посвящена сопоставлению художественно-эстетических концепций Э. Ионеско и Дж. Кейджа. Оригинальные решения, предпринятые драматургом, оказали значительное влияние на мировое авангардное искусство: приемы эпатажа, неоднократные лингвистические эксперименты нашли свое отражение и в творчестве Дж. Кейджа. Американский композитор, новатор в области экспериментальной музыки, с чьим именем связано появление жанра перформанса, как и французский драматург, будет практиковать формальный подход к функционированию языкового материала в литературных произведениях, лишая свои тексты семантического наполнения и синтаксической организации путем широкого применения техники коллажа и монтажа.

Целью исследования являются рассмотрение и описание системы художественных приемов, сформировавшейся в рамках творческого пути Э. Ионеско-драматурга и отразившейся в литературно-публицистическом наследии Дж. Кейджа.

Основная часть. Фигура Эжена Ионеско – одного из зачинателей драмы абсурда, поставившего на сцене значительное количество пьес, некоторые из которых станут эталонными образцами театрального мастерства, интересна еще и тем, что построенная на собственных переживаниях проблематика его произведений вышла за пределы личного опыта и стала символом сложных духовных исканий эпохи, наполненных экзистенциальным ужасом перед лицом совершавшихся мировых катастроф и последующим признанием кризиса гуманистического мировоззрения. Джон Кейдж творениями также демонстрирует выход за границы национальной традиции, а в зрелый период признается ключевой фигурой авангардного искусства.

Несмотря на то, что формирование авторского метода каждого из них происходило параллельно, уже в раннем периоде творчества Ионеско наблюдается тенденция к выделению среди многочисленных приемов тех, которые будут взяты за основу драматургом и прочно войдут в его художественный арсенал: чрезмерная синтетичность, кукольность, установка на эпатаж, эффект шоковой терапии, тотальное отрицание – в связи с этим уже на данном этапе можно говорить о формировании

устойчивой традиции. Ее влияние скажется на первых литературных опытах композитора.

Кейджа и Ионеско объединит очевидное влияние эстетических воззрений двух знаковых деятелей искусства предшествовавшей эпохи – Альфреда Жарри и Марселя Дюшана; с именем первого будет связано возникновение псевдонауки о воображаемых решениях патафизики, знаменитые же работы в стиле «реди-мейд» второго, в частности, скандальный «Фонтан» 1917 года, вскоре после появления станут символом новой авангардной эпохи.

Одно из ключевых положений, характеризующих литературную деятельность драматурга и композитора, представлено неоднозначным статусом текста, выполняющего функцию источника смыслов. Дебютная пьеса Ионеско «Лысая певица» – результат долгого поиска, целью которого было стремление продемонстрировать процесс постепенного разрушения языка на примере закрепившихся в нем клише и трюизмов. Пограничное состояние между употребительной нормой и спонтанным речепорождением, по мнению исследователя Кондакова Д.А., обосновывается не только желанием Ионеско объявить о невозможности коммуникации между персонажами посредством нарушения правил логической стройности, причинно-следственных отношений, но и показать двойственную природу языка, способного противопоставить друг другу разные речевые контексты с помощью одних и тех же фраз [1, с. 65].

Постоянные эксперименты Дж. Кейджа с художественным материалом во многом определили нетривиальный подход к его отбору и последующей переработке: фундамент собственных текстов составляли литературные произведения Джойса, философские сочинения Торо. Избранные фрагменты подвергались значительной редукции, последовательному расчленению на минимальные смысловые единицы. В разные периоды таковыми были слова, слоги и фонемы. Широко применяемый Кейджем метод «склеивания» стимулировал бесконечное генерирование новых предложений, законченных высказываний. Такой подход свойственен позднему периоду, где доминирующую роль играет постепенное снижение авторской воли. Как и у Ионеско, первоначальное содержание отбрасывалось, в связи с чем возникала потребность в адекватном выражении собственного замысла.

И если в композиторской работе Кейдж использует звук безотносительно того, какое сообщение он может нести, в литературном творении, вопреки концепции Ионеско, он оставляет языку его главную – коммуникативную – функцию: содержание, по его мнению, должно быть максимально информативным и однозначным, не предполагающим иных трактовок. «Мой подход... тяготеет к прямому высказыванию, вместо того чтобы позволить словам говорить самим за себя» [2, с. 184].

Процесс создания «Муро» и ряда других произведений позднего периода будет направлен на создание универсального способа взаимодействия, в равной степени относящегося и к литературе, и к музыке: алогичный с формальной точки зрения буквенно-фонетический коллаж, освободившись от синтаксиса, обретет особенную, прежде находившуюся в потенции мелодику. Данный пример служит наглядным выражением того, как функционирует традиция Ионеско в работах Кейджа: разрушая привычный язык, он, вслед за Ионеско, стремится продемонстрировать его амбивалентный характер, обнажив иной, не замечаемый в привычном контексте, план содержания.

Список литературы

1. Кондаков Д.А. Творчество Эжена Ионеско в контексте идейно-художественных исканий европейской литературы XX века / Д.А. Кондаков. – Новополюцк: ПГУ, 2008. – 157 с.
2. Костелянец Р. Разговоры с Кейджем. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 184 с.
3. Переверзева М. Джон Кейдж: жизнь, творчество, эстетика: монография / М.В. Переверзева. – 2-е. изд. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 292 с.

УДК 821.111.-312.1.09 + 929

СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ФИЛОСОФСКОГО НАЧАЛ В РОМАНАХ АЙРИС МЕРДОК

Дольнева В.В.

ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко», г. Луганск, ЛНР
vika_dolneva@mail.ru

Джин Айрис Мердок – «романист, который писал философские работы, и философ, который писал романы» [5].

По мнению А. Мердок, философу следует излагать свою позицию наиболее просто, избегая неточностей и возможности двоякой трактовки суждений. Философ не может писать отвлеченно от исторического контекста: он обязан принимать во внимание эволюцию философской мысли и современное состояние философской науки. Писатель, в свою очередь, может не ориентироваться на литературное наследие и текущий литературный процесс, волен выражать философские идеи и концепции, сопровождая их оценочными суждениями и эмоциональной окраской. В художественном произведении допустимо вдаваться в пространственные описания, намеренно затуманивать идею повествования, использовать аллюзии.

А. Мердок утверждает, что литературное и философское произведения должны отличаться по содержанию и форме, т.к. преследуют разные цели. Ее работы подтверждают это утверждение: художественная проза А. Мердок имеет значительные стилистические отличия от ее философских трудов.

В романах А. Мердок «...философская проблематика и сухой остоу философских категорий обрастают плотью характеров и страстей»[2, с. 17], однако движущей силой сюжета не являются вопросы философии. В романах А. Мердок беседы главных героев-интеллектуалов и их внутренние монологи наполнены пространными философскими рассуждениями, однако это не является определяющим фактором художественного плана ее произведений. «При кажущейся очевидности взаимосвязи тематики и проблематики романов Мердок и некоторых аспектов, развиваемых ею в своих философских работах, романы Мердок нельзя прочитывать как иллюстрацию ее философских формул, говоря при этом о синтезе философско-аналитического и художественного начал в ее творчестве» [3, с.44].

Философские дискуссии и высказывание мыслей о мироустройстве – не основная идея художественной прозы А. Мердок. В одном из интервью она говорила о своих романах: «Иногда я пишу в них о философии просто потому, что в ней разбираюсь. Если бы я разбиралась в мореплавании, я бы писала о мореплавании» [1].

В своем художественном творчестве А. Мердок выражает свое отношение к таким философским категориям как жизнь и смерть, хаос и порядок, любовь и ненависть, страх и надежда, страдание и прощение, реальность и иллюзия, истина и заблуждение, внутреннее бытие человека и моральный выбор, ощущение пространства и времени, творчество, благо и т.д. В ее романах прослеживается влияние трудов Платона, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, З. Фрейда, Л. Витгенштейна, А. Камю, Ж.-П. Сартра и др.

А. Мердок не только в философских («Огонь и Солнце: почему Платон подверг художников изгнанию»), но и литературных работах (романы «Единорог», «О приятных и праведных», «Святая и греховная машина любви», «Сон Бруно», «Черный принц») прибегает к идеям Платона: поднимает вопрос об антиномии духовного и телесного, обращается к учению об Эроте, к притче о солнечном свете, тенях и пещере.

В творчестве Мердок-писательницы присутствуют идеи Зигмунда Фрейда, изложенные с некой долей иронии и насмешки над психоаналитическими техниками. Знание философии З. Фрейда помогает ей выписать образы и сюжетные линии в романах «Черный принц», «Школа добродетели».

Полемика героев романа «Под сетью» строится на идеях аналитической философии Людвиг Витгенштейна. В название романа

положен образ сети, ранее использованный Л. Витгенштейном для характеристики картины современного мира. В более позднем романе «Черный принц» сходные философские идеи найдут свое продолжение.

А. Мердок по праву считается классиком английского экзистенциального романа. Размышления о свободе личности и свободе выбора находят свое отражение в мыслях и поступках героев романов «Дикая роза», «Вполне достойное поражение», «Море, море» и др. В своем стремлении противостоять окружающему хаосу и вершить собственную судьбу герои Мердок, носители философских принципов, иногда ближе к экзистенциалисту Камю, нежели к Сартру.

Литературоведы полемизируют о типологической принадлежности романов А. Мердок, классифицируя их как философские, интеллектуальные или как романы идей. Вопреки наличию философского подтекста во всех произведениях, сама А. Мердок неоднократно подчеркивала, что «никогда не писала философских романов, а была и остается только художником» [4, с. 285].

«Несмотря на то, что в литературоведении давно принято рассматривать романы Мердок в русле ее философских идей, уникальная художественная интуиция Мердок, проявляющаяся в ее поэтике, показывает преобладание герменевтического нарратива над нарративом логика в ее произведениях» [3, с. 46].

Таким образом, можно заключить, что в романах А. Мердок преобладает художественное начало, а философская тематика и проблематика лишь служат инструментом для раскрытия образов и построения сюжетных линий произведений.

Список литературы

1. Литература и философия. Разговор Айрис Мердок с Брайаном Маги. / пер. и вступл. Дарьи Березко [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 2019. – № 5. – Режим доступа <https://magazines.gorky.media/inostran/2019/5/literatura-i-filosofiya-razgovor-ajris-murdok-s-brajanom-magi.html> – Загл. с экрана.
2. Скороденко В. Достоинство человека и хаос жизни (заметки о романах Айрис Мердок) / В. Скороденко / Мердок А. // Сочинения: в 3 т. Т. 1. Под сетью, Колокол : Романы. – М., 1991. – С. 5–18.
3. Тимонина Т. Ю. Диалог двух нарративов в романах А. Мердок конца 1960-х – 1970-х годов / Т. Ю. Тимонина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-46.
4. Література Анлії. ХХ століття: навч. посібник / К. О. Шахова, Н. Ю. Жлуктенко, С. Д. Павличко та ін.; за ред. К. О. Шахової. – К., 1993. – 400 с.
5. Altorf M. Iris Murdoch, or What It Means To Be A Serious Philosopher / Marije Altorf/ [Электронный ресурс] Revista Internacional de Filosofia – Режим доступа <https://proyectoscio.ucv.es/wp-content/uploads/2013/12/08-Marije-Altorf.pdf> / – Загл. с экрана.

СИМВОЛИКА ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ И.БЭНКСА «ОСИНАЯ ФАБРИКА»

Думчева М.Н.

ФБГОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
dumchevamarina@mail.ru

Дебютный роман шотландского писателя Иена Бэнкса (Iain Menzies Banks, b.1954– d.2013) «Осиная Фабрика» сразу стал поводом для обсуждения. Издание The Independent включило роман «Осиная Фабрика» в сотню лучших книг XX века, а одна из самых популярных газет в мире – The Times в 2008 году внесла И.Бэнкса в список «50 лучших писателей с 1945 года. Первый текст стал и самым известным романом автора – «Осиная Фабрика» (The Wasp Factory, 1984г.) в себе несколько традиционных для британской литературы пространственных мифологем (остров, море, дом). Воплощение этих пространственных категорий в одном тексте позволяет рассматривать роман «Осиная Фабрика» в дискурсе т.н. «островной литературы» и одновременно говорить о его связи с британским морским романом.

Действие романа И. Бэнкса «Осиная Фабрика» разворачивается на острове, который не имеет названия. Его единственными обитателями является семья Колдхеймов. Старший сын долгое время находился в психиатрической больнице и сбежал. Тогда же произошла жуткая травма – по рассказу отца, старый пес напал на ребенка (на Франца, который является главным героем), нанеся ему серьезную травму. После этого случая мальчик чувствует себя неполноценным и главным его другом становится Осиная Фабрика, находящаяся на чердаке дома. Финал романа – апокалиптические сцены разрушения дома и идиллическая картина единения двух родственных искалеченных душ – раскрывается ложь отца и все встает на свои места.

Островной топос является основным в романе «Осиная Фабрика». Художественный мир романа сосредоточен на безымянном острове, который «даже не совсем остров во время низкого прилива» [2, с.6], соединенный с материком мостом. Островное пространство обязывает к упоминанию воды, поскольку остров не может существовать без неё, отсюда и внимание к водному топосу – море неизменно связано с сушей и влияет на физические и метафорические характеристики пространства.

Выдающийся советский литературовед М.М. Бахтин разработал антропоцентрическую концепцию пространства художественного текста. Ученый пришел к выводу, что «в литературе существует двойное сочетание мира и человека:

- 1) мир изображен извне, как окружение героя;

2) мир изображен изнутри, как душевно-духовная сфера, включающая в себя намерения, мысли, чувства.» [1, с. 13].

Формально у Бэнкса реализован первый вариант концепции – остров окружает героя снаружи, но идеологически две ветви концепции сплетаются, так как Франц отождествляет себя с островом и считает себя неотъемлемой его частью.

Остров небольшой, поэтому главный герой – Франц – перемещается по нему пешком. Пространство чрезвычайно изолировано: помимо семьи Колдхеймов обитателей на острове нет, что полностью соответствует замыслу Й. Бэнкса, сосредоточенному на образе главного героя, ибо, как отмечает А. И. Кузнецова «остров – некий микрокосм, где человек оказывается в полной изоляции и полностью являет свою натуру» [3, с. 34]. Море омывает остров, следовательно, является частью художественного пространства. Франц признается, что ненавидит море и женщин, женщин – потому что они «слабые и глупые», а море – «... нечто вроде мифологического врага, и в душе я приношу ему то, что можно назвать жертвами, немного боясь его, уважая его, как следует, но часто обращаясь с ним как с равным. Оно воздействует на мир, и я тоже, нас нужно бояться» [2, с. 101]. Так, на уровне своего архетипического сознания, Франц отождествляет себя с непредсказуемой стихией. Сравнение моря и женщины присуще кельтской мифологии, например, в статье И.С. Макаровой «Образ корабля в кельтской мифологии» проводится следующая параллель: «Известен распространенный на территории обитания кельтов культ священных источников, связанный с понятием *Matres* – женскими божествами (« воды-матери»), которые являлись покровительницами рек и озер в Галлии и Ирландии» [4, с. 147], отсюда ясно, почему Франц ставит море в один ряд с женщиной – на уровне архимифического сознания они совершенно тождественны. Но не только кельтская мифология отводила морю особую роль, в британской литературе в целом и в «Осиной Фабрике» в частности, море осмысливается как отдельная художественная единица и единица мироздания в целом, в английской литературе появляется, в том числе, такая жанровая модификация как «морской роман». Структурно морской роман восходит к мифологии и фольклору, вобравшим в себя и запечатлевшим процесс освоения человеком окружающего мира, а так как Британия – это острова, то море становится неотъемлемой, доминирующей частью окружения любого британца. Первым произведением жанра морского романа обычно считают роман «Моряк», который датируется 1719 годом, за ним последовали Г.Мелвилл («Моби дик, или белый кит»), Дж. Лондон («Морской волк»), А.Мёрдок («Море, море») и др.

Специфика морского романа как явления исключительно английской литературы важна при рассмотрении поэтики топоса «Осиной Фабрики» так как роман принадлежит к британской литературе и, следовательно,

перенимает традиции и вступает в диалог с литературными предшественниками в рамках своей культуры. Бэнкс прибегает к олицетворению морского пространства ближе к финалу романного действия: «Топография поверхности моря разнообразна: оно колыхается, качается, поднимается и опускается, складывается свежим бризом в катящиеся дюны, вздымается холмами под порывистыми пассатами и, наконец, встает на дыбы белопенными, исполосованными смерчами, горными уступами, поднятыми штормовым ветром.»[2, с. 449] Психологический параллелизм очевиден: Эрик отождествлял себя с водной стихией и ранее, а подобное описание пространства метафорически точно передает финальное состояние героя.

«Осиная Фабрика» является островным романом, поэтому нельзя умалять художественную роль водной стихии, ведь остров немислим без воды, а Франц – без острова, это – звенья одной цепи. Водная стихия оказывает непосредственное влияние на сознание героя, воплощая и его страхи, и вместе с тем Францем море воспринимается как равное существо, он использует приём олицетворения, одушевляя стихию.

С другой стороны, именно рядом с морем Франц, который узнает о том, что он – Франциска, обретает гармонию: «Я смотрю на сверкающее море, голова Эрика лежит у меня на коленях» [2, с. 456] – он обретает не только себя настоящего, но и единение с братом – единственным человеком, которого он искренне любил. Из главного мифологического врага море становится единственным свидетелем гармонии в душе героя после того, как раскрылся страшный обман его отца.

Так море становится частью топоса, метафорически и психологически связанной с главным героем. Пространство воды зеркально, следовательно, оно является отражением происходящего на острове и отражением Франца. Именно этим объясняется амбивалентное отношение героя к стихии.

Роман Й. Бэнкса «Осиная Фабрика» имеет сложную пространственную организацию, частью которой является пространственная мифологема «вода». Символика водного пространства в романе является многоплановой. Являясь природным зеркалом и одной из четырёх главенствующих стихий, вода, а конкретно – море, оказывает сильное влияние на становление и развитие характера главного героя романа. Наличие и символическое значение водного пространства в романе также указывает на соотнесенность текста с традиционной британской литературой.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407
2. Бэнкс Й. Осиная Фабрика / Й. Бэнкс. – Эксмо М., 2017. – 249 с.

3. Кузнецова А.И. Пространственные мифологемы в творчестве У. Голдинга / А.И. Кузнецова. Дисс....к.филол.н. – М., 2004. – 232 с.
4. Макарова И.С. Образ корабля в кельтской мифологии / И.С. Макарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 145-150.

УДК 82.32 (575.172)

ЭССЕИСТИКА В КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Камалова Д.Э.

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, г. Нукус
janga-tv@mail.ru

Введение. В каракалпакской литературе жанр эссе используется в очень мало. А некоторые каракалпакские ученые утверждают что, жанр эссе является часть рассказа, потому это направление в литературе мало изучено. Но, произведения написанные в жанре эссе печатаются в основном в печатных СМИ региона. Поэтому изучение и анализ данного жанра в каракалпакской литературе является очень актуальной.

Цели. Основная наша цель анализировать эссе напечатанные в последние и определить основные тематические направления. К тому же попытаемся обосновывать существование и направление развитие эссеистики в каракалпакской литературе.

Основная часть. Надо отметить что, в зарубежной и особенно в Российской литературе жанр эссе были изучены многими исследователями. Например: Воронежский исследователь Д.Н. Перевозов пишет: «В современном обществе эссеизация становится одной из самых перспективных и продуктивных коммуникативных стратегий функционирования публицистического текста» и называет его «одним из наиболее заметных явлений публицистики и литературы рубежа XX–XXI веков» [1].

С ним согласна Т.Ю. Лямзина: «Жанр эссе, будучи на сегодняшний день одним из самых продуктивных жанров французской, английской, американской и других зарубежных литератур, а также объектом достаточного числа критических работ, посвященных отдельным эссеистам» [2].

Стоит отметить, образцы новелл мировой литературы оказали позитивное влияние на творчество каракалпакских писателей. Каракалпакские писатели начиная 1960-70-годов XX века стали с интересом читать, изучать и переводить новеллы, появившиеся в мировой

литературе. В результате этого, в каракалпакской литературе первые новеллы появились в 1970-годах XX века. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что в каракалпакской литературе жанр новеллы сильно развит идейно-тематически, жанровой и стилистической стороны. Бесспорно, появление в нашей литературе каждого произведения нового жанра является художественным явлением, который осуществляется в тесном контакте с творческой деятельностью и поиском талантливых писателей. В качестве яркого примера можно привести произведения писателей Алпысбая Султанова, Марат Таумуратова, Кенеса Смамутова, Омирбая Отеулиева, которые первыми начали работу и непрерывно занимаются жанром новеллы в каракалпакской литературе. Если рассмотреть прозаические произведения последних лет, то в творчестве писателей Минайхан Жуманазаровой, Базарбая Есмурзаева, Хурлиман Отемуратовой, Гулайым Турсыновой, Гулнары Ибрагимовой можно отметить стремление и интерес к написанию новелл. Но, к сожалению, на сегодняшний день в литературоведении не проводились научно-исследовательские работы по жанру новеллы. Это положение вызывает необходимость и важность исследования жанра новеллы в каракалпакской литературе.

Впервые известным ученым С. Бахадыровой приведены некоторые суждения в статье «О рассказ и новелла». В статье своеобразные особенности рассказа доказаны на основе суждений ученых В.Г.Белинского, Л.Тимофеева, Н.Венгрова, Л.В.Шепиловой, Л.Г.Абрамовича. В этой статье ученого большое внимание уделено рассказу, нежели новелле. Автор статьи раскрывая жанровые стороны рассказа, указывает что рассказ берется из глав больших дастанов, сказаний, перед исполнением дастанов жырау выбирает характерные отрывки каждой главы, все это считается корнями современного реалистического рассказа. Также в статье приводятся отзывы М.Гвегадзе, А.Наумова, В.И.Сорокина, Г.Н.Поспелова, которые считают новеллу самостоятельным жанром, дает следующее определение новелле: «Имеется в виду считать ее главными чертами: резкое начало события, резкий сюжет, неожиданный финал, острая идея, быстрота действий, единство эффекта, динамичность и другое» [1]. Потом приходит к выводу, что новелла не самостоятельный жанр, а рассказ-новелла. Тем не менее, мы не можем рассмотреть новеллу синонимом рассказа. Потому что на сегодняшний день создаются множество новелл, резко отличающихся от рассказов произведения молодых талантов наравне с известными писателями. Раскрытие его жанровых и художественных особенностей требует еще более глубоких исследований.

В действительности, в новелле по сравнению с рассказом передается правдивость жизни, жизненные ситуации строятся на короткое время, в ней душевные переживания и мысли людей дается глубоким лиризмом, события изображаются неожиданным и резким поворотом, особенно бросается в глаза

точным решением заключений ума и мыслей. В каракалпакской литературе по жанру новелла трудятся неустанно такие писатели, как К.Смамутов, А.Султанов, М.Таумуратов и другие. Например: в новелле К.Смамутова «Бала» (Сын) освещается безграничная любовь детей к родителям, отмечается последствие работы матерей за границей для того чтобы прокормить семью и заработать на будущее. Герой новеллы мальчик живёт в тоске к родителям. Он ждёт их и верить, что они вернутся. Это повседневные события из жизни. Автор новеллы интерпретирует сюжеты с мастерством и обеспечивает художественность образов. В новелле «Пошша торгай» (Птица) рассказывается тема Родины. В нем изложены внутренние переживания и безграничная любовь главного героя Айтмурата к Родине. Используемые в произведении внутренние монологи интерпретирует смысл и характер героя художественным мастерством. Айтмурат простой рабочий из села. Его родители для прокормления семьи вынуждены были работать за рубежом, из за этого он вырастить без родительского тепла. Он сравнивает родителей с Родиной. Потому он как писатель описывает свою тоску и любовь к родине через стихи. К тому же эпилог новеллы заканчивается неожиданной развязкой как новелла, главный герои Айтмурат скончается. В новелле автор мастерски излагает основной замысел произведение. Видный новеллист каракалпакской литературы А.Султанов каждый раз в своем новом произведении находить самые интригующие факты нашей жизни. В новелле «Коркытыу» (Испуг) излагается участь оставшийся без присмотра трехлетнего ребенка, которого пожирают крысы. Больше любящий выпить отец, чтобы запугать своего ребенка запирает его в подвале. Но он забывает об этом. Он заходя в подвал увидит ребенка искромсанный крысами.

Заключение. В заключении можно отметить, что смысл каждого произведение оценивается его художественностью. Писатель художественным мастерством интерпретирует образно и эффективно события нашей жизни. Для этого имеет большой смысл изложение смысла произведение в нужной форме.

Стоит отметить, новелла как жанр прозы не очень развита в каракалпакской литературе. Потому многие писатели и начинающие творческие деятели стесняются отметить свои произведение как жанр новелла.

Список литературы

1. Бахадырова, С. Гүрриң хэм новелла ҳаққында / С. Бахадырова // Жас ленинши. – Нөкис, 1970, №10; Ахметов, С. Әдебияттануы / С.Ахметов, Қ. Султанов. – Нөкис, Қаракалпақстан, 1987; Алламбергенов, К. Новелланың жетик шебери (А.Султанов ҳаққында) / К. Алламбергенов // Әмиўдәрья. – Нөкис, 1997, № 3-4.
2. Лямзина Т.Ю. Жанр эссе: (К проблеме формирования теории). Т.Ю.Лямзина. – URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm.
3. Перевозов Д.Н. Эссеизация текстов как выражение персонального журнализма в современной российской публицистике: автореф. Дис... канд.филол. наук/ Д.Н. Перевозов. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 87.

**ПРОБЛЕМА ЖАНРА «ЗАПИСОК О КОШАЧЬЕМ ГОРОДЕ»
ЛАО ШЭ В КОНТЕКСТЕ АНТИУТОПИИ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»**

Лазуткина О.А., канд. филол. наук

СОФ НИУ «Белгородский государственный университет», г. Белгород, РФ
oalazutkina@mail.ru

Введение. Современные культурные взаимоотношения Китая и России имеют восходящий вектор, актуальны для двух стран, названы Л.М. Титаренко «гуманитарными», так как охватывают многие сферы общественных отношений народов. «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ (ироничный псевдоним китайского прозаика Шу Шэюй), созданные в 1932 году, имеют значение предупреждения правителям развивающихся государств: изображенная социальная история Китая представлена в формате будущего, поэтому «Записки...» могут быть прочитаны в границах жанра антиутопии.

Цель исследования – установить литературные, в частности, жанрологические связи в творчестве китайского и русского писателей – Лао Шэ и Е. Замятина – на примере произведений «Записки о Кошачьем городе» (1932) и «Мы» (1920); доказать, что отсутствие прямых футурологических экстраполяций в произведении Лао Шэ, в отличие от замятинской антиутопии, не умаляют его принадлежности к литературе о предполагаемом будущем.

Основная часть. Рассматривается генезис жанра антиутопии, выделяются его основные черты.

Вслед за Б. Ланиным базовые признаки антиутопии формулируются в соотношении с утопией. «Антиутопия смотрится в утопию с горькой насмешкой» [2] (статья «Анатомия литературной антиутопии»).

С точки зрения постановки проблемы антиутопии, ее методов и приемов, следует выделить жанрообразующие и стилеобразующие признаки:

- спор с утопией: доведение ее постулатов до абсурда;
- выделение структурного стержня антиутопии – псевдокарнавала, который актуализирует не смех, а абсолютный страх (театрализация действия);
- возникновение конфликта на этапе личностного «подъема»: момент отказа от своей роли в ритуале в пользу индивидуалистического пути;
- «матрешечное» построение повествования: повествование становится рассказом о другом тексте;
- аллегоризм;
- ведение в текст квазиноминации – переименования, имеющие различные цели;

- главный герой – «типичный» представитель современного антиутопического поколения;

- специфичность хронотопа – узкая локализация.

Анализируются «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ в жанрологических границах и в контексте романа Е. Замятина «Мы» как признанного классикой антиутопического жанра (А. Ахметова, А. Воронский, Э. Геворкян, В. Недзвецкий и др.).

Жанр антиутопии, по мнению А.Ю. Смирнова, хоть и возник в начале XX века, но произошло это не спонтанно, «а явилось следствием «кристаллизации» идей, существовавших в течение столетий» [4]. Противоречия, возникающие в политическом и общественном устройстве многих стран, легли в основу антиутопических текстов.

Несмотря на то, что в романе китайского прозаика проглядывает история его страны тридцатых годов XX столетия, действие происходит на далекой от Земли планете – Марсе. События у Е. Замятина разворачиваются в Едином государстве, обществе будущего прогресса, которое готовится покинуть землю в угоду движущемуся Интегралу.

Общие жанровые черты в произведении «Мы» Замятина и «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ:

- «идеальный» (утопический) мир, изображенный в двух произведениях, как будто вывернут наизнанку: Р.Ю. Бунакова в отношении «Записок...» указывает на «оборачиваемость окружающего мира, проявления в нем обратной стороны действительности» [1], что возможно благодаря темной «природности» Марса. Е. Замятин создает мир, где решены все людские материальные запросы, где математически запрограммировано счастье, однако, свобода, человеческая индивидуальность упразднены.

- псевдокарнавал в действиях персонажей обнаруживает мотив преследования со стороны власти (Е. Замятин) и иностранцев (Лао Шэ), который в итоге порождает бунт, протест. Псевдокарнавал поддерживается мотивом избрания «шутовского короля» - императора в Кошачьем государстве, Благодетеля – в замятинском обществе всеобщего счастья;

- форма подачи материала: «записки», записи мыслей героя об общественном устройстве. Здесь проявляется мотив возвышения творческой личности над безликой массой (человек над людьми-кошками у Лао Шэ; Д-503, который обнаруживает в себе способность чувствовать над остальными «нумерами» у Е. Замятина);

- пространство локализовано: Лао Шэ помещает героев на отдельную планету, к тому же усиливает замкнутость закрытостью фантастического Кошачьего города. Е. Замятин «помещает» жителей Единого государства за Зеленую стену. Мотив механистичного происхождения интегрального общества, по заключению Е.Б. Скороспеловой, «перекликается с образом Зеленой Стены, усиливается им» [3].

Выбранный Лао Шэ образ людей-кошек не противоречит жанровой специфике антиутопии. Б. Ланин называл аллегоризм как одну из особенностей обозначенного жанра. В существах с кошачьими головами прочитываются человеческие образы: поведение, система отношений и т.д.

Заключение. Жанровую специфику «Записок о Кошачьем городе» Лао Шэ в контексте замятинского «Мы» и теории антиутопического жанра, можно рассматривать под углом антиутопии. Несмотря на то, что произведения имеют разный пафос – созидательный (построение государства, где каждый будет счастливым у Е. Замятина) и разрушительный (уничтожение нации с многовековой культурой у Лао Шэ), формат жанрового анализа позволяет говорить о точках соприкосновения.

Список литературы

1. Бунакова Р.Ю. Образ кошки в китайской литературной традиции (на материале Лао Шэ «Записки о кошачьем городе») [Текст] / Р.Ю. Бунакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5(23). – С. 33-38.
2. Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии [Текст] / Б.А. Ланин // Общественные науки и современность. – 1993. - №5. – С. 154-163.
3. Скорospelова Е.Б. Возвращение [Текст] Е.Б. Скорospelова / Замятин Е.И. // Избранные произведения. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 3-14.
4. Смирнов А.Ю. Литературная антиутопия: проблема генезиса [Текст] / А.Ю. Смирнов // Весник БДУ. Литературоведение. – 2009. – Сер.4. - №1. – С. 39-43.
5. Титаренко Л.М. Китай и Россия в современном мире / М.Л. Титаренко. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 88 с.

УДК 821.111

СООТНОШЕНИЕ ФАКТА И ВЫМЫСЛА В РОМАНЕ «ШУМ ВРЕМЕНИ» ДЖ. БАРНСА

Мясникова М.В.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
myasmasha@yandex.ru

Британский писатель-постмодернист, букеровский лауреат Джулиан Барнс не единожды обращался в своем творчестве к биографическому жанру в различных его модификациях в таких романах, как «Попугай Флобера» (“Flaubert’s Parrot”, 1984), «Артур и Джордж» (“Arthur & George”, 2004), а также предпоследнем романе «Шум времени» (“The Noise of Time”, 2016).

Целью настоящего исследования является анализ особенностей преобразования фактического материала документальных биографических

источников в романе «Шум времени», их роли в формировании повествования.

В качестве таких источников для своего романа Дж. Барнс называет две книги: «“Свидетельство” воспоминания Шостаковича, записанные и отредактированные С. Волковым» (“Testimony: The Memoirs of Shostakovich as Related to Solomon Volkov”, 1979), и «Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками» (“Shostakovich: A Life Remembered”) Э. Уилсон [Barnes: 184].

Анализ текста романа в сопоставлении с документальными источниками позволил выявить принципиально важную роль категории памяти в организации повествования романа: основное содержание произведения представлено в виде воспоминаний Шостаковича, представляющих эпизоды его прошлого.

Сюжетно-событийная канва жизни композитора никак не изменена, однако смысловые акценты внутри события оказываются смещены согласно логике повествования и исходя из личностных особенностей (характера, эмоционального состояния в момент «вспоминания» и т. п.) главного героя, а сам текст документальных источников реализуется в форме потока сознания и несобственно-прямой речи героя. Порой исходный материал, пройдя такую, на первый взгляд незначительную, трансформацию, коренным образом меняется в своем смысловом наполнении. Так, Барнс «прокладывает дорогу от факта к его значению» [Гинзбург: 11], выстраивая из документального материала художественную систему романа.

Наряду с фактическими/документальными сведениями писатель использует и некоторые культурные мифы, связанные с фигурой композитора, а также включает в текст романа вымышленные эпизоды, что способствует более глубокому отражению как духа эпохи, так и надломленного внутреннего состояния композитора.

Задача Барнса, таким образом, видится отнюдь не в том, чтобы сообщить читателю какие-либо новые факты биографии Шостаковича, еще раз упорядочить имеющиеся или же опровергнуть их. Строго говоря, факт, как событие биографии, которое действительно или не-действительно свершилось (было), теряет ту принципиальную важность, какую он имел в традиционных жизнеописаниях, что не раз подчеркивается в тексте посредством изложения сразу нескольких вариантов одного и того же события. Действительно важной для «Шума времени» становится попытка проникновения посредством внешнего факта во внутренний мир композитора, понимания мотивации его действий, эволюции душевного состояния под многолетним давлением со стороны аппарата власти.

Таким образом, герой романа мыслится, согласно определению В. Тюпы, «субъектом самоопределения» [Тюпа: 14], а повествовательная установка жизнеописания ориентирована на вникание в смысл жизни

композитора, что реализуется посредством «имитации» живой памяти героя, «исповедальной» интенцией текста, превращением факта «официальной» биографии в факт личной памяти Шостаковича.

Список литературы

1. Барнс Дж. Шум времени: роман; пер. с англ. Е. Петровой. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. – 288 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе. Изд 2-е. – Л., «Худож. лит.», 1976. – 448 с.
3. “Свидетельство” воспоминания Шостаковича, записанные и отредактированные С. Волковым. Обратный пер. с англ. [Электронный ресурс] Системные требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf>. (дата обращения: 20.09.19)
4. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса (“Архиерей” А.П. Чехова). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.
5. Уилсон Э. Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками. СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2006. – 536 с.
6. Barnes J. The noise of time. – London: Penguin Random House. 2016. – 184 p.

УДК 821.124

МИР ЗВЕРЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Ненарокова М.Р., д-р филол. наук

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», г. Москва, РФ
maria.nenarokova@yandex.ru

Средневековому человеку мир представлялся «словно бы книгой, написанной перстом Божиим» [2, v.176, col.814B], а словами и «образами» [2, v.176, col.814B] в этой удивительной книге становились «отдельные творения» [2, v.176, col.814B], «созданные Божественной волей, чтобы открывать премудрость Божию о невидимом» [2, v.176, col.814B]. Привычные события, знакомые предметы, детали пейзажа, окружающий мир становились элементами аллегорических картин, передавая зрителю скрытые послания. Аллегория понималась как «троп, которым обозначается иное, чем говорится» [2, v.90, col.183D], иногда она «возникает при помощи действий, а иногда только при помощи речений» [2, v.90, col.183D]. За привычными словами или образами «скрываются божественные суждения, и когда мы опознаем внешние слова, мы постигаем внутренний смысл» [2, V.79, col.473A-473B]. Аллегорические образы можно сравнить с многозначными словами: в отдельно взятом контексте реализуется лишь одно значение образа, но самих значений может быть несколько.

Аллегоричность была свойственна средневековой литературе, в том числе и произведениям средневековой латинской гимнографии. Яркие, запоминающиеся образы должны были помогать слушателям, часто неграмотным, усваивать догматы христианской веры. Источником этих образов нередко был окружающий мир. Так, в церковных песнопениях встречаем образы различных животных.

Зверей, которых находим в гимнах и секвенциях, можно разделить на четыре группы: домашние животные, хорошо известные слушателям по опыту, всегда обладающие положительными качествами; дикие животные, известные слушателям по опыту или из книг, в зависимости от ситуации выступающие в роли врагов или помощников людей; дикие животные, всегда являющиеся отрицательными персонажами; фантастические и редкие животные.

К первой группе относится в первую очередь овца, причем в гимнографических сочинениях находим и собственно «овцу» (ovis), и «барана», или «овна» (aries), и «ягненок», или «агнца» (agnus). Из средневековой сельскохозяйственной практики в гимнографию пришел образ Овна, самого опытного барана, идущего впереди стада. Этот образ встречается в секвенции, которую могли спеть любому исповеднику, если ему не было написано отдельное песнопение: «Овен непобедимый/ вынес нападение мира/ в единоличном бою. Рогами привел в смятение/ волков, которых обратил в бегство/ от вверенной овчарни» [1, v. 40, p. 334]. Гораздо более многозначен образ ягненка, или агнца. Чаще всего Агнец символизирует Христа, например, «Плачет Иоанн, рыдает Мать,/ Агнец Божий умирает» [1, v. 2, p. 140]. Однако и те, кто является верными последователями Христа, также могут называться «агнцами». В гимне «О св. Варваре» говорится: «Поскольку ты, кротка, как агница,/ Посади нас на престол Царя» [1, v. 4, p. 99]; св. епископ Людовик «более кроток, чем агнец» [1, v. 11, p. 183]. С другой стороны, в некоторых эпизодах песнопений можно встретить слово «ягненок» в прямом его смысле: в гимне на праздник Тела Христова пели: «Ни ягненок, ни теленок/ Ты не предлагаешь нам в пищу» [1, v. 4, p. 28]. Наиболее частотен в гимнографических произведениях образ овцы, символизирующей христианскую душу, которую пастырь спасает и хранит от хищных волков. В некоторых гимнах легко узнается аллюзия на Евангелие от Луки (15:4-6): например, «Тот, Кто, ведомый в час третий/ На Жертву Страдания,/ Претерпевая распятие на Кресте,/ Привел назад потерянную овцу» [1, v. 2, p. 43]; «Благой Пастырь потерянную/ Овцу исцелить пришел» [1, v. 14, p. 71]. Св. ап. Петр называется «хранителем овец» [1, v. 2, p. 53] и «пастырем овец» [1, v. 2, p. 100]. Св. ап. Иоанн Богослов аллегорически изображается как «овца»: «Как только овца услышала/ Голос пастыря,/ Разорвав пути мира,/ Попрала их стопой/ И пошла за Христом» [1, v. 4, p. 161]. Однако в песнопениях встречаются и овцы в буквальном смысле этого слова: «Маргарита, как рассказывают,/ Овец пасла, смиренная» [1, v. 16, p. 211].

Ко второй группе можно отнести льва, животное, которое большинство средневековых европейцев знало из Библии, житийной литературы, естественнонаучных сочинений. В зависимости от контекста лев в богословских, в том числе и в гимнографических произведениях, мог символизировать прямо противоположные идеи. Аллюзией на известную цитату из Первого Послания св.ап.Петра «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (I Пет 5:8) оказывается отрывок из гимна «Об Ангеле Хранителе. На Вечерне»: «Нам дается Богом/ Предстоятель святой ангел,/ Чтобы был повержен жестокий лев/ И был спасен народ...» [1, v.16, p.74]. И особенности львиной природы, и цитата из послания св.ап.Петра делают это животное символом жестокости, безудержной ярости и злобы: «...Цезарь яростно восклицает, как/ Голос льва рыкающего» [1, v.2, p.130]. С другой стороны, лев является одним из символов Христа. В песнопении «На праздник Пасхи. На Ноктурнах» лев означает Воскресшего Христа: «Воскрес Лев сильный,/ Который опустошил тартар» [1, v.4, p.25]. Находим слово «Лев» и в перечнях Имен Божиих, например: «Агнец и Лев, Кроткий и Внушающий ужас,/ Орел, Червь, высоко парящий и смиренный» [1, v.19, p.14]. Последователей Христа, например, св.ап.Иакова Старшего, называют «львятами»: «Избранный этот апостол/ Достойный и любезный,/ Как детеныш льва,/ Победил в битве» [1, v.16, p.157], а св.Иво удостоился такого же определения, как и Сам Господь: «Иво, сильный, словно лев» [1, v.11, p.164]. Львы в буквальном смысле этого слова могут выступать в песнопениях как враги святых, поскольку одним из видов казни христиан была травля дикими зверями («огни мира или львы» [1, v.19, p.90]), либо как их помощники. Львы служат египетским отшельникам и даже помогают рыть могилу усопшему праведнику: св.Антоний Великий «тело Павла с плачем/ Погребают, не имея кирки,/ С помощью посланных Тобой львов,/ Иисусе Спаситель века [сего]» [1, v.4, p.89].

Наиболее известным животным третьей группы, становится дракон. Если среди качеств змей, которые наиболее часто отмечают гимнографы (например, коварство, ядовитость, стремление обмануть и укусить), все же есть и положительная черта – мудрость, то у дракона, которого иногда называют змеем, никаких положительных качеств нет: «ужасный враг дракон» [1, v.4, p.70], «свирепствующий дракон» [1, v.11, p.131], «дракон, которого не могут победить/ ни лев, ни человек» [1, v.12, p.183], «наихудший дракон» [1, v.2, p.84]. Дракон символизирует диавола и потому всегда враждебен человеку, однако не может противостоять святым: св.Маргариту, например, «пожирает наихудший дракон» [1, v.4, p.195], но она побеждает его крестным знаменем. Широко известно житие св.Георгия, который «спас царскую дочь/ От пасти дракона» [1, v.19, p.145]. Этот эпизод упоминается во всех песнопениях, прославляющих

святого. Св.Виктория приказала дракону покинуть местность, которую тот опустошал: «Устрашенный ее голосом,/ Боясь смертной гибели,/ Дракон быстро убежал оттуда,/ И позже его никогда там не видели» [1, v.43, p. 304].

К четвертой группе животных относятся «тюлени» [1, v. 4, p. 242]. Неизвестно, каким именно тюленям бросили на съедение св.первомученицу Феклу, однако существует разновидность этих животных, способная нападать на людей и убивать их.

Список литературы

1. Analecta hymnica medii aevi / Clemens Blume, Guido Maria Dreves. Frankfurt am Main: Minerva, 1961 (repr.). – 55 vols.
2. Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus. Chadwick-Healy, 1993-1995. – On CD.

УДК 821.111

СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ РОМАНА ДЖ.М. КУТЗЕЕ «В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ»

Никола М.И., д-р филол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва
mi.nikola@mpgu.su

Роман «В ожидании варваров» принадлежит перу нобелевского лауреата 2003 года, южноафриканского писателя Дж.М. Кутзее. Его творчество относится к направлению так называемой постколониальной литературы рубежа XX–XXI веков, для которой тема цивилизации и варварства остается актуальной. Заглавие романа обоснованно вызывает аллюзию на известное стихотворение греческого поэта начала XX века Константиноса Кавафиса с одноименным названием. В стихотворении «В ожидании варваров», написанном в форме диалога», Кавафис создает образ позднеантичного государства, чье развитие остановилось, зашло в тупик, и приход варваров становится для жителей надеждой хоть на какой-то выход. Но варвары не прибыли, и финальные строки стихотворения рисуют полную растерянность жителей:

Как жить теперь? Какой придумать выход?
На варваров - одна была надежда! [1, С. 51-51]
пер. И. Жданова

Роман Дж. М. Кутзее обладает притчевой жанровой природой. Представленное в нем государство лишено узнаваемых исторических черт,

географической определенности. Но это государство, претендующее на статус государства цивилизованного. Оно господствует на представленной в романе территории, удерживая окружающие племена варваров в подчинении и находя такой порядок естественным и оправданным. Случилось так, что на несколько десятилетий затянулось время затишья, и взаимных столкновений между обеими сторонами не было. Однако основное действие романа представляет изображение очередной превентивной акции насилия, предпринятой правительством метрополии с целью напомнить, кто на этой территории хозяин, и тем самым утратить варваров.

Автор показывает, как за годы затишья, предшествующие этому военному походу, инициированному метрополией, произошли определенные сдвиги: мирные жители приграничного городка, в котором разворачивается действие, вступили в контакт с варварами, проявился взаимный интерес, было пережито осознание взаимной пользы. Варварские по сути действия экспедиционного корпуса, присланного из столицы, взорвали хрупкий мир, возродили раздор и ненависть. Развенчание мнимой цивилизованности метрополии – главная тема романа.

Вместе с тем примечателен выбор героя-повествователя в романе. Он – судья, официальный слуга империи, но человек, которого минувшие десятилетия заставили задуматься о законности действий правительства и решиться на противостояние, на бунт. Примечательно, что своего героя автор награждает историческим мышлением. Судья увлекается историей и археологией. Близ городских стен он по своей инициативе ведет раскопки и находит таинственные таблички с письменами, предполагая, что это могут быть священные письмена аборигенов. находка вызывает у него новый импульс интереса к обитающим по соседству племенам. У героя пропадает чувство значимости собственных исторических записок. Интуитивно он проникается мыслью о культурной ценности найденных табличек, хотя и не может их прочитать. Но он верит, что это – дело будущего: «Когда однажды здесь появятся люди и начнут копать в руинах, древности, которые они отыщут в пустыне, заинтересуют их гораздо больше, чем любое оставленное мною послание» [2, С. 245].

Наблюдая крайние формы жестокости со стороны экспедиционных войск, судья не только отказывается выполнять карательные функции, обрекая себя на унижительные наказания, но и стремится помочь варварам. Изувеченной девушке из варварского племени судья дает приют в своем доме, помогает ей вернуться к своему племени. Важнейшая часть романа – изображение его попытки наладить с девушкой диалог и взаимопонимание. Автор не упрощает этот процесс. Вызвать в варварской душе после всего пережитого доверие и благодарность – дело почти несбыточное. Стена непонимания и молчания остается. Героиня, как и найденные прежде таблички, остается для судьи недоступной, но

притяжение к этой варварской душе в нем сохраняется. Главное же будет состоять в том, что близкое сожительство этих двоих позволит герою открыть духовное богатство, силу варварской души, достоинства, решительно превосходящие нравственное состояние жителей метрополии, о чем герой неоднократно размышляет.

Не случайно военная экспедиция карательного отряда в итоге потерпит полное поражение. Поход экспедиционных войск принимает характер жалкого беспорядочного бегства. За ними с остатками скарба устремляются многие жители города. Оставшиеся, открыв городские ворота, остаются «в ожидании варваров...». Если большинство из оставшихся ждет прихода варваров со смутным страхом, то главный герой – с надеждой на новое течение жизни: «Кто знает, - говорю я, может быть, когда прискачут варвары, среди них будет и она. – Рисую себе эту картину: во главе отряда всадников она въезжает в открытые ворота, сидит в седле прямо, глаза сверкают; их предтеча, их проводник, она показывает своим товарищам, как куда проехать в этом чужом городе, где она некогда жила. – Уж тогда-то все будет по-другому» [2, С. 241].

Финал романа – открытый, варвары все еще не прибыли. Примечателен, однако, символический смысл последнего сна, который видит герой. В нем представлен «акт творения»: дети лепят из снега новое существо: «Посреди площади играют дети: они мастерят снеговика. Осторожно, боясь их напугать, но при этом охваченный неизъяснимой радостью, бреду к ним через снег. Они ничуть не пугаются, они так увлечены, что даже не глядят в мою сторону. Они уже соорудили большое круглое туловище и сейчас катают из снега шар для головы.

— Ну-ка найдите что-нибудь для глаз, носа и рта, — распоряжается командующий ими мальчик. Снеговика нужны и руки, думаю я, но вмешиваться не хочу. Дети ставят голову на туловище и втыкают камешки туда, где должны быть глаза, уши, нос и рот. Сверху один из мальчишек водружает свою шапку. Что ж, совсем неплохой снеговик». [2, С. 270-271].

С образами детей как участников творения всегда связана надежда на будущее, на естественное обновление жизни, и, таким образом, упомянутый эпизод сна вносит известную обнадеживающую ноту в финал романа.

Список литературы

1. Кавафис, К. Полное собрание стихотворений [Текст] / Пер. с греч / К. Кавафис. – М.: ОГИ, 2011. – 504 с. – ISBN 978-5-94282-530-0.
2. Кутзее, Дж. М. В ожидании варваров [Текст] / Пер. с англ / Дж.М. Кутзее. – Спб.: Амфора, 2004. - 256 с. – ISBN 5-94278-669-0.

МЕДЕЯ КАК ВЕЧНЫЙ ОБРАЗ

Никулина И.Н., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
nikulainna@gmail.com

Образ Медеи в мировой культуре весьма востребован, что обусловлено его двойственной природой. В разные века Медея предстает в литературных, живописных, кинематографических интерпретациях. Принято считать, что Медея – это символ детоубийцы и предательства, воплощение зла и неоправданной жестокости, но трактовки образа разнятся.

Цель работы – проследить трансформации восприятия образа Медеи в разных жанрах и в разные культурные периоды.

Известно, что история Медеи – одна из составных частей мифа о путешествии аргонавтов. Однако следует отметить, что существуют и более поздние литературные памятники, в которых упоминается Медея и перипетии ее судьбы – «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Теогония» Гесиода. Первая обширная литературная обработка этого мифа, дошедшая до наших дней, содержится в IV Пифийской оде Пиндара [6]. Еврипид (V в. до н. э.) предлагает свое прочтение и понимание сюжета. Его трагедия «Медея» была поставлена в 431 г. до н. э. на Великих Дионисиях. Он несколько меняет финал: в древних изложениях Медея уходит из Коринфа, а детей оставляет в храме богини Геры. Коринфяне убивают их и берут на себя эту вину, принося впоследствии в искупление греха жертвоприношения Гере, поскольку нарушили запрет на проникновение в храм и осквернили его [6]. Еврипид же обрекает Медею на судьбу детоубийцы [3]. Жан Ануй, французский драматург XX в., также представляет Медею детоубийцей. Он сравнивает ее с ястребком, орлицей и волчицей, что позволяет постичь ее сложную душу. Медея, до глубины души потрясенная предательством и изменой Ясона отождествляет ненависть с животворной волной, которая омывает ее, и она рождается вновь. Следуя за неверным Ясоном, героиня призывает на помощь кровь и преступление, чтобы расстаться с ним. Жан Ануй устами Медеи раскрывает новый смысл истории. Боги любят, но одновременно ненавидят. Они играют судьбами людей. Как все, Медея была ребенком и хотела «так же сильно, как в сказках, как в детстве, чтобы в мире царствовали свет и добро», но невинной Медее суждено было превратиться в добычу, в арену борьбы. Она была «слишком заманчивой добычей, не каждый день богам попадается такая находка – душа, достаточно сильная, чтобы стать вместилищем их схваток, их гнусных

игр!» [1, эк. 24]. Тонкие переживания Медеи не понятны Ясону, он яростно бросает ей в лицо, (а может все-таки самому себе, поскольку он боится ее и знает, что она права), что «никогда не будет на земле Медей. Ни одна мать не назовет свою дочь твоим именем. Ты останешься единственной Медеей отныне и до скончания веков» [1, эк. 15]. Медея убивает сыновей и погибает вместе с ними в огне, а Ясон размышляет над тем, что «<...> нужно без всяких иллюзий строить мир, в котором надо ждать смерти» [1, эк. 25]. Но трагедия Медеи проходит мимо обывателей: после всех страстей, пронесшихся над Коринфом, два вполне довольных жизнью человека спокойно и обыденно рассуждают о том, что «хлеба хватит на целый год» [1, эк. 25]. Криста Вольф в романе «Медея: Голоса» (1996) производит демифологизацию сюжета. Каждая глава открывает новые знания о произошедшем: о ненужности проделанного похода за золотым руном, которое валяется на алтаре Зевса и ветшает, о напрасной жертвенной любви, о неразделенных чувствах, о низменных желаниях людей, о предательстве в разных его проявлениях. В романе все обвинения в адрес Медеи лживы, придуманы лишь как предлог для ее изгнания из Коринфа. Известно, что люди способны поверить в любую ложь, «ежели она отвечает их тайному желанию в эту ложь поверить» [2, с. 20]. Медея знает обо всех интригах, но при этом она не оправдывается, поскольку так уже запланировано и роли все расписаны. «Не нужно было бежать из Колхиды, там мне пришлось бы выбирать меньшее из двух зол. Теперь мне пришлось выбирать из двух преступлений», – говорит Медея [2, с. 31]. Ее изгоняют из Коринфа. Она идет по городу и задыхается от удушливого страха, исходящего от обезумевших коринфян. Ее велено изгнать живой, они бросают ее в грязь, но Медея поднимается, скидывает руки и провозглашает, что Коринф погибнет. И все разбегаются по домам, оставаясь каждый наедине со своим ужасом. В романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» (2004) нельзя найти полного соответствия с историей античной Медеи. Нет обвинений в ее адрес, она – наблюдатель. На ее глазах прорисовываются линии судеб людей и страны. Но во всем облике угадывается прежняя Медея – умная и мудрая, стойкая и загадочная. Медея Мендес, урожденная Синопли, высокая, тонкая с рыжими волосами, у неё карие сухие глаза [5]. В романе С. Рушди «Земля под ее ногами» (2008) миф о Медее реализуется на сюжетном и тематическом уровнях. Здесь актуализируются темы взаимодействия двух культур, искусства и любви. Образ Антуанетт Коринф [4, с. 175], этой Медеи новейшей эпохи, трактуется Рушди как трагедия современного общества с его неумением любить, заменой истинной любви суррогатом, псевдочувством. В 1969 г. Паоло Пазолини создает фильм «Медея», где греческий типаж Марии Калласс созвучен трагедии Еврипида: удлиненный овал лица, черные глаза, матовые черные волосы. Не осуждая героиню, Пазолини изображает обычаи варварской Колхиды, показывает отношение Ясона к Медее, в

котором сложно уловить любовное чувство, зато тщательно обыгрывается его предательство. Медея выбирает огонь как средство очищения от скверны и яд как средство мести. Распространен образ Медеи и в живописи. Эвелин де Морган (Evelyn de Morgan), английская художница рубежа XIX–XX вв., изображает Медею как девушку редкой красоты. Она идет по дворцу, в руках у нее сосуд с зельем, которое сделает Ясона неуязвимым. Холодный мрамор, поглощающий тепло тела, холодный жемчуг в волосах, холодный оттенок красного в одеждах, строгие линии складок, отстраненное выражение лица. Медея влюбилась в чужестранца и решила, что поможет ему победить дракона и похитить золотое руно. Антонио Фредерик Огастас Сэндс (Antonio Frederic Augustus Sands) английский художник этого же периода, знакомит нас с другой Медеей (1866–1868). Красивая женщина в смятении, словно предчувствуя беду, перебирает на груди коралловые бусы. Взор затуманен, она готовит снадобье, чтобы помочь Ясону. На заднем плане картины просматриваются очертания корабля (вероятно, «Арго»). Анри Клагманн (Henri Klagmann, XIX в., Франция) в картине «Медея с детьми» уже изображает печальный финал этой любовной истории. Мрачная галерея, на полу играют сыновья Ясона и Медеи, которая несчастна и как мать, и как женщина, жестоко обманутая мужем. Темные краски, затемненное горем лицо и тяжёлый взгляд в пустоту, в руке зажат кинжал: она смотрит на детей и не видит их, близится кровавая и жестокая месть. Эжен Делакруа (Eugene Delacroix, XIX в., Франция) трактует сцену предстоящего убийства в романтическом духе. Обнаженные фигуры Медеи и ее детей находятся в центре композиции и словно составляют светотеневую пирамиду, в то время как остальные части грота скрыты тьмой. Отчаявшаяся полубезумная Медея (а мрак пещеры соотносим с душевным помрачением) уже готова исполнить свой кровавый замысел, но боится, что ее намерения откроются. Разноплановые трактовки образа Медеи, столкнувшейся с предательством, делают его поистине вечным.

Список литературы

1. Ануй, Ж. Медея: Драма [Текст] / Ж. Ануй. – <https://royallib.com>.
2. Вольф, К. Медея: Голоса: Роман [Текст] / К. Вольф. – <https://readli.net/chitat-online/?b=49564&pg=7>.
3. Еврипид. Медея: Трагедия [Текст] / Еврипид. - <https://librebook.me/medea/vol1/1>.
4. Королева, О.А. Интерпретация мифа о Медее в романе С. Рушди «Земля под ее ногами» [Текст] / О.А. Королева // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. – с. 175-181.
5. Улицкая, Л. Медея и ее дети: Роман [Текст] / Л. Улицкая. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – 256 с.
6. Ярхо, В.Н. Трагедия Еврипида «Медея»: Примечания [Текст] / В.Н. Ярхо. – <https://librebook.me/medea/vol1/1>.

ПОНЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ У ЖОРЖ САНД

Попова А.В., канд. филол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
avp70@inbox.ru

Введение. Проблема мимесиса приобретает особую актуальность во Франции в середине XIX века, когда совершается переход от романтической эстетики к реалистической. Призыв к отображению «правды жизни» в искусстве, звучавший в программных текстах Ж. Шанфлэри и Л.Э. Дюранти, вызывает дискуссии в литературной среде и находит полемический отклик в творчестве Жорж Санд. Итогом ее размышлений становится статья «Реализм» в газете «Курье де Пари» от 8 июля 1857, которой предшествовала многолетняя, 1853-го по 1860-й гг., переписка с Шанфлэри. Отголоски этих споров слышны и в предисловиях, написанных Жорж Санд к текстам 9-ти томного иллюстрированного собрания ее сочинений (1851–1856). В этих кратких предуведомлениях (notice) автор неизменно затрагивает тему природы творчества, а также соотношения в произведении искусства личного опыта творца и художественного вымысла. Особенно настойчиво писательница отрицает любые параллели между героями своих произведений и реальными людьми, подчеркивая случайность всех совпадений. Дважды она упоминает о встрече автора с человеком, узнавшим себя в герое романа и возмущенным обнаруженными «неточностями». Сначала в первой главе романа «Пиччинино», а затем в кратком предисловии к новому изданию романа «Грех господина Антуана», написанном в 1853-м году, где вновь возвращается к упомянутому эпизоду.

Цель. Настойчивость, с которой Жорж Санд упорно обращается к категориям правды (le vrai) и реальности (le réel), реального (réel), как раз, когда Курбе создает свои реалистические полотна и устраивает выставку в «Павильоне реализма», а группа Шанфлэри пропагандирует реалистическое искусство на страницах газет, свидетельствует о важности этой проблемы для писательницы. Анализ ее взглядов на соотношение правды и вымысла в художественном тексте позволяет прояснить особенности ее собственной творческой манеры.

Основная часть. В отличие от Шанфлэри, для которого главное достоинство картин Курбе заключается в простоте их замысла и воплощения, в том, что прототипы изображенных на них персонажей узнают себя в художественных образах и даже лично подтверждают их полное соответствие оригиналу, Жорж Санд считает такое сближение проявлением неискренности наивных читателей (les lecteurs naïfs), не имеющих представления о природе художественного образа. Она

решительно разграничивает правду жизни и правду искусства, подчеркивая определяющую роль фантазии в создании художественного текста. Категории фантазии (*la fantaisie*), вымысла (*la fiction*), (*l'invention*) и воображения (*l'imagination*) противопоставлены в предисловиях правде и реальности. Не отрицая взаимосвязи искусства с действительностью, писательница настаивает на преобразующем характере творческого воображения. И если Шанфлери в статье «Авантюрист Шаль», сравнивая дагерротип с картиной, говорит о работе художника, как об интерпретации реальности [3, p. 91-96], то Жорж Санд в предисловиях к романам «Франсуа-найденыш» и «Замок в пустыне», называет процесс творения превращением (*la transformation*). Она описывает его как преобразование в художественные образы смутных видений, возникающих в сознании творца при соприкосновении с реальными объектами. В романе «Жан де ла Рош», предостерегая читателей от чрезмерного интереса к технической стороне творчества, Жорж Санд призывает видеть в искусстве не набор приемов, а воплощение замысла творца. Обращение к живописи, в качестве наглядного примера, утверждение права художник, не погрешив против правды жизни, изображать прекрасное и возвышенное, вновь отсылает к полемике с адептами реалистической эстетики, отстаиваемой Курбе и Шанфлери: *«не ищите среди тех, кто вас окружает, имена или черты их моделей. Конечно, они реально существуют <...>, но изображенные настоящим художником, эти модели, великие или заурядные, ужасающие или милые, обретают новую жизнь в виде ярких обобщенных образов и бессмертных типов»* [6, p. 10].

Однако пристальный интерес к проблеме соотношения правды и вымысла продиктован не только полемикой с Шанфлери и его группой. Осенью 1847-го года, приступив к написанию собственной автобиографии, Жорж Санд также столкнулась с дихотомией правда/вымысел. Первая глава «Истории моей жизни» помимо размышлений о границах допустимой откровенности, содержит критику недобросовестных биографов, отождествлявших писательницу с героинями ее романов. перенося (*en transportant*) вымышленные ею образы в реальность [5, p. 55]. Примерно тогда же Жорж Санд начинает предисловие к роману «Замок в пустыне» фразой о том, что реальность не может существовать в произведении искусства в ее изначальном и неизменном виде: *«все реальное, будучи перенесено в плоскость вымысла, появляется там лишь на мгновение, чтобы тотчас исчезнуть, так как его трансформация совершенно неизбежна»* [7, p. 1]. Используемые в обоих случаях производные от глагола «переносить/перемещать» (*transporter*) акцентируют недопустимость механического перемещения объектов из одного мира в другой.

Писательница настаивает на принципиальной нетождественности реального лица литературному герою. Не отрицая, что, в основе всякого искусства лежат личный опыт автора или достоверно известные ему

жизненные факты, она уверена, что просто копируя действительность, нельзя создать убедительный художественный образ. Персонажи художественных произведений рождаются из наблюдения за множеством реальных людей, в сознании творца подвергаются художественной трансформации и помещаются в пространство текста, которое всегда – пространство вымысла, сколь бы правдоподобными не казались его составляющие. Более того, чтобы казаться правдоподобным, вымысел должен быть как можно более далек от реальности. Эту мысль в двух зеркальных формулировках Жорж Санд высказывает в предисловии к роману «Консуэло» («*все самое невероятное, что есть в моей книге, это как раз то, что произошло в реальной жизни*» [4, р. 4]) и в первой главе части третьей «Истории моей жизни», где речь идет о том же романе («*Следовательно, в произведении искусства нет ничего менее реального, чем то, что кажется наиболее правдоподобным*» [5, р. 243]). Сама Жорж Санд определяет прием, которым она пользуется для создания художественных образов, как шаржирование, проводя параллель с актерской игрой. Помимо наблюдения за множеством реальных людей и придания художественной выразительности образу, важное значение имеет также логика характера, без которой роман перестанет быть романом и станет, по мысли писательницы, таким же бесформенным, как сама жизнь.

Заключение. Обращаясь к жизненным аналогиям и оперируя такими расхожими понятиями как реальность, истина, вымысел, фантазия, воображение и даже тайна, Жорж Санд задолго до возникновения современных филологических подходов к изучению феномена творчества, интуитивно подходит к мысли о природе эстетического объекта, порождаемого реальностью, но к ней не сводимого и об эстетической деятельности как придании формы текучей материи жизни. Спустя почти столетие М.М. Бахтин назовет это венаходимостью которая позволяет авторскому сознанию «*извне объединять, оформлять и завершать событие*» [1, с. 33], а отношение автора к герою охарактеризует как «*отношение напряженной венаходимости автора всем моментам героя*» [2, с. 15].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Champfleury Le réalisme [Texte] / Jules Husson dit Fleury. – Genève: Slatkine Reprints, 1967. – 320 p.
4. Sand George Consuelo [Texte] / George Sand. – Paris: Michel Lévy, 1856. En 3 vol. – V. 1. – 353 p.
5. Sand George Histoire de ma vie [Texte] / George Sand. – Paris: Garnier- Flammarion, 2001. En 2 vol. – V. 1. – 642 p.
6. Sand George Jean de la Roche [Texte] / George Sand. – Paris: Calmann-Lévy, 1881. – 314 p.
7. Sand George Le Château des désertes [Texte] / George Sand. – Paris: Calmann-Lévy, 1877. – 166 p.

**РУССКИЙ МИР В СТИХОТВОРЕНИИ Г. БЕННА
«ST. PETERSBURG – MITTE DES JAHRHUNDERTS»**

Попова-Бондаренко И.А., канд. филол. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
bondkn@yandex.ru

Стихотворение «St. Petersburg – Mitte des Jahrhunderts» немецкого поэта-экспрессиониста Г. Бенна (1886-1956) вошло в публикацию цикла «Statische Gedichte» (1948), т. е. «статические стихотворения». Выполненные в стилистике бесстрастной номинации, они зачастую заключали в себе преобразующую энергию догадок и ассоциаций, расширяющих номинативное поле. Как образчик статического стиха «St. Petersburg – Mitte des Jahrhunderts» (1943), по мнению D. Grünbein, сочетает в себе «технику цитатного монтажа» и являет короткие сцены из жизни царской империи [2, с. 29]. Стихотворение «закольцовано» библейскими мотивами утешения ближнего, явно соотнесёнными с русским православием, что подкреплено сухим перечнем петербургских храмов и количеством православных церквей (а их 192) на фоне малочисленных культовых сооружений иных конфессий [1, с. 298]. Казалось бы, православие становится в стихотворении нравственным столпом русского мира, соединяясь с образом Сони из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «пробуждающей» к жизни Раскольникова: [1, с. 302]. Автор вводит в текст весь страстный пассаж Сони, в котором она велит Раскольникову поцеловать землю на перекрёстке и покаяться в содеянном [1, с. 305]. Вместе с тем мозаичная композиция статического стиха бесстрастно регистрирует разнородные явления русской жизни, механистически соединяя религиозный пафос жертвенности с русской варварской пышностью (сокровища Янтарной комнаты, «небесно-голубой мрамор»), светскими развлечениями (театральная жизнь) и пороками (разгульные поездки на острова). Попытка автора дать культурный срез российской империи оказывается поверхностной, несостоятельной и даже наивной в силу непонимания русской ментальности и сути исторических событий в России.

Список литературы

1. Benn G. St. Petersburg – Mitte des Jahrhunderts // Готфрид Бенн. Собрание стихотворений. Сост., предисл., примеч. и пер. с немецкого В. Топорова [Текст]. – СПб, Изд. группа «Евразия», (Ultima Thule), 1997. – 512 с.
2. Grünbein D. Elegien für einen Irrtum // Gottfried Benn. Statische Gedichte (Gedichte 1937-1947). – Klett-Cotta Verlag, 2011. – S. 7-35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klett-cotta.de/media/14/9783608939354.pdf>

ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ Р.САРДУ «БЛЕСК БОГА»

Соболева Н.В. канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва

saybl@list.ru

Предпринятое изыскание посвящено исследованию взаимодействия истории и фикциональности в романе Р.Сарду «Блеск Бога». Ромэн Сарду (р.1974 г.) – современный французский писатель, два первых романа которого («Прости грехи наши», 2002г., «Блеск Бога», 2004г.) связаны с обращением к теме средневековой истории Европы. В работе рассматривается авторское восприятие культурного феномена Средневековья в контексте исканий современного историографического романа, а также философской концепции «Нового Средневековья»; анализируются различные аспекты поэтики романа (жанровое своеобразие, категория темпоральности, система мотивов и др.).

Говоря о соотношении документального и художественного в современном романе на историческую тему, представляется важным отметить особую продуктивность этого жанра для литературного процесса второй половины XX века – начала XXI веков, когда роман стремится выйти за пределы собственно литературы, художественного высказывания и освоения реальности. Проблема исторического правдоподобия не может быть решена в художественном произведении путем точного следования факту. Степень объективности исторического анализа зависит, в первую очередь, от места и функции истории в авторской концепции романа. Таким образом, разграничение арсенала документальных и художественных элементов в тексте не может быть критерием, согласно которому этот текст следует относить к документальной или художественной сфере. В качестве альтернативы достоверности или вымысла романист предлагает читателю не более чем одну известную историю, но историю переоткрытую и преобразованную магией художественного слова. Таким образом, писатель, который берет за основу своего произведения историческую тему, далеко не всегда ставит перед собой цель рассказать читателю о чем-то до этого неизведанном, но, скорей, помочь увидеть по-новому ставшее давно известным и привычным. В этой установке современного романа на переакцентуацию истории У.Эко обнаруживает взаимосвязь современных форм мышления в искусстве с формами средневековыми (схоластические дискуссии), указывая на соблазн антиисторизма, стремление расчленить и переоценить обломки предшествующего мира, бриколаж (смещение) на грани ностальгии, надежды и отчаяния [Эко].

В этом отношении показательна актуализация «медиевальности» в современном романе на историческую тему, как следствие кризиса рационализма через репрезентации утопических форм мышления в эстетической сфере. Иррационализм, присущий Средневековью, определяет так называемый «квазифеодальный фон» [Приходько], где разворачиваются события в произведении и осуществляется утверждение новой художественной целостной реальности.

Роман Ромэна Сарду «Блеск Бога» (2004), соединяя в себе жанровые элементы фэнтези, сайнс-фикшн, исторического романа и романа философского, альтернативной истории и межпланетной хроники, иллюстрирует эту тенденцию к актуализации утопического в эстетической сфере и созданию новых гибридных форм, апеллирующих к утопии.

«Блеск Бога» – это второй роман молодого французского писателя. Ромэн Сарду, с детства увлекавшийся театром и литературой, оставляет лицей, чтобы всерьез заняться драматургией и исследовать внутреннюю механику текста драмы, несколько лет живет в Лос-Анджелесе, пишет сценарии к мультфильмам Disney, а впоследствии возвращается во Францию, где издает практически один за другим два романа на средневековую тематику: «Прости грехи наши» (2002) и «Блеск Бога» (2004).

Свободное обращение с историческим фактом, смешение нарочитой вымышленности и подчеркнутой достоверности, варьирование временных пластов в повествовании, возможно, предопределяется и биографическим контекстом творчества Сарду, изначальной интенцией автора создавать пьесы для театра, масштабные мистерии, существующие и функционирующие по законам массовой культуры, с ее ориентацией на сюжетную условность и зрелищность, затем преобразуется в стремление «конструировать роман как спектакль» (Сарду) с обилием героев, сюжетных интриг и коллизий, броскими спецэффектами, непринужденной игрой со временем и пространством, теряющим свою историчность.

Четырехчастная структура романа «Блеск Бога», перегруженная вставными компонентами, где каждая глава снабжена одним или несколькими обширными эпиграфами, напоминает принцип собирания, составления, энциклопедизации средневековых текстов (суммы, справочники и т.д.) и создает типологические параллели с принципом структуризации, к которому обращается Х.Л.Борхес в своих вымышленных энциклопедиях («Книга вымышленных существ», «Книга ада и рая» и т.д.), когда Борхес нередко намеренно трансформирует текст упоминаемых источников, дает неподтвержденные сведения, при этом имплицитно подчеркивая этой структурой контоминацию вымысла и реальности в индивидуальном авторском сознании.

Сарду в «Блеске Бога», сопоставляя подчеркнутые диахронические цитаты в эпиграфах (Лукреций – Хайдеггер – Плотин – Борхес – Гюго – Шатобриан и др.), создает ритм, постоянное движение, дрейф от

документального повествования к художественному и, соответственно, наоборот, от вымышленного к фактическому и документальному, историческому. В этом диахронизме эпиграфов эксплицитно проявляется авторская концепция симультанного времени и истории, где история мыслится единственно возможным соединением одинакового» [Сарду].

В сюжет романа оказываются вплетены элементы исторической хроники и фольклорные легенды. Так, в историю крестовых походов и паломничества на Святую землю под охраной девяти рыцарей тамплиеров (Гуго де Пейн, Годфруа де Сент-Омер и др.) вплетается исламская легенда о Соломоне, имеющем власть над джиннами. Сюжет средневековой легенды о великом архитекторе, построившем храм в правлении Соломона, в романе Сарду приобретает конкретные «исторические» черты. Жанр путешествий, в Средние века носящий по преимуществу аллегорический характер (путь к чему-то недостижимому, в поисках Бога), в романе становится способом трансляции религиозного и философского релятивизма и скепсиса. В то же время, именно паломничество позволяет реализовать в романе систему взаимоотношений человека и мира в пространственно-временном континууме, близком к фэнтези, где происходит актуализация хронотопа рыцарского романа.

В «Блеске Бога» нет характерных для типологии рыцарского романа героев. Племянник Измаля Ги, Козимо, бескорыстно желающий отыскать виновника смерти своего дядюшки, и юная Анис, паломница, пытающаяся познать загадки мира и человека, оказываются причастными к тайнам столпа Соломона, к «Блеску Бога», единственной неподвижной точке во вселенной, и преодолевают время, подобно фантастическим героям в современных космических эпопеях, становясь частью бесконечно повторяющегося сюжета.

Подводя итог, следует отметить, что в романе Р.Сарду «Блеск Бога» обнаруживается дихотомическая взаимосвязь исторической достоверности и подчеркнутой вымышленности, как воплощения исторического нарратива нового типа с его тяготением к построению смысловой и структурной целостности и проявлением жанровой чувствительности к формам эстетической утопии.

Список литературы

1. Эко У. Средние века уже начались; пер. с ит. Е.Балаховской. [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/eko-u/srednie-veka-uzhe-nachalis> (дата обращения: 18.09.19)
2. Приходько А.М. Жанр "фэнтези" в литературе Великобритании: проблема утопического мышления: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. – МПГУ, Москва, 2001. – 199 с.
3. Сарду Р. Блеск Бога: роман; пер. с фр. О. Артюшкиной. [Электронный ресурс] URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1009956/18/Sardu_-_Blesk_Boga.html (дата обращения: 18.09.19)

ТАНЕЦ КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «СТЕПНОЙ ВОЛК»

Солонович А.О.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
oda_love@mail.ru

Идеи Ф. Ницше о гармонии между дионисийским и аполлинийским началом в танце, о новом человеке [4] отразились в романе Г.Гессе (Hermann Hesse, 1877–1962) «Степной волк» ("Der Steppenwolf", 1927) [2]. Гарри Галлер производит впечатление замкнутого, одинокого, сверхрационального и логичного человека, отрицающего эмоциональные порывы. Рассказчик относится с долей симпатии к герою, который не может реализовать себя в мире подавляемой воли. Персонаж двойственен, он тоскует по культуре для избранных, но и ценит бюргерский уклад [3]. Герой не может взаимодействовать с мещанами, окружающие интеллектуалы разочаровывают его. Именно для такого героя танец становится механизмом перерождения.

Главный герой пребывает в угнетенном состоянии, раздумывает о самоубийстве. Однако знакомство с эксцентричной Герминой, «продающей свою любовь за деньги, с одной стороны, и являющейся посланницей «инобытия» [6, с. 212], вводит его в мир танца.

Мир танца в романе изображается как пространство телесного наслаждения. После пробного урока Гарри не воспринимает пляску всерьез, видит в джазе лишь демонстрацию пошлости. Однако после танца с незнакомкой происходит преобразование героя, что отразилось в его потоке мыслей: «я блаженно и рьяно слушался движений ее ног, ее рук, ее плеч, <...> когда музыка кончилась, мы оба остановились и хлопали в ладоши, пока опять не заиграли, а потом я еще раз, рьяно, влюбленно и благоговейно, исполнил этот обряд» [2, с. 195]. Гармонизирующая природа пляски дарит участникам ощущение уверенности, наслаждения от своих действий и компании партнера. На страницах романа «Степной волк» прослеживается пример реализации гедонистической функции хореографии. Подобные эпизоды, связанные с миром пляски, будут встречаться часто: описание уроков, вечера в кафе, бал-маскарад «только для сумасшедших» и многое другое.

В процессе пляски Гарри постепенно освобождается от навязанных норм. Танец для приверженцев идей Ф. Ницше стал «символом бунта против репрессивной культуры, пространством индивидуальной свободы, где возможно творчество, прежде всего, творение самого себя, своей личности» [8, с. 204]. Если раньше персонаж замечал двойственность собственного характера как человека-зверя и старался подавить инстинктивную составляющую, то после знакомства с хореографическим

миром, он принимает обе свои сути: и олицетворяющего духовное человека и хаотичное начало волка [7], соотносящееся с дионисийской и аполлинийской природой пляски.

Действие разворачивается поступательно: вначале герой просто наблюдает за танцем со стороны, затем учится и сам становится исполнителем. Кульминация – торжество дионисийского хаоса – приходится на эпизод с балом-маскарадом в «магическом театре» (условной вариации Г. Гессе с образом Вальпургиевой ночи Гёте). Невозможно ждать однозначного определения, что же скрывается за понятием «магический театр»: «духовное пространство свободы и той музыки, которая врачует болящий дух, или глумливый праздник безумия» [1, с. 17]. В романе изображена тонкая грань между реальностью и миражами, между внутренними переживаниями и взаимодействием с окружающим миром. Именно танец оказывается тем ключом, что открывает дверь в новую реальность, однако не все читатели смогли оценить замысел. В финале романа герою предлагают отказаться от собственной личности, разума для обретения жизни в новой множественной реальности. Г. Гессе словно пытается постичь человеческое подсознание.

Довлеющая обстановка «тоски в душе сына старой Европы» [1, с. 17] пронизывает все страницы романа Г. Гессе. В рамках данного мира даже танец не дарит ощущения праздника, а напоминает «пир во время чумы». Общение с Герминой придает жизни персонажа деятельное начало, он не только критикует сложившуюся действительность, но ощущает в себе силы, необходимые для изменений, и наконец-то решается действовать. Познакомившись с миром танцев, герой отбрасывает навязанные нормы. Он достигает свободы от условностей, которую не мог обрести ранее. Именно девушка, являясь его проводником в пространство пляски, позволяет герою постепенно знакомиться с хореографией: она учит его движениям, водит на интересные вечера, вместе с ним участвует в маскараде «магического театра». Постепенно становясь частью дионисийского мира, Гарри Галлер достигает гармонии. Как пишет В. Г. Седельник, задачу творца Гессе «видел в том, чтобы сопровождать отдельного человека в его жизненных страданиях, помогать ему обрести, а точнее, обретать себя – не как изначально данное, а как множественную величину, приобретающую все новые и новые лики» [6, с. 208]. Личность Гарри хотя и уничтожена, но из нее происходит зарождение новой формы мировосприятия для новой реальности.

Итак, участвуя в джазовых вечеринках, герой постепенно погружается в стихию дионисийского хаоса. Как пишет Н. С. Павлова, это «состояние, когда мир теряет четкие очертания и противоположности сходятся, – соотносено писателем и с сознанием современных людей (например, с сознанием Гарри Галлера из «Степного волка») и с кризисом эпохи. При этом хаос означает не только распад; он понимается как беспорядок, не исключающий возможность нового творчества» [5, с. 13-

14]. Что и происходит в финале романа, когда герой осознал, что «все сотни тысяч фигур игры жизни лежат» [2, с. 339] у него в кармане, и, когда-нибудь сыграв в них, он достигнет мира Бессмертных, умеющих смеяться. Это лишь одна из версий возможного прочтения открытого финала, предполагающего как любой модернистский текст множественность прочтения.

Несчастный Гарри Галлер – герой типа «человек в футляре». Он оказался вовлечен в мир пляски, который с помощью воздействия аполлиническими и дионисийскими стихиями, может трансформировать сознание, стать механизмом перевоплощения индивида. Пляска оказывается обязательным шагом к освобождению и преображению, а участие в джаз вечеринках в компании с опытной партнершей – наставником можно сопоставить с прохождением ритуала инициации. Итак, героя романа Г. Гессе «Степной волк» возникает надежда на новую гармоничную жизнь.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Путь Германа Гессе / С. С. Аверинцев // Гессе Г. Избранное. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 3–26.
2. Гессе Г. Степной волк / Г. Гессе. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
3. Ишимбаева Г. Г. Функции портрета Гете в романе Г. Гессе «Степной волк» / Г.Г. Ишимбаева // Доклады Башкирского университета. – 2017. – №2. – С 282–286.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Ницше Ф. Рождение трагедии. – М.: Ad Marginem, 2001. – С. 65–217.
5. Павлова Н. С. Предисловие / Н.С. Павлова // Гессе Г. Степной волк. –СПб.: Азбука, 2000. – С. 7–16.
6. Седельник В. Г. Немецкий роман между двумя мировыми войнами / В. Г. Седельник // Зарубежная литература XX века: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В. М. Толмачева. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 204–229.
7. Сенэс Ж., Сенэс М. Герман Гессе, или Жизнь Мага / Ж. Сенэс, М. Сенэс. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 277 с.
8. Яцковская И. Ф. Танец модерн в истории европейской культуры / И. Ф. Яцковская // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 3. – С. 203–206.

УДК 821.111

МОТИВ «ПАНИЧЕСКИХ» МЕТАМОРФОЗ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Э.М.ФОРСТЕРА («ПАНИКА», «ИНОЕ ЦАРСТВО»)

Теличко Т.Г., канд. филол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
telitan903@gmail.com

Рубеж столетий (XIX–XX), болезненно-кризисный для всей Европы, отозвался в Англии кризисом викторианской системы ценностей и критическим осмыслением английскости.

Э.М. Форстер (1879–1970) свои размышления об английскости сводит к теории «неразвитого сердца», сформулированной им в эссе «Заметки об английском характере». В своих художественных произведениях автор, по сути, «апробирует» эту теорию: в результате испытания «иным» (по отношению к викторианским канонам), сердечный механизм героев либо запускается для развития, либо нет, что утверждает их духовную незрелость. Важной категорией, которая обнажает эмоциональную ущербность буржуазной морали, замешанной на прагматизме и здравом смысле, становится природа, зачастую реализованная в творчестве писателя благодаря введению мифологических мотивов. Особая роль в этой связи отведена Пану, «дух» которого воплощает естественное, природное начало, нуждающееся в свободном проявлении чувств, что в викторианском цивилизованном обществе принято считать неприличным и недопустимым.

В анализе сосредоточим свое внимание на новеллах «Паника» и «Иное царство», в которых форстеровская идея «природного сверхприродного» / «natural supernaturalism» (McDowell) реализована с помощью фантастического допущения: введение в качестве действующего лица Пана («Паника»), метаморфоза героев под воздействием его «духа» («Паника», «Иное царство»). Преодоление границ реальности, тем не менее, не уводит автора от актуальности, более того, позволяет ему заострить магистральную для всего его творчества проблему «неразвитого английского сердца». Обывательской позиции персонажей, отчетливо обозначенной в новеллах с помощью приема точки зрения, голоса наивного рассказчика, противопоставлена способность и готовность других героев к духовному развитию, что маркируется их метаморфозами, связанными с преодолением человеческой «сепаратности» и обретением чувства всеединства и полноты существования.

УДК 82

ОБРАЗ ПЕТРА I В «МЕМУАРАХ» СЕН-СИМОНА

Трыков В.П., д-р филол.наук, проф.

ВГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
v.trykoff@yandex.ru

Образ Петра Великого явился доминантой и ядром «русского миража» эпохи Просвещения. У истоков петровского мифа стоял французский писатель, автор знаменитых «Мемуаров» Луи де Рувруа, герцог де Сен-Симон (1675–1755). В своей работе над «Мемуарами» Сен-Симон опирался на записки своего современника и предшественника маркиза де Данжо (1638–1720). Однако, если в «Мемуарах» Данжо России

и Петру I посвящены немногочисленные и отрывочные записи, в которых информация о визите русского царя тонет в рассказе о событиях придворной жизни, то Сен-Симон в своих воспоминаниях посвящает пребыванию русского царя во Франции в 1717 г. отдельную главу «Приезд царя во Францию». В ней Сен-Симон, как и Данжо в своих «Мемуарах», дает подневный отчет о пребывании Петра I во Франции. Как и Данжо, его интересуют малейшие детали церемониала: он отмечает, кто присутствовал при тех или иных встречах, кто был представлен царю, а кому было отказано в подобной чести, сколько продлился тот или иной визит, какие знаки внимания были оказаны сторонами друг другу, какими подарками они обменялись и т.д. Значительную часть информации Сен-Симон черпал из «Мемуаров» Данжо, иногда чуть не дословно повторяя не только отдельные факты, но и некоторые пассажи из его рукописи.

Однако в отличие от своего предшественника, Сен-Симон выступает не простым хроникером, более-менее точно фиксирующим события, но историком, мыслителем и моралистом. Сен-Симон, в отличие от Данжо, по достоинству оценил масштаб фигуры Петра I, его вклад в русскую историю и его место в современной ему европейской политике. «Петр I, царь Московии, совершенно заслуженно стал настолько знаменит и у себя, и по всей Европе и Азии, что я не решусь сказать, будто знаю другого столь же великого и прославленного монарха, равного героям древности, который вызывал бы такое восхищение в свое время и будет вызывать в грядущие века» [1: 349]. В «Дневниках» Сен-Симона содержится пассаж, которого нет в рукописи Данжо, о том, как Петр хотел принять католичество в России, чтобы сблизиться с европейскими монархами, о миссии Куракина в Рим с целью разведать, «каковы притязания Рима» и последующий отказ Петра от своего замысла, когда он понял, что принятие католичества ограничит его власть. Сен-Симон, в отличие от Данжо, видит в Петре дальновидного политика, проницательного государственного деятеля, способного оценить последствия принимаемых решений, но также и реформатора, готового учиться и перенимать у Европа все лучшее, чем она обладает. Сен-Симон упоминает о многочисленных путешествиях Петра в западноевропейские страны с образовательной целью, о чем не счел нужным сообщить Данжо. Вообще у Сен-Симона любознательность, стремление к просвещению – чуть ли не главная характеристика Петра I. Так, в рукописи мемуаров Данжо Сен-Симон делает следующее обширное добавление о Петре I, которое впоследствии с незначительными корректировками войдет в окончательный текст «Мемуаров» Сен-Симона: «Этот знаменитый царь наделал столько шума в свете, что было бы бесполезно распространяться о нем. Ограничимся лишь тем, что скажем о том восхищении, которое он вызвал своей чрезвычайной любознательностью, которая распространялась на все и ничем не пренебрегала, даже самыми ничтожными

подробностями, если они могли оказаться впоследствии полезными и значительными; он был сведущ во всем, он высоко оценивал только то, что того заслуживало, обнаруживая при этом блистательный ум, верность суждений и тонкость восприятия, широту кругозора, образованность и некую постоянную значительность» [2: Р. 80-81].

Сен-Симон не только воспроизводит то, что нашел в мемуарах Данжо. Кое-что он мог увидеть во время визита Петра I к генералу д'Антену, куда был приглашен. Здесь Сен-Симону предоставлялась возможность проявить свою проницательность и тонкость психологического анализа. Сен-Симон – мастер психологического портрета, развернутых нравственных характеристик. Это то, что он прежде всего добавил к мемуарам Данжо. Сен-Симон дает развернутый портрет Петра I, основанный на личных впечатлениях. Если у Данжо нарушения этикета вызывают снисходительную насмешку, то Сен-Симон, напротив, с интересом и некоторым удовлетворением подчеркивает эту небрежность в костюме и манерах русского царя (не напудренный парик, отсутствие перчаток и манжет, небрежно расстегнутый полукафтан, ненужная шляпа). И здесь взгляд Сен-Симона оказывается шире и проницательнее, чем у его предшественника. В этой небрежности Сен-Симон видит богатство природы русского царя, харизматичность его личности. Если что-то и насторожило Сен-Симона во внешности царя, так это контраст между ее благообразием в обычном состоянии государя и уродством во время судорог. Для Сен-Симона-психолога этот контраст становится внешним проявлением какого-то внутреннего изъяна в личности Петра, не названного, не получившего определения или характеристики иррационального начала, вдруг на какое-то время возобладавшего над его обычной рассудительностью и умом, столь высоко ценимыми Сен-Симоном, как и всем XVII столетием.

Под пером Сен-Симона сухие факты, позаимствованные у Данжо, приобретают характер сценок, полных драматизма. Таков анекдот о посещении Петром госпожи де Ментенон. У Данжо это краткое сообщение: «Царь поехал в Сен-Сир; он осмотрел здание и вошел в комнату мадам де Ментенон, которая находилась в постели. Он раздвинул шторы на окнах, чтобы ее увидеть» [2: 93]. У Сен-Симона сценка обрастает новыми подробностями, которых не было в мемуарах Данжо. Госпожа де Ментенон, узнав о предстоящем визите царственной особы, выстраивает мизансцену: укладывается в постель, зашторивает окна спальни. Сен-Симон акцентирует бесцеремонность поведения царя, которой не было в описании Данжо. Петр I не только открыл шторы, но и отдернул полог кровати, стал молча разглядывать госпожу де Ментенон и ушел, не поклонившись. К этой картине Сен-Симон добавляет описание реакции на визит госпожи де Ментенон, которая была поражена и оскорблена поведением русского «варвара». Весь эпизод у Сен-Симона предстает как психологический поединок двух сильных личностей,

имеющих разный статус. Утратившая свое былое влияние и беззащитная после смерти Людовика XIV его морганатическая супруга вынуждена сносить бесцеремонность пребывающего на вершине своего могущества российского монарха и пытается отстоять свое достоинство.

Сен-Симон в финале возвращается к мысли о величии Петра, государя и реформатора. Однако с высокой оценкой личности Петра I соседствуют клише о «варварстве» России. Для Сен-Симона, в отличие от Данжо, Петр не курьезный персонаж, но прежде всего великий государственный деятель и монарх, стремящийся к знанию и просвещению. Не случайно в уста Петра I Сен-Симон вкладывает мысль, близкую автору-моралисту, видевшему и осуждавшему падение нравов при французском дворе. Дважды с промежутком в одну страницу Сен-Симон повторяет, что царя поразила роскошь, которую он видел и что он с горечью предвидел, что роскошь погубит Францию.

Широта и пронизательность взгляда Сен-Симона проявилась не только в его общей критической оценке нравственного состояния французского общества периода Регентства, нравственному разложению которого, стремлению к наслаждениям, роскоши он противопоставил образ сурового русского монарха, стремящегося к знанию, равнодушного к наслаждениям, отказавшегося разместиться в покоях королевы-матери в Лувре, сочтя их чрезмерно роскошными.

Сен-Симон сумел по достоинству оценить и возросшее влияние петровской России, и преимущества для Франции союза с ней. «Невозможно отрицать, что он (Петр I – В.Т.) играл огромную роль и в Азии, и в Европе, так что Франция весьма выиграла бы от тесного союза с ним» [1:372-373]. Сен-Симон, знаток не только придворного этикета и церемониала, но и политических раскладов при французском дворе, внутренних механизмов внешней политики Франции, с сожалением констатирует, что интриги отдельных влиятельных лиц, лоббирующих английские интересы, не позволили Франции установить более тесные отношения с Россией, сторонником которых он был. Сен-Симон завершает главу о пребывании Петра I во Франции неутешительной констатацией: «Потом пришлось долго раскаиваться, что мы поддались губительным чарам Англии и так по-дурачки презрели Россию» [1:349].

Список литературы

1. Сен-Симон. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве: В 2 кн./ Сен-Симон. – М.: Прогресс, 1991. – Кн. 2. – 520 с.
2. Journal du marquis de Dangeau avec les additions inédites du duc de Saint-Simon, publiés par Feuillet de Conches: En 19 vol. – Paris: Firmin Didot frères, 1859. – Т. 17. – 395 p.

АНТИЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ПРОЗЕ САЛМАНА РУШДИ

Чуванова О.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
lambent87@gmail.com

В истории английской литературы второй половины XX в. особую нишу занимают произведения мультикультурных писателей. К ним относят британского писателя индо-пакистанского происхождения Салмана Рушди, стоящего в одном ряду с В. Найполом, В. Сетом, А. Рой, А. и К. Десаи, Х. Курейши и др.

Произведения вышеперечисленных писателей сложны для прочтения и анализа ввиду того, что их мультикультурные тенденции реализуются в рамках постмодернистской эстетики, усложняющей восприятие художественного текста. Так, в прозе С. Рушди особое место занимает ироничное постмодернистское переосмысление европейской и индийской истории, которое подтягивает многочисленные культурные аспекты. Одним из наиболее «востребованных» аллюзивных пластов в творчестве С. Рушди становится античность.

Многие европейские писатели XX века обращаются к античным мотивам и образам с целью демифологизации искусственно созданной истории (Т. Манн, «Доктор Фаустус»), ремифологизации современной действительности и последующего слияния реальности и мифа в рамках единого художественного текста (Дж. Джойс, «Улисс»), а также его трансформации (Дж. Фаулз, «Волхв»). Миф в творчестве европейских писателей часто связан с античным культурным фундаментом, на котором выстроена и европейская культура. Вместе с тем обращение к античности в мультикультурной литературе обогащается дополнительными смыслами, связанными с поиском параллелей между европейским и азиатским (ближне- и дальневосточным) прошлым, с оспариванием значимости культурного прошлого и, безусловно, с вопросами идентичности и самоопределения представителей восточных стран в европейской среде.

Античный пласт в романах С. Рушди нередко задействован на уровне повторяющихся сюжетов, мотивов и образов. При этом в процессе развертывания того или иного нарратива европейское античное начало тесно переплетается с древнеиндийским мифологическим субстратом.

Апеллирование к античности посредством аллюзий наиболее заметно в ряде романов С. Рушди с 1981 по 1999 гг. – «Дети полуночи» (*Midnight's Children*, 1981), «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988), «Прощальный вздох мавра» (*The Moor's Last Sigh*, 1995), «Земля под её ногами» (*The Ground Beneath Her Feet*, 1999).

Наиболее «продуктивными» становятся здесь мотивы и образы, связанные с хтонической мифологией, а именно – с аидом, который, в

свою очередь, подтягивает на интертекстуальном уровне образы рек Стикса и Леты и психопомпов-проводников (Гермес и Харон). В дальнейшем этот ризомно разрастающийся образ актуализирует оппозицию «память – забвение». Образ айда и его составляющих в прозе С. Рушди вбирает в себя и древнеиндийский мифологический пласт: образы древнеиндийского ада – нараки, богов-разрушителей Шиву и Кали, бога смерти Ямы. Так, мотив загробного мира и фигуры проводника возникает в романах «Дети полуночи» (лодочник Таи) и «Сатанинские стихи» (Роза Диаманте); реализации этого мотива способствует и система пограничных природных образов (река, пустыня, вихрь, землетрясение).

С мотивом айда связаны и две другие наиболее частотные античные аллюзии. Во-первых, это миф об Эдипе, который в романах С. Рушди («Дети полуночи» и «Прощальный вздох мавра») формирует оппозицию матернального и патернального начал, а также важный в контексте мифа мотив прозрения. При этом образ сфинкса / Сфинги можно сопоставить с образом пурушамриги – его древнеиндийским вариантом. Важным становится многозначная (сакральная и профанная) природа миксантропических существ, занимающих особое место в прозе писателя. Как правило, подобные образы становятся метафорой двойственного положения мигранта в рамках чужой ему западной культуры. Второй аллюзией является миф об Орфее и Эвридике, актуализирующий образ творца и орфическое/творческое начало («Земля под её ногами»). Данная аллюзия обнаруживает связь с древнеиндийским мифом о Шиве, Парвати и боге любви Каме.

Очевидно, что античные аллюзии в творчестве С. Рушди во многом спровоцированы мультикультуральностью [3], позволяющей совмещать в рамках одного художественного текста отголоски множественных мифологий. Кроме того, подобные мифологические мотивы напрямую связаны с «пограничным» состоянием персонажей, их трансформациями / метаморфозами и образом творца, созидającego самоё себя на мультикультурной почве.

Список литературы

1. Мелетинский Е. Поэтика мифа / Е. Мелетинский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 480 с.
2. Рушди С. Земля под её ногами. – 2008. URL: <https://www.ereading.club/book.php?book=1001761> (дата обращения: 16.09.2019).
3. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учебное пособие / А.Я. Флиер. — М.: Академический Проект, 2000.— 496 с.
4. Rushdie S. *Midnight's Children* / S. Rushdie. – London: Vintage, 1995. – 463 p.
5. Rushdie, S. *The Moor's Last Sigh* / S. Rushdie. – London: Vintage, 1996. – 434 p.
6. Rushdie S. *The Satanic Verses* / S. Rushdie. – London: Vintage, 1998. – 547 p.

ОПЫТ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ИГОРЯ КОЧУБЕЯ “AMOENITAS DESOLATIONIS”

Ценкова Н. Г., переводчик
г. София, Республика Болгария
nata90@abv.bg

Остаряват хора и дървета;
падат дни, нощи, листа и дъжд;
неизменен в есента и летото,
камък, ти стоиш все същ!

Атанас Далчев. Камък (1927 год)

(Старость точит дуб, ветшают люди;
сутки прочь, года потери множат;
неизменный в праздники и будни,
камень, ты лежишь все тот же.

А. Далчев. Камень (перевод с болгарского – Айдына Тарика)

Поэтические произведения И. Кочубея (I. Koczubeja) и глубокомысленны [1, с. 90], и оригинальны [2, р. 12—22], – трудно сказать, что в бóльшей степени. По этим двум причинам переводить его стихи наталкивается на великие сложности, – что уже отмечалось ранее другими авторами (см., например, [3, с. 138–139]); и подозреваю, что даже И. Х. Фридриха Гёльдерлина (J. Ch. F. Hölderlin) переводить легче, чем Кочубея. В настоящем сообщении впервые публикую неавторизованный перевод стихотворения И. К. “Amoenitas desolationis”, которое, – будучи помещенным целиком, – украсило в России в 2015 году обложку международного журнала “Взгляды”.

С «топографическим» обликом этого – трудного как для понимания, так и для перевода – стихотворения переводчику ничего нельзя поделать, и я скрупулезно сохранила его (облик), так как он коррелирует с *музыкальным* рисунком. Как подробно рассказал автор в некогда данном мне интервью, его текст – это не что иное, как текст песни для исполнения *кифаредом* (то есть *кифаристом*, вдобавок к этому еще и поющим), «которому аккомпанирует человек, бьющий в *тимпан*»: «—〈...〉И вот тут вот у меня

възниква малък въпросик: къде ги вземем сега – такива музиканти?! / — Честно казвам... и сам не съм много добре разбрал: къде такива може да се намерят днес... За неименем китариста и тимпаниста – една моя приятелка, кума ти, вземаше да окупира ⟨...⟩ треп-музиканта от Ленинград, то е Петербург... / — О Боже, но къде треп – и къде китарна музика! / — Но ние, обаче, не търсим лесни пътища!.. ⟨...⟩».

Прелест във изоставеното

И девет вече
десет без малко
но Сомнус, Сол –
Мързелуват чайки.
Заминаха риба-
злюбен, изчезна, и
не се чува
И вече няма
които са били
зла саламура
багри на беззвучно
вълнение,
да съхрани ще
помогне –

би,
вече пре-
мина от разсъмване,
над Нептун все пак
властвуват заедно!...
В кафеникава зеленина
прозяват се рибки.
ри, разпоредител
нито на търговките
на риба, нито
на зяпачите
празен глъч
над водно огледало
кей – само
огризки от колони;
кей sublicas –
корумпира тихо.
Цъфтеж на разпада,
мудно
трептене, шепот
на водата
картината от светлина.

Список литературы

1. IX Твердовские чтения : Сборник материалов Международной научно-практической конференции (...): г. Краснодар, 28 февраля 2017 г. / М-во курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края, АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», ФГБОУ ВО «Краснодарский гос. институт культуры» и др. ; ред.-состав., идея – доц. А. А. Самойленко ; науч. ред. проф. А. А. Горбачев и доц. М. И. Ленкова. – Краснодар : (Изд-во КСЭИ), 2017. – С. 90—91. – ISBN 978-5-91276-156-0.
2. Thoughts by Flesh... / American Concert Alliance, LLC, et alii ; Scientific Editors Boris P. Borisov et alii. – New York (The State of New York) : Sine publishers, 2015. – Pages 12—22. – (ACA International Scientific Conferences Series / Amer. Concert Alliance, LLC, ISBN 978-1-60585-156-3 ; volume XXII).
3. Коммуникативные стратегии информационного общества : Труды X Международной научно-теоретической конференции : 26—27 октября 2018 года / М-во науки и высшего образования Рос. Фед., Санкт-Петербургский политехнический ун-т Петра Великого ; ответ. за выпуск проф. О. Д. Шипунова ; орг. ком. конф.: В. В. Сергеев, Д. И. Кузнецов, С. В. Кулик и др. – СПб. : Издательско-полиграфич. центр (СПбПУ Петра Великого) «ПОЛИТЕХ-ПРЕСС», 2018. – С. 138—140. – Парал. тит. л. изд. – на англ. яз.
4. *Хаджикосев Симеон (Д.)*. Българският символизъм. – София : Изд-во «Български писател», 1979. – 168 с. – Издание на болгарском яз.
5. *Александрова Надежда*. «Аз нося Вашето смирение...» : книга за Николай Лилив. – София : Нов български университет, 2009. – 368 с. – (Департ. «Нова българистика»). – ISBN 978-954-535-553-0. – Издание на болгарском яз.

УДК 821.521

ОБРАЗ ЗЕРКАЛА В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СИМВОЛИКА, ОТРАЖЕНИЕ В МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ

Шевченко А.С.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, РФ
as.shevchenko98@gmail.com

Введение. Культура Японии, «корень» которой хоть и принадлежит более древней культуре – китайской, все же имеет ряд значительных особенностей ввиду многих факторов (исторический, географический и природно-климатический). Процесс заимствования культурных элементов сопровождался их сложным преобразованием, наделением национальным содержанием. Это все прослеживается и в образе зеркала: слияние понимание «вещи» в контексте даосского учения с пониманием «вещи» (моно) в японской эстетике.

Цель работы – исследовать семантику образа зеркала в японской литературной традиции в его становлении и динамике на примере

художественных текстов, ставших объектом изучения (аспект синхронии и диахронии).

Основная часть. Изначально (в древних японских мифах: первый свиток «Кодзики») образ зеркала был не так многозначен; он отсылает нас напрямую к мифу о великих богах прародителях и Ама-тэрасу (символ связи мира земного и божественного, символ Солнца, света, жизни и спасения), а через нее и к мифу о божественном происхождении императорской власти (символ ее чистоты и непорочности, связи власти божественной и земной).

Затем же, уже в поздних легендах («Душа зеркала», «Зеркало и колокол», легенда о скульпторе Хидари Дзингоро и «Зеркало Мацямы»), сильное влияние на семантику исследуемого образа оказала японская демонология, активно развивающаяся в то время, в работу вводится понятие «цукумогами», и даосизм, привезенный из Китая. Так, зеркало стало рассматриваться как предмет живой сам по себе, имеющий «душу», способный чувствовать.

В Средние века ведущее место отводилось зеркалу как символу истины, мудрости, вечности и цикличности истории («Окагами, или Великое зеркало»).

В прозе Нового времени происходит своего рода синтез всех представлений, накопленных веками. Семантика образа представлена в несколько иной форме, местами она усложнена: происходит наложение трактовок одного и того же символа («Зеркало» Харуки Мураками), а иногда упрощена и снижена из-за восприятия зеркала как предмета быта, его использования в массовой культуре. Так, в рассказе Кавабаты Ясунари «Зеркальце» этот предмет является непосредственным обличителем, показывает истинные эмоции героя; в произведении же Эндо Сюсаку зеркало является не только атрибутом быта, но и связующим элементом различных этапов человеческой жизни и отражателем телесного несовершенства.

Заключение. Благодаря выявлению особенностей понимания в японской культуре сущности зеркала как «вещи», подробному изучению произведений, отражающих национальное восприятие исследуемого образа на определенном историческом этапе, нам удалось выделить некоторые из трактовок данного символа:

1) зеркало как символ связи и единства мира нашего, земного, с высоким божественным или же с миром демонических существ (позднее);

2) модель Солнца, символ жизни и света;

3) символ благополучия, спасения и мира;

4) зеркало как вещественно-символическое воплощение божественного совершенства в реальной жизни, символ божественного Абсолюта;

5) символ связи небесного и земного могущества; чистоты, непорочности божественной императорской власти;

- 6) зеркало – символ вневременной связи душ, посредник между настоящим и прошлым;
- 7) символ чистоты души;
- 8) искренности, неоспоримой истины (предмет-обличитель);
- 9) символ соединения временных линий, аллегория вечности истории, ее цикличности.

Более того, нам удалось при последовательном рассмотрении функционирования образа в литературном процессе Японии выявить, какие из представленных его значений преобладают в ту или иную историческую эпоху.

Список литературы

1. Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. – М.: Искусство, 1993. – 464 с.
2. Дэвис Х. Мифы и легенды Японии (Myth and Legends of Japan) / Пер. с англ. О.Д. Сидоровой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 379 с.
3. Конрад Н.И. Японская литература. От Кодзики до Токутоми / Сост. Н. И. Фельдман-Конрад. – М.: «Наука», 1974.
4. Мещеряков А.Н. Книга японских символов. – М., 2003. – С. 200-205.
5. Вещь в японской культуре / Сост. Н.Г. Анарина, Е.М. Дьяконова. — М.: Вост. лит, 2003. — 262 с.
6. Синто. Путь японских богов. Под редакцией Е.М.Ермаковой, Г.Е.Комаровского, А.Н.Мещерякова. – СПб., Гиперион, 2002.
7. «Дао дэ цзин», № 25 // Древнекитайская философия. – Т. 1. – М., 1972.
8. Кодзики. Записи о делах древности. Перевод Е.М.Пинус, Л.М.Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб., «Шар», 1994.
9. Окагами. Великое зеркало / Пер. Е. М. Дьяконовой. – СПб.: Гиперион, 2000.
10. Нихон сёки. Анналы Японии. Перевод Л.М.Ермаковой, А.Н.Мещерякова. – СПб., «Гиперион», 1997.
11. Харуки Мураками. Вампир в такси / Перевод с япон. С. Логачева. – М.: Эксмо, 2007.
12. Ясунари Кавабата. Рассказы на ладони. Текст: Иван Денисов. Перевод с япон. А. Мещерякова, С. Смолякова. – СПб.: Гиперион, 2006
13. Японская мифология: энциклопедия. / Сост., общ. ред. Н. Ильиной и О. Орловой; худож. Е. Савченко. – М.: Эксмо, 2007. – 464 с.

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

УДК 372.881.111.1

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА ОСНОВЕ СТРАТЕГИЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Акинина Н.В.*¹, канд. пед. наук, доцент,

*Ряполова Н.В.*², канд. пед. наук

¹ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ, *nvakinina@yandex.ru*

²СТИ «Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва, РФ, *luba72007@yandex.ru*

Введение. Учитывая изменившуюся роль иностранного языка как средства общения и взаимопонимания в мировом сообществе, современная методика обучения иностранным языкам нацелена на усиление лингвострановедческих аспектов изучения языка.

Обучение иностранному языку на современном этапе невозможно без привития учащимся иноязычной культуры. Страноведческая информация должна соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка. Следует отметить, что формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано с социокультурными и страноведческими знаниями.

Социокультурная компетенция как способность сравнивать соизучаемые лингвокультурные общности, интерпретировать межкультурные различия и адекватно действовать в ситуациях нарушения межкультурного взаимопонимания рассматривается в работах Е. М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Н.Д. Гальсковой, Н.И. Гез, Г.Д. Томахина, В.В. Сафоновой, П.В. Сысоева, С.Г. Тер-Минасовой и других.

Цель – определение методики формирования социокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку на основе стратегий речевого поведения.

Основная часть. Для успешного общения на иностранном языке, помимо социокультурных знаний и активного употребления лексических единиц и грамматических структур, необходимым является достижение такого уровня владения языком, которое позволяет гибко реагировать на всевозможные непредвиденные повороты в ходе беседы, быстро определять адекватную линию речевого поведения и безошибочно выбирать конкретные языковые средства.

Важными в устной коммуникации являются стратегии речевого поведения, составными элементами которых являются различные реплики и правила, облегчающие вступление в общение и проявление инициативы, поощрение к общению, его поддержание, завершение общения. Владение этими элементами позволяет учащимся вступать в контакты и осуществлять общение и обмен информацией в форме принятой данным языковым коллективом и закреплённой в традициях народа – носителя изучаемого языка.

В условиях искусственной языковой среды учащиеся организуют общение между собой, отражая в своей речи предложенную ситуацию, разыгрывают предложенные роли.

Проведённая нами опытно-экспериментальная работа по совершенствованию социокультурной компетенции учащихся на среднем этапе обучения иностранному языку в МОАУ «СОШ №24 с УИОП», г.Старый Оскол, с использованием приема внедрения стратегий речевого поведения при заполнении социокультурных лакун, позволила сделать выводы.

У обучающихся на среднем этапе существует потребность в приобретении знаний и информации о культуре, обычаях и традициях страны изучаемого языка. Для этого следует изучать новую лексику и совершенствовать уже знакомую. Этой цели служат различные способы заполнения социокультурных лакун при помощи стратегий речевого поведения, а также речевые упражнения, которые являются продуктивным средством усвоения изучаемой лексики. На первом этапе эксперимента был проведен тест, который позволил определить начальный уровень сформированности социокультурной компетенции обучающихся.

На протяжении последующих месяцев работы в рамках формирующего эксперимента регулярно проводились обучающие уроки с применением стратегий речевого поведения при заполнении социокультурных лакун, которые позволили сформировать уровень умений обучающихся в применении социокультурной информации в устной и письменной речи.

По истечении экспериментальной работы учащиеся выполнили контрольные задания, которые показали уровень сформированности социокультурной компетентности у обучающихся средних классов. Полученные и обработанные данные свидетельствуют, что высокий уровень сформированности социокультурной компетенции после проведения опытно-экспериментальной работы увеличился на 25,1 %, средний уровень знаний увеличился на 18,3 %, обучающихся с низким уровнем не оказалось.

Участие в процессе общения требует владения безэквивалентной и фоновой лексикой, умение употреблять различные речевые клише, знание норм поведения в различных ситуациях и разговорных форм. Овладение

иностранном языке неразрывно связано с овладением новой лексикой, которая необходима при общении с представителями других культур, Применение в общении стратегии речевого поведения способствует совершенствованию социокультурной компетенции обучающихся.

Заключение. В ходе исследования мы пришли к выводу, что заполнение социокультурных лакун с помощью стратегий речевого поведения на уроке иностранного языка организует запоминание посредством установления связи между вербальным и наглядно-чувственным образом действительности; создает смысловые опоры для иноязычного высказывания и понимания его на этапе развития речевых действий; создает стимул для речевого высказывания.

Процесс заполнения социокультурных лакун с использованием стратегий речевого поведения является эффективным способом совершенствования социокультурной компетенции учащихся.

Список литературы

1. Грушевицкая, Т.Г. Основа межкультурной коммуникации [Текст] / Т. Г. Грушевицкая. – М.: Юнит, 2002. – 332 с.
2. Кузьменкова, Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев, россиян [Текст] / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: ГУ – ВШЭ, 2005. – 75 с.
3. Кузьменкова, Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде [Текст] / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Пед. Университет – «Первое сентября», 2006. – 48 с.
4. Соловова, Е. Н. Социокультурные лакуны: типология, причины появления способы заполнения при изучении иностранных языков [Текст] / Е. Н. Соловова // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 6. – С. 2-8.

УДК 372.881.1

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Банникова Е.Л.

УО «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь
alenabannikava@mail.ru

Модернизация содержания образования на современном этапе развития общества не в последнюю очередь связана с инновационными процессами в организации обучения иностранным языкам. Это не только новые технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Задача преподавателя – активизировать познавательную деятельность студента в процессе обучения иностранным языкам. Современные педагогические и информационные технологии такие, как обучение в сотрудничестве, проектная методика, использование новых

информационных технологий, компьютерных программ, Интернет-ресурсов, помогают реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей студентов [2].

Идеология обучения в сотрудничестве была детально разработана группами американских педагогов: Р. Славиним из университета Джона Хопкинса; Р. Джонсоном и Д. Джонсоном из университета штата Миннесота; группой Э. Аронсона из университета штата Калифорния. Основная идея обучения в сотрудничестве заключается в создании условий для активной совместной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях. Практика показывает, что вместе учиться не только легче и интереснее, но и значительно эффективнее [4]. При этом важно, что эта эффективность касается не только академических успехов, но и их интеллектуального и нравственного развития. Учиться вместе, а не просто что-то выполнять вместе – вот что составляет суть данного подхода.

Компьютерные программы – одно из основных средств обучения иностранному языку. Достоинство в использовании компьютерных программ в изучении иностранного языка бесспорно. Они позволяют:

- создать коммуникативные ситуации в общении;
- развивать навыки чтения;
- совершенствовать способность извлекать и обрабатывать информацию из прочитанного материала;
- создать комфортные условия для восприятия материала;
- знакомить со страноведческими реалиями.

Кроме того у студентов появляется большой интерес к изучению предмета, повышается мотивация в изучении иностранного языка.

Формы работы с компьютерными программами на занятиях по иностранному языку включают: изучение лексики; отработку произношения; обучение диалогической и монологической речи; обучение письму; отработку грамматических явлений. Использование компьютера позволяет реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивает индивидуализацию и дифференциацию обучения, позволяет интенсифицировать процесс обучения.

В настоящее время для использования на занятиях по иностранному языку предлагается широкий спектр компьютерных программ:

- обучающие программы – для приобретения определенных знаний, умений и навыков;
- тренирующие программы – для закрепления знаний и умений;
- контролируемые программы – для контроля качества знаний и их корректирования;
- игровые программы.

С целью ликвидации пробелов в знаниях студентов, формирования или совершенствования грамматических и лексических навыков на занятиях по

немецкому языку полезно использовать следующие компьютерные программы: "Jetzt online", "Kaleidoskop", "Lernnetz Deutsch", "Dubliner Arbeitsblätter online" и другие [1]. Преподавателю вряд ли следует рассчитывать на то, что использование компьютерных программ существенно облегчит его собственный труд. Индивидуализация обучения, непременно сопутствующая использованию информационных технологий на занятиях, требует от преподавателя дополнительных затрат времени и сил.

Основная цель изучения иностранного языка – формирование коммуникативной компетенции. Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формированию способности к межкультурному взаимодействию, что является основой функционирования интернета. Вне общения интернет не имеет смысла – это международное многонациональное, кросс-культурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всем мире [3]. Включаясь в него на занятиях по иностранному языку, мы создаем модель реального общения. Цель использования интернета состоит в том, чтобы заинтересовать обучаемых в изучении иностранного языка посредством накопления и расширения их знаний и опыта.

Одной из технологий, обеспечивающей личностно-ориентированное обучение, является метод проектов. Проектная технология включает в себя совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути. Работа над проектом – это многоуровневый подход к изучению языка, охватывающий чтение, аудирование, говорение и грамматику. Данный метод формирует у студентов коммуникативные навыки, культуру общения, умения кратко и доступно формулировать мысли, терпимо относиться к мнению партнёров по общению, развивать умение добывать информацию из разных источников. Проектная форма работы позволяет каждому студенту проявить свои способности.

Использование современных образовательных технологий на занятиях по иностранному языку позволит оптимизировать управление обучением, повысить эффективность и объективность учебного процесса при значительной экономии времени преподавателя, мотивировать студентов на получение знаний.

Список литературы

1. Gruner M. Computerunterstützter Unterricht. Computer im Unterricht. – М.:Goethe-Institut, 1991. – 269 S.
2. Леонов А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Просвещение, 2003. – 314 с.
3. Макаревич И.Г. Использование Интернета на уроке немецкого языка. // ИЯШ. – 2001, № 5. – С. 40-43.
4. Мильруд Р.П. Сотрудничество на уроке иностранного языка, // ИЯШ. – 1991. – № 6. – С.37- 42.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Барышева Е.В., канд. психол. наук
СПФ ЧОУВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», РФ
barisheva45@mail.ru

В методической литературе при обучении студентов, формулируются основные компетенции, предусмотренные ФГОС для вузов, осуществляя которые преподаватель должен стремиться организовать атмосферу занятия с учетом четырех основных видов языковой деятельности – говорение, чтение и письмо, постепенно расширяя знания лексики по профессиональной тематике [1, с.11].

В настоящее время при разработке заданий, разделов по усвоению языковых реалий является важной проработка практических занятий с текстами, грамматическими, лексическими и коммуникативными упражнениями, аудио- и видеоматериалами, иллюстрирующими изучаемые темы и способствующие развитию речевой компетенции, вопросы и задания для текущего и итогового контроля. Кроме того, тесты, глоссарий, справочная информация для дополнительного изучения и самостоятельной работы. Создание и использование собственных мультимедийных презентаций всегда положительно воспринимается студентами. Предпочтительнее предлагать студентам темы для презентаций по истории, культуре, экономике англоязычных стран или родной страны, либо профессионально-ориентированные темы. Так, для студентов экономического направления темы варьируются от теоретических аспектов изучения отдельных сторон курса (например, «Деньги», «Труд как фактор производства», «Торговля», «Реклама» и др.) до практических рекомендаций («Устройство на работу», «Подготовка деловой поездки», «Деловая встреча» и др.). Таким образом, студент может сделать выбор в зависимости от личностных предпочтений и интересов, а также сформированных знаний и умений. Это повышает мотивацию к изучению иностранного языка. Главным достижением в данном случае является погружение студента в аутентичную языковую среду. Общение на англоязычных форумах, в блогах, электронная переписка с носителями языка, участие в международных он-лайн викторинах и олимпиадах, чтение новостей, научных или публицистических статей, работа в иностранных электронных библиотеках, наконец, просмотр художественных фильмов и прослушивание песен на английском языке – все это работает на формирование коммуникативных компетенций, погружение в иностранный язык и стимулирование дальнейшего изучения. Задача

преподавателя заключается в том, чтобы направлять деятельность студента, поддерживать его интерес, помогать преодолевать трудности и отмечать достижения. В порядок подготовки к практическому занятию с применением ИТ для расширения ПК студентов, включается несколько этапов:

1) Ознакомление со всеми лексическими единицами, грамматическими структурами и речевыми оборотами данной темы курса.

2) Ознакомление с рекомендациями, содержащимися в рабочей программе дисциплине.

3) Подбор необходимой литературы с использованием списка, предложенного к данной теме, а также литературы, которую преподаватель может рекомендовать дополнительно (учебные и методические пособия, сборники упражнений и тестов).

4) Проверка уровня своей подготовки с использованием по возможности вопросов для самопроверки и самотестирования.

5) Подбор необходимых информационных ресурсов и совместное их использование в аудиторной и внеаудиторной работе [4].

В процессе преподавания материал преподносится в интерактивной форме, в том числе с использованием средств мультимедийной техники.

Разные технологии требуют от преподавателя разнообразных знаний по методическому оформлению всех этапов урока, структурно отобранных и соединенных воедино, в данной статье уделим особое внимание проектной деятельности, которая является одной из востребованных и, на наш взгляд, интересных коммуникационных технологий. Современные реалии преподавания иностранного языка в среде русскоговорящих студентов позволяют выстраивать все этапы урока с учетом приближения методов преподавания к современным образовательным, информационным потребностям студентов вузов разных направлений.

Ниже структурно показаны возможные формы практических занятий, направленные на расширение базовых профессиональных компетенций и создание коммуникативно- развивающей среды на уроках иностранного языка.

Таблица 1

Использование практических образовательных технологий на ИЯ

Вид занятия	Используемые образовательные технологии
1	2
Практическое	<p>Практическое занятие в форме ролевой игры в рамках темы «Встреча в аэропорту иностранной делегации, бронирование номера в отеле»</p> <p>Сценарий проведения занятия: студентам даются роли согласно коммуникативной ситуации, возникающей в ходе встречи делегации. Происходит моделирование социального взаимодействия на иностранном языке для решения соответствующей коммуникативной задачи в заданной ситуации.</p>

1	2
ПЗ-2	Практическое занятие в форме ролевой игры «Деловой ужин»
ПЗ-3	Практическое занятие в форме ролевой игры «Экскурсия по Лондону».
ПЗ-4	Практическое занятие в форме деловой игры «Переговоры с иностранными партнёрами»
ПЗ-5	Практическое занятие в форме Ролевая игра «Экскурсия по Москве»
ПЗ-6	Практическое занятие в форме ролевой игры «Экскурсия по родному городу»
ПЗ-7	Практическое занятие в форме деловой игры «Подписание контракта со спонсорами»
ПЗ-8	Практическое занятие в форме ролевой игры в рамках темы «Обед в кафе с зарубежными партнёрами»
ПЗ-9	Практическое занятие в форме Ролевая игра «Прибытие в отель (отъезд из отеля)»

Именно обращение к коммуникативно-практикоориентированному методу ведения занятий становится актуальным для построения процесса обучения иностранного языка в вузе, в котором объектом деятельности становится сама речь и языковой материал необходимый студентом в профессиональной жизни в дальнейшем. Главным действием преподавателя на таких занятиях является стремление вовлечь всех студентов в языковую среду, обеспечив языковым материалом всех студентов. Важным моментом данного метода является то, что студент может применить разнообразные упражнения в ролевых играх, диалогах, составлении эссе, деловых письмах, аудировании, таким образом, происходит стимулирование всех каналов восприятия языковой информации современных студентов [2, с. 21-28].

Список литературы

1. Артемьева, О. А. Методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе межкультурной коммуникации / О. А. Артемьева, М. Н. Макеева, Р. П. Мильруд // Тамбов: Изд-во Тамб. гос.техн. ун-та, 2005 –160 с.
2. Багновская П.Е. Формирование профессиональной компетентности студентов вузов физической культуры в процессе обучения иностранному языку: дис. ... канд. педагогич. наук. – Смоленск, 2013. – 145с.
3. Видова Т.А. Применение инновационных технологий в образовании как фактор развития науки и экономики региона // Через инновации в образовании к экономическому росту региона: сборник статей региональной научно-практической конференции (г. Рязань, 26 марта 2008 г) / отв. ред.Н.К. Кадуцков. – Рязань: Рязанский филиал МЭСИ, 2008. – С. 29–32.
4. Мишота И.Ю. Использование средств информатизации образования как фактор интеграции методов обучения иностранным языкам: дис. ... канд. педагогич. наук. – Москва, 2013. – 114 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ УЛУЧШАЮТ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Бортенева Е.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

borteneva@gmail.com

В образовании вовлеченность студентов означает степень внимания, любознательности, интереса, оптимизма и страсти, которую студенты проявляют, когда они учатся. Когда студенты вовлечены в занятие, они учатся больше и сохраняют больше знаний. Студенты, которые занимаются работой, склонны больше упорствовать и находить радость в завершении работы [1].

Говоря со студентами, мы знаем, что они предпочитают работу, в которой они могут практиковаться и сотрудничать со своими сверстниками. Они, как правило, менее заняты, слушая лекции или выполняя повторяющиеся задания.

Существуют стратегии обучения, которые побуждают студентов использовать свое воображение, чтобы углубиться в изучение содержания занятия. Студенты активно участвуют в обучении и могут работать со своими сверстниками в группах, чтобы продемонстрировать свое обучение.

Многие из этих стратегий выводят студентов на такой уровень обучения, который они никогда не считали возможным. Студенты активно ищут знания, а не просто сидят и получают знания из лекции или учебника.

Обучение, основанное на запросах, является одной из самых эффективных стратегий обучения, потому что исследования говорят нам, что студенты учатся лучше, когда они проводят свое собственное исследование. Обучение, основанное на запросах, вызывает любопытство у студентов. Преподаватели выступают в качестве посредников в процессе обучения, основанного на запросах.

Процесс состоит из четырех этапов:

1. Студенты развивают вопросы, на которые они хотят ответить
2. Студенты исследуют тему, используя время в классе
3. Студенты представляют то, что они узнали
4. Студенты размышляют о том, что сработало в процессе, а что нет

В классе, где студенты исследуют какую-либо тему, а затем представляют свои результаты, обучение на основе запросов позволяет студентам «учиться глубже и шире, чем когда-либо прежде» [2]. В

традиционном обучении студенты реже задают вопросы и, как ожидается, будут слушать и отвечать на вопросы, заданные учителем. Обучение, основанное на запросах, позволяет студентам задавать вопросы, исследовать и преобразовывать информацию в полезные знания, тем самым повышая уровень вовлеченности студентов.

QR-коды (Quick Response) легко создавать и многократно использовать в классах на всех уровнях обучения. QR-коды могут привести студентов к информации, путем сканирования кода на цифровом устройстве студента. Во время занятия студенты могут использовать QR-коды для:

1. Проверки своих ответов.
2. Голосования за ответы во время обсуждений.
3. Расширения информации, найденной в учебниках.
4. Доступ к видеурокам по материалу занятия.

QR-коды позволяют студентам получать доступ к информации, не покидая своего места. Студенты могут даже генерировать QR-коды, чтобы продемонстрировать свое обучение сверстникам и родителям.

Исследования подтверждают, что проектное обучение (PBL) является эффективным и приятным способом обучения. PBL также развивает навыки более глубокого обучения, необходимые для успеха в колледже, карьере и гражданской жизни (bie.org).

Проектное обучение использует реальные сценарии и проблемы, чтобы вовлечь студентов в критическое мышление, решение проблем, командную работу и самоуправление. Как только студенты решат проблему или задачу, они представляют свои решения. Проблемы, которые решают студенты, могут быть представлены лидерам для решения проблем в их собственном сообществе.

Данный метод использует сотрудничество, цифровые инструменты и навыки, чтобы найти решение поставленной проблемы. Почему так много преподавателей заинтересованы в этом методе обучения?

- делает занятие более привлекательным для студентов
- улучшает обучение
- предоставляет студентам возможности использовать технологии
- делает обучение более приятным и полезным
- связывает студентов и вузы с сообществами и реальным миром

Существует тонкий баланс с использованием технологий в классе. Преподаватели должны использовать технологии разумно управляемым способом и с различными видами деятельности. К числу факторов, которые способствуют вовлечению студентов, относятся

1. Документы Google.
2. Видеоролики на YouTube, Quizlet, Kahoot.
3. Приложение Remind.

Эти инновационные приложения и веб-сайты могут помочь преподавателям вовлекать своих студентов, напоминать им о предстоящих занятиях и домашних заданиях, обеспечивать визуальное обучение с помощью видео, организовывать обучение студентов, обеспечивать групповую совместную работу и проводить проверки обучения с помощью игр и онлайн-викторин.

Каждый из методов в этой статье использует стратегии, в которых студенты задают вопросы, исследуют, используют технологии и создают смысл из предоставленных материалов и исследований. Эти методы также позволяют студентам решать проблемы, ставить перед собой задачи и представлять свои результаты другим. Вовлечение студентов основывается на любопытстве, интересе, страсти и внимании. Все продемонстрированные методики включают в себя несколько из этих необходимых предметов для вовлечения студентов.

Список литературы

1. Синельников А.П. Психология обучения иностранным языкам / Синельников А.П. – Харьков: Издательская группа "Основа", 2009. – 128 с.
2. Heather Wolpert-Gawron What the Heck Is Inquiry-Based Learning? [Электронный ресурс]: Edutopia, August 11, 2016. URL: <https://www.edutopia.org/blog/what-heck-inquiry-based-learning-heather-wolpert-gawron> (дата обращения 18.08.2019)

УДК 372.881.1

ПОДКАСТ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИСТАНЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Глоба Т.Н., канд. пед. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
tat-globa@yandex.ru

Качественная подготовка кадров, востребованных на современном рынке труда с учетом социального заказа и в соответствии с реалиями нового информационного общества, требует обновления и развития инновационных форм организации процесса обучения иностранному языку и культуре в высшей школе. В связи с этим повышается роль современных технологий обучения иностранным языкам с опорой на передовой мировой опыт, который используется в процессе подготовки будущих специалистов гуманитарного филологического образования.

Цель исследования: описать основные особенности использования технологии подкастов в процессе обучения французскому языку в высшей

школе; установить практическую эффективность и функциональную значимость данной технологии в процессе преподавания иностранного языка. В качестве объекта изучения выступают дистанционные формы обучения иностранному языку в высшей школе. Предмет исследования – технология использования подкастов для оптимизации процесса преподавания иностранного языка студентам языковых специальностей.

Теоретическую основу исследования составляют коммуникативный подход в обучении иностранным языкам (Бим И. Л., Китайгородская Г. А., Пассов Е. И.); теория компьютерно-опосредованного обучения (Беспалько В. П., Войскунский А. Е., Гершунский Б. С.); концепция дидактической среды сети Интернет (Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Дмитриева Е. И., Хуторской А. В.); концепция компьютерной лингводидактики (Бовтенко М. А., Воршауэр М., Леви М.); компьютерно-информационная модель обучения иностранным языкам (Титова С. В.).

Дистанционное обучение – это новая форма организации учебного процесса, соединяющая в себе традиционные и новые информационные технологии обучения, основывающаяся на принципе самостоятельного получения знаний, предполагающая в основном телекоммуникационный принцип доставки обучаемому базового учебного материала и интерактивное взаимодействие обучаемых и преподавателей как непосредственно в процессе обучения, так и при оценке полученных ими знаний и навыков [1, с. 15]. Дистанционное обучение – это главная составляющая дистанционного образования, которое предполагает также наличие определенных средств приёма и передачи данных, соответствующего программного обеспечения, группу административного управления.

В статье 15 «Закона об образовании» ДНР указано следующее: «Обучение в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, с учетом потребностей, возможностей личности осуществляется в очной, очно-заочной или заочной форме» [3, с. 23]. Таким образом, на данный момент в нашей стране законодательно закреплённой дистанционной формы обучения не существует. Дистанционная форма приравнивается к неким дистанционным технологиям. Однако, в образовательной практике она с каждым годом расширяет сферы своего действия. Причём, де-юре статья 14 «Закона об образовании» предусматривает такую возможность: «Организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ основываясь на нормативно-правовых актах по регулированию деятельности в сфере образования.» [3; с. 22]. На сегодняшний день существуют разные модели дистанционного обучения. Следовательно, и организация обучения в дистанционной форме строится по-разному в зависимости от используемой модели. Кроме того,

необходимо помнить, что речь идёт о системе обучения, поэтому важно учитывать особенности используемой концепции обучения, которая определяет отбор и структурирование содержания обучения, выбор методов, организационных форм и средств обучения. На современном этапе развития педагогической науки принято выделять четыре модели дистанционного обучения: интеграция очных и дистанционных форм обучения; сетевое обучение: автономные сетевые курсы, информационно-предметная среда; сетевое обучение и кейс-технологии; обучение на основе видеосвязи (интерактивное телевидение — Two-way TV), компьютерные видеоконференции, спутниковая связь) [5, с. 98].

В основе обучения любому виду речевой деятельности (чтению, говорению, аудированию, письму) на иностранном языке или аспекту языка лежат слухомоторные навыки. Иноязычная речевая деятельность по большей своей части предполагает живое общение [4, с. 68]. Учитывая данную специфику предмета «Иностранный язык», обоснованной и наиболее перспективной для внедрения в учебный процесс становится модель интеграции очных и дистанционных форм обучения. Качественно сформировать у студентов все виды речевой деятельности на иностранном языке только с помощью дистанционных компьютерных технологий не получится. С другой стороны, на современном этапе развития информационных технологий было бы не разумно не использовать их потенциал для решения задач интенсификации и диверсификации учебного процесса, основываясь на широком использовании ресурсов сети интернет в повседневной работе со студентами.

Для развития коммуникативных навыков студентов на французском языке хорошо подходит дистанционная технология подкаст, которая представляет собой целый портал творческих заданий, разработанных носителями или преподавателями иностранного языка. В методике преподавания иностранного языка подкаст (podcast) – это аудио или видеозапись, сделанная носителем языка и доступная для прослушивания и просмотра в сети Интернет. Методическая система развития умений говорения и аудирования с помощью учебных подкастов, согласно мнению А.Г. Соломатиной, представляет совокупность структурных компонентов, состоящих из четырех блоков: целевого блока, теоретического блока (подходы, принципы обучения), технологического блока (содержание обучения, методы, этапы, средства) и оценочно-результативного блока (критерии, показатели, результат обучения).

Учебные подкасты по французскому языку используются для развития умений аудирования и говорения студентов, то есть, тренировки восприятия иностранного языка и умения говорить. Сегодня существуют различные сайты-подкасты в сети Интернет. Например, франкоязычный сайт <https://www.podcastfrançaisfacile.com>, который содержит пакеты материалов (тексты/диалоги, задания и аудио к ним) для работы по разным

разговорным темам (Une journée ordinaire. Les mois de l'année. Transports. Les vacances. Les repas. Description maison (appartement) и т.д.). Для самостоятельного создания подкастов преподаватели и студенты могут воспользоваться электронным ресурсом podomatic.com.

Таким образом, необходимо отметить следующие преимущества использования технологии подкастов как одной из форм дистанционного образования: возможность расширения форм образовательных услуг вузами; индивидуализация и дифференциация процесса обучения и контроля знаний; систематическое использование мультимедийных средств обучения; повышение интереса к изучению иностранного языка за счет использования социальных сервисов сети Интернет; возможность моделирования и имитирования иноязычной языковой среды.

Список литературы

1. Беспалько В. П. Образование и обучение с участием компьютеров (педагогика третьего тысячелетия). – М.: НПО МОДЭК, 2002. – 352 с.
2. Бовтенко М. А. Компьютерная лингводидактика. – М.: Флинта, 2005. – 216 с.
3. Закон «Об образовании» МОН ДНР от «19» июня 2015 г. – 157 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебное пособие. – М.: Логос, 2005. – 384 с.
5. Полат Е. С. Дидактические возможности сети Интернет в преподавании иностранных языков // Интернет в гуманитарном образовании / под ред. Е. С. Полат. – М.: ВЛАДОС, 2001. – С. 92 - 101.
6. <https://www.podcastfrancaisfacile.com>

УДК 37.014.1

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Жебеленко О.Г.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
zhebelenko_olga@mail.ru

Введение. В настоящее время коммуникативный подход в изучении иностранного языка позволяет по-новому взглянуть на обучение практической грамматике.

Как известно, наименьшей коммуникативной единицей является предложение. Не вызывает сомнения также тот факт, что в речевом общении используются как простые, так и сложные по своей структуре предложения, а также эллиптические конструкции. В любом случае они представляют собой не просто отдельные слова, но слова определенным

образом связанные между собой синтаксически. Изучением этих связей и занимается практическая грамматика.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проанализировать основные способы реализации коммуникативного подхода при обучении грамматике иностранного языка с учетом лингвистических факторов, а также факторов нелингвистического плана.

Для того, чтобы выразить свое мнение, студент должен не только подобрать адекватные лексические единицы, но и придать им определенную форму, расположить в определенном порядке, не забывая, однако, об их сочетаемости. Коммуникативная методика имеет в своем распоряжении значительное количество приемов, которые способствуют порождению высказывания. Однако, желание выразить свое мнение, даже при наличии достаточного лексического запаса, не всегда приводит к формированию корректного высказывания и, зачастую, грамматические ошибки, возникающие в акте общения, относятся к коммуникативным. Они препятствуют общению или затрудняют его. Имеются также случаи, когда высказывание не может быть адекватно воспринято из-за наличия грамматической ошибки [2, с. 34].

С одной стороны, практика показывает, что способность обмениваться информацией приобретается не только за счет чисто коммуникативной учебной деятельности. А с другой, изучение грамматики не должно становиться самоцелью, а быть лишь одним из способов овладения коммуникативными навыками.

Как же должно быть построено обучение грамматике в пределах коммуникативного подхода? Известно, что не всегда наличие грамматических знаний приводит к совершенствованию коммуникативных навыков, поскольку обучение грамматике зачастую подразумевает рутинную работу.

В связи с этим, интересной является мысль о том, что любую грамматику, в том числе и французского языка, можно разделить на две составляющие части: «ядро» и «сферу выбора». «Ядро» образовано с учетом лингвистических факторов, предусматривающих наличие конкретных четких правил, связанных с рассмотрением и запоминанием определенных лингвистических явлений, например, таких как: образование множественного числа существительных, степеней сравнения прилагательных или наречий, образование времён. «Сфера выбора» учитывает факторы нелингвистического порядка, такие как: языковое чутьё и индивидуальные способности обучающихся [4, с. 91].

Выбор грамматического материала для осуществления коммуникативных целей является также неоднозначным. Приоритетными в обучении могут быть грамматические конструкции, учитывающие решение коммуникативных задач: они должны быть связаны с разговорными темами. К заданиям, основанным на, коммуникативной

задаче, традиционно относят различные, в том числе ролевые, игры, моделирование коммуникации и т.д. Такие задания реализуются с помощью различных карточек, буклетов и других раздаточных материалов. При этом определенные трудности могут быть вызваны сложностью самого рассматриваемого грамматического материала. Так, некоторые явления имеют аналоги в родном языке обучающихся, а другие не имеют таковых, но являются легкими в усвоении. Третьи – совсем не совпадают с явлениями, которые существуют в родном языке и сложны для восприятия.

Эффективность усвоения грамматического материала может повыситься, если изучаемое явление встречается в нескольких видах речевой деятельности, таких как аудирование и чтение.

Процесс работы над грамматическим явлением состоит, как правило, из нескольких этапов: введения, закрепления, автоматизации с учетом самостоятельной работы студента. При этом перед преподавателем стоит задача: максимально направить внимание студента на использование грамматических конструкций разговорной речи.

Как показывает опыт, не стоит полностью отказываться от тренировочных упражнений типа «drills», которые являются одной из форм, критикуемого в настоящее время, аудио-лингвистического метода. Не обладая коммуникативной направленностью, такие упражнения, тем не менее, способствуют лучшему запоминанию грамматического явления, облегчают процесс исправления ошибок, если таковые возникают и позволяют преподавателю комментировать их и анализировать сложные случаи. Вместе с тем, необходимо учитывать тот факт, что механические упражнения являются монотонными и быстро рассеивают внимание обучающихся. Упражнения в таких заданиях нередко содержательно не связаны между собой. Они не несут никакой коммуникативной нагрузки, представляя препарированный «мертвый» язык. В результате происходит только пассивное усвоение грамматического явления, в большинстве случаев обучающийся не может использовать его в речи [1, с. 68].

Использование задач с элементами коммуникативной направленности, игровыми моментами, творческих и проблемных задач, привлечение всех видов речевой деятельности: аудирования, чтения, говорения, письма позволяет многократно повысить эффективность усвоения грамматического материала, способность применять знания на практике.

Заключение. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что формирование, развитие и закрепление навыков адекватного использования в речи грамматически правильных форм и структур остается одной из важнейших составляющих содержания обучения иностранному языку. Эффективность работы над грамматическим материалом во многом определяется как умелым и интересным его

представлением, так и правильным подбором различных коммуникативных задач. При этом, в переменах нуждается сама логика коммуникативного подхода. Формирование умения правильного использования в речи грамматических форм и структур является не самоцелью, а средством развития коммуникативных навыков. Изучение грамматики – это лишь один из компонентов учебной деятельности, осуществляемый на базе определенного лексического материала. Не следует забывать, что при выполнении грамматических заданий студенты не должны встречать дополнительные лексические трудности. В то же время, коммуникативный подход в обучении грамматике иностранного языка будет иметь успех при использовании всех видов речевой деятельности.

Список литературы

1. Гергенредер Ж. С. Обучение коммуникативной грамматике в рамках практического овладения иностранным языком. [Моск. пед. гос. ун-т]. – М., 2015. – 264 с.
2. Витлин Ж.А. Современные проблемы обучения грамматике иноязычных языков // Иностранные языки в школе, 2017. – №5. – С. 5–7.
3. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – 2017. – № 1. – 150 с.
4. Уманец О. Н. Коммуникативный подход в преподавании грамматики иностранного языка в высших учебных заведениях. – 2018. – № 16. – Т.2. – С. 91.

UDC 378.147

ORIGINAL VIDEO AND AUDIO PROGRAMMES IN TEACHING ENGLISH

Konyaeva L.A., PhD in Pedagogy
GOU VO «Kemerovo State University», Russia
loudmillakoni@mail.ru

A well-known way to create meaningful context for teaching English is by using media, which can be delivered through a wide variety of print, audio, and visual formats. The current information age requires teachers to be familiar with media and media literacy. Elizabeth Thoman argues that media literacy has an influential role in educational programs, including second language learning. Media can be integrated into language lessons in a variety of ways by developing activities based on radio programs, television shows, newspapers, and videos (7; p.179).

Creating specific lessons for different language skills is challenging and time consuming for English teachers, but it is definitely worth the effort.

Nowadays teaching language skills through mechanical exercises and traditional fill-in-the-blank, true/false, and multiple-choice assessments does not interest students as much as English teachers expect. Although the mechanical exercises and supplementary materials in resource educational books are useful—and a great variety of them can be used—they do not energize students very much. But when teachers go creative in a way students do not expect, they can clearly see the difference. Video lessons give ESL students a wealth of learning opportunities. Naturally, they're great for listening practice, but never underestimate their value when it comes to teaching vocabulary and grammar. However, to really tap into the potential of video lessons, these must be thoroughly prepared and activities must be targeted to your goals. Motivating ways to teach English with audiovisual techniques are suggested in the article.

Rucynski integrates television into English as a Second/Foreign Language (ESL/EFL) instruction by demonstrating how a variety of English lessons can be taught with *The Simpsons*, a famous American animated TV series with more than 400 episodes (6; p. 9).

Radio programs are also an excellent source for teaching ideas because “it is well accepted that language is better acquired or learned where the focus is on interesting content, and radio can certainly provide interesting content” (1; 28). Bedjou introduces a number of English teaching activities that can be organized around radio programs, specifically VOA Special English programs, and points out the significance of radio as an English teaching tool: “Radio can bring authentic content to the classroom, especially in the EFL environment, where it may not be easy to meet and talk with native speakers of English” (1; 30).

Newspapers are another authentic and readily available source for pedagogical material. Pemagbi notes that the availability, affordability, and relevance of newspapers make them good teaching tools (5; 54).

Integrating videos into lessons creates enticing visuals and a special interactive environment in the EFL/ESL classroom. Teaching English through videos also allows teachers to be creative when designing language lessons. As Cundell notes, “One of the most powerful ways that video can be integrated into courses is for the visual representation they provide for learners on abstract concepts.” (2; 17).

Harmer suggests a variety of viewing techniques when using films and videos in listening activities, including:

- ✓ silent viewing (playing the video without the sound)
- ✓ freeze framing (freezing the picture and asking the students what they think will happen next)
- ✓ partial viewing (covering most of the screen with a piece of paper)
- ✓ picture or speech: half the class watches the video, the other half faces away
- ✓ subtitled films (students see and hear the English language)
- ✓ listening to the audio before watching the video (4; 310).

As Harmer notes, there are three ways of using this picture-less listening technique when a TV set is available in your classroom:

- ✓ cover the screen with a piece of paper,
- ✓ turn the screen away from students, or
- ✓ turn the brightness control all the way down.

If your class is equipped with a computer and video projector, you can simply turn off the projector and have your students listen to the sound. You can also keep the projector on and minimize the window so that the students cannot see the video. You may also ask the students to close their eyes and just listen to the sound, or to move their chairs and sit with their backs to the screen. By asking questions, the teacher can encourage them to use the appropriate grammatical structures. The idea behind video and sound effects lessons can be used to teach a variety of content such as grammar, vocabulary, and creative writing to a wide range of ESL/EFL students.

As George points out, “Students have a much richer imagination for what we might accomplish with the visual than our journals have to address.” (3; 12).

To use videos in the writing class, you can show the video to students using the picture-less listening technique and ask them to write a story based on the sounds they hear in the video. You do not even have to show them the video, as the soundtrack itself serves as an effective audio prompt for writing. You can also ask students to videotape random scenes around them and bring their videos to class. Then they can watch the videos together and create stories that match the videos they have just watched.

Finding appropriate teaching materials is not that hard, as our everyday life serves as a perfect resource for creating effective lessons and activities. An effective lesson does not necessarily require expensive and high-tech materials; oftentimes, breaking the routines will excite students, engage them in the lesson, and teach them the real use of language in context. The best part of incorporating video lessons into ESL classroom is the vast amount of material available, from short news pieces on <https://edition.cnn.com/> to a full episode of a popular TV series, a movie trailer or a full-length feature film on special occasions. Just remember to include the right pre-viewing, viewing, and post-viewing activities and you will hit the target every time!

Thus, one of the easiest and least expensive ways for teachers to prepare the most effective teaching materials is to look around and never underestimate their sense of creativity.

References

1. Bedjou A. 2006. Using radio programs in the EFL classroom. *English Teaching Forum* (44) 1: p. 28–31.
2. Cundell A. 2008. The integration of effective technologies for language learning and teaching. In *Educational technology in the Arabian Gulf: Theory, research and pedagogy*, ed. P. Davidson, J. Shewell, and W. J. Moore, p.13–23. Dubai: TESOL Arabia.

3. George D. 2002. From analysis to design: Visual communication in the teaching of writing. *College Composition and Communication* 54 (1): p. 11–39. www.jstor.org/stable/1512100
4. Harmer J. 2007. *The practice of English language teaching*. 4th ed. Harlow, UK: Pearson Longman.
5. Pemagbi J. 1995. Using newspapers and radio in English language teaching: The Sierra Leone experience. *English Teaching Forum* 33 (3): p. 53–55.
6. Rucynski J. 2011. Using *The Simpsons* in EFL classes. *English Teaching Forum* (49) 1: p. 8–17.
7. Thoman E. 2003. Media literacy: A guided tour of the best resources for teaching. *The Clearing House* 76 (6): p. 278–83.
8. www.jstor.org/stable/30189851

УДК 378.147147.159.9

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА. ТЕРМИНЫ-ОМОФОНЫ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Косенкова-Дудник Е.А.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
имени М.Горького», г. Донецк, ДНР
eldudnyk@mail.ru

Введение. В процессе изучения в медицинском вузе дисциплины «Латинский язык», студенты-первокурсники сталкиваются с различными языковыми явлениями. Некоторые из них вызывают определенные трудности. Языковая реальность доказывает, что для огромного количества медицинских терминов характерна асимметрия, которая проявляется в виде полисемии, омонимии, синонимии, омофонии и т.д. Изучение данных языковых явлений, их правильное использование в медицинской терминологии сделают ее более понятной для студентов и будущих врачей.

Цель работы – рассмотреть явление омофонии в медицинской терминологии, выбрать примеры из медицинских словарей, показав тем самым распространенность данного языкового явления.

Результаты и обсуждение: В медицинской терминологии, в частности в разделе «Клиническая терминология» довольно часто встречаются термины с компонентами-омофонами – терминологические элементы, сходные по звучанию, но с различной орфографией и дефиницией. Их можно различать по формальным и семантическим признакам. Приведем некоторые примеры:

- “*brachi-*” – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к плечу, к верхней конечности»: *brachiocyrtosis* (брахициртоз) – кривизна руки [1: 159];

“*brachy-*” – составная часть сложных слов, означающая «короткий», «укороченность»: *brachyskelia* (брахискелия) – укорочение нижних конечностей [1: 159];

- “*haem(o)-, haemat(o)-*” – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к крови»: *haematometra* (гематометра) – скопление менструальной крови в полости матки [1: 250];

“*hemi-*” – составная часть сложных слов, означающая: «полу-, половинный, односторонний»: *hemignathia* (гемигнатия) – аномалия развития, которая характеризуется частичным или полным отсутствием нижней челюсти с одной стороны [1: 314];

- “*hidr(o)-*” – составная часть сложных слов, означающая «пот, потение»: *hidrosophobia* (гидрозофобия) – боязнь вспотеть и вследствие этого простудиться или стать источником неприятного запаха [1: 271];

“*hydr(o)-*” – составная часть сложных слов, означающая «вода»; в сочетании с наименованием части тела или болезни «скопление жидкости содержимого»: *hydrocolpos* (гидрокольпос) – скопление жидкости во влагалище [2: 273];

- “*dis-*” – лат. приставка, означающая «разделение, разъединение, расчленение, отрицание»: *disseminatio* (диссеминация) – распространение возбудителя инфекционной болезни из первичного очага или опухолевых клеток из основного узла по кровеносным сосудам и лимфатическим путям в пределах одного органа или всего организма [3: 355];

“*dys-*” – греч. приставка, означающая «затруднение, отклонение от нормы, нарушение функции»: *dysmimia* (дисмия) – расстройство мимических движений [2: 356];

- “*lyt-*” – прилагательное, оканчивающееся на «-литический», имеет значение «вызывающий распад, разлагающий», т.к. оно образовано от “*-lysis*” – «разложение»: *haemolyticus* (гемолитический) – вызывающий гемолиз (разрушение эритроцитов) или обусловленный им [3: 251];

“*-lith(iasis), -lit(hus)*” – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к плотному образованию, конкременту, камнеобразованию»: *broncholithus* (бронхолит) – легочный камень, конкремент в бронхах [2: 325]; *cystolithiasis* (цистолитиаз) – болезнь, характеризующаяся образованием конкрементов в мочевом пузыре [3: 273];

- “*poli-*” – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к серому веществу головного или спинного мозга»: *poliensephalomyelitis* (полиэнцефаломиелит) – воспаление серого вещества головного и спинного мозга, характеризующееся сочетанием симптомов полиэнцефалита и полиомиелита [2: 351];

“*poly-*” – составная часть сложных слов, означающая «много, множество, множественный, больший по сравнению с нормой»: *polyphalangia* (полифалангия) – аномалия развития: увеличенное количество фаланг пальцев на руках и (или) ногах [2: 353];

• “-sten(osis)” – составная часть сложных слов, означающая «сужение»: cardiostenosis (кардиостеноз) – сужение кардиального отверстия, обусловленное морфологическими изменениями тканей (опухолями, спайками и др.) [3: 17];

“-sthen(ia)” – составная часть сложных слов, означающая «сила»: myasthenia (миастения) – болезнь нервной и мышечной систем, проявляющаяся слабостью и патологической утомляемостью различных групп мышц [3: 174].

Выводы. Рассмотрев проявление омофонии в медицинской терминологии, можно сделать выводы, что большая часть таких терминов не создает помех для профессиональной коммуникации в рамках языка медицины, так как контекст в большинстве случаев делает выбор значения понятным и очевидным. Признание «права» термина на проявление асимметрии знака вместо категорического отрицания позволяет более глубоко изучить явление омофонии, рассматривая его не как нежелательное явление, а как актуальный процесс, происходящий в языке и мышлении.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3-х томах / Гл. ред. Б.В. Петровский – М.: Советская энциклопедия, 1984. – Т. 1. – 464 с.
2. Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3-х томах / Гл. ред. Б.В. Петровский – М.: Советская энциклопедия, 1984. – Т. 2. – 448 с.
3. Энциклопедический словарь медицинских терминов в 3-х томах / Гл. ред. Б.В. Петровский – М.: Советская энциклопедия, 1984. – Т. 3. – 552 с.

УДК 37.018.554:37.02(043.2)

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Красько И.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
krasko-1980@yandex.ru

У каждой культуры есть своя языковая система, с помощью которой ее носители общаются друг с другом. Язык – стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система членораздельных звуковых знаков, служащая для коммуникации, способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Под коммуникацией понимается сложный и многогранный процесс

взаимодействия, цель которого заключается в передаче информации от одного субъекта к другому.

Актуальность данного исследования определяется растущей потребностью в изучении иностранных языков, а, следовательно, огромным спросом на их преподавание и необходимостью постоянного усовершенствования процесса обучения иностранным языкам.

Цель работы – продемонстрировать значимость коммуникативного подхода, который применяется при обучении иностранным языкам, и его преимущества над традиционными методами обучения языку.

Развитие коммуникативных способностей человека приводит к формированию его коммуникативной культуры. Коммуникативная культура включает в себя психологические особенности человека и мотивацию (т.е. заинтересованность процессом общения). Использование коммуникативного подхода в обучении иностранному языку эффективно в случае проведения как групповых, так и индивидуальных занятий со студентами, где, в первом случае, субъектами общения являются преподаватель, студент, группа, а во втором – преподаватель и студент.

Эффективность обучения иностранным языкам в значительной мере зависит от психологической готовности человека усвоить другой язык и общаться на нем, а также от умения человека использовать свои возможности.

Проблемам использования коммуникативного подхода в процессе обучения иностранным языкам посвящены многие отечественные и зарубежные труды. Все большую популярность приобретает методика интенсивного обучения профессора Г.А. Китайгородской, в основе которой лежит идея активизации возможностей группы через активизацию возможностей личности студента или преподавателя, и, наоборот, в игровой деятельности. По мнению Г.А. Китайгородской студент, как субъект учебной деятельности, характеризуется рядом специфических параметров, которые в зависимости от контекста обучения могут выступать в качестве или резервов, или барьеров в обучении [2, с. 152-158].

Целью коммуникативного подхода в обучении иностранному языку является формирование умений и навыков общения на обучаемом языке, т.е. развитие коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция – это возможность студента выбирать и реализовывать программы речевого поведения в зависимости от его способности ориентироваться в разнообразных ситуациях. Коммуникативная компетенция включает в себя следующие аспекты: знание того, как использовать язык для различных целей; умение правильно применять язык в соответствии с установками и участниками (например, использование деловой или разговорной речи); умение создавать и понимать различные типы текстов (например, рассказы, доклады, интервью и т.д.); умение поддерживать общение, несмотря на ограничения

в знании языка (например, через использование разных коммуникативных стратегий) [3].

О наличии коммуникативных умений свидетельствует способность студентов самостоятельно моделировать языковые единицы, анализировать тексты различной направленности, правильно использовать лексику, вести диалог на разнообразные темы и т.п. На основном этапе работы по усовершенствованию коммуникативных умений целесообразным является коммуникативный тренинг. Преподаватель дает задание или ставит ситуативную задачу перед студентами. Например, убедить клиента купить продукцию именно их фирмы или смоделировать любой телефонный разговор. Применение такого рода деятельности способствует совершенствованию коммуникативно-речевых умений.

Формирование иноязычных речевых навыков и умений происходит благодаря иноязычной речевой деятельности студентов. Это значит, что овладение средствами общения, аудирования, чтения и письма осуществляется путем реализации этих видов речевой деятельности в процессе обучения в условиях, которые моделируют ситуации реального общения.

Аудиторная работа должна быть направлена на развитие коммуникативной компетентности студентов на основе развития грамматических навыков и способности к общению. Таким образом, грамматический материал не вводится отдельно, а часто используется в ходе коммуникативных заданий, тем самым создавая необходимость в конкретных аспектах грамматики. Как показывает практика, некоторые грамматические явления, которым традиционно отводятся многие часы для отработки, вообще не требуют специальных форм работы, а усваиваются в ходе решения многочисленных коммуникативных задач. Это относится, в частности, к конструкции «имеется», к системе прилагательных (напр., их согласование с существительными), к системе наречий и т. д. [1, с. 30].

Обучение иностранному языку на основе коммуникативного подхода – это прежде всего активный обмен информацией в системе «преподаватель-студент». Кроме того, это контекстуализация языкового материала, который реализуется через ролевые игры и различные коммуникативные виды деятельности. Положительный результат дают такие ситуации, когда преподаватель на своих занятиях предоставляет студентам больше самостоятельности, т.е. дает им возможность «автономного обучения». Изучая иностранный язык с помощью коммуникативного подхода студенты в дальнейшем смогут применять его в конкретных ситуациях, с конкретной практической целью. Важным является также социальный характер обучения, так как обучение – это социальное явление, зависящее от взаимодействия с другими людьми.

Преподаватель должен учитывать особенности мышления студента, поскольку язык должен служить средством развития навыков критического и творческого мышления.

Крайне важным является творческое сотрудничество преподавателя и студентов. В данном случае преподаватель выступает в качестве посредника. Он должен способствовать производству безошибочных речевых высказываний у студентов, т.е. роль преподавателя заключается в содействии изучению языка.

Таким образом, значительное преимущество коммуникативного подхода заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса речевой коммуникации. Такой подход в обучении иностранным языкам выводит на первый план умение применять языковой материал в реальных ситуациях общения.

Список литературы

1. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: учеб. пособие / Г.А. Китайгородская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 103 с.
2. Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам / Китайгородская Г.А. – Издательство Московского университета, 1986. – 175 с.
3. Richards J. Communicative Language Teaching Today / J. Richards. – Cambridge University Press, 2006. – 47 p.

УДК 37.014.1

ОБУЧЕНИЕ БЫСТРОМУ ЧТЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

Маслёнкина Н.Г., канд. ист. наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
maslenkinazzznatalia@gmail.com

Введение. В настоящее время всевозрастающего обмена информацией между странами большое место в жизни человека занимает чтение на иностранном языке. Чтение на иностранном языке как коммуникативное умение и средство общения является важным видом речевой деятельности и наиболее распространенным способом иноязычной коммуникации, которым студенты высших учебных заведений должны овладеть согласно требованиям действующей программы по иностранным языкам. Без овладения этим видом речевой деятельности дальнейшее использование иностранного языка очень ограничено. В связи с вышесказанным чрезвычайно актуальным становится вопрос обучения

чтению, направленного на понимание аутентичных текстов по специальности с целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции у будущих специалистов в различных областях науки.

Цель исследования состоит в анализе продуктивности быстрого чтения в условиях оптимального режима обработки аутентичных печатных материалов.

Анализ источников научной литературы показывает, что различные аспекты, связанные с проблемами обучения чтению, рассматриваются в работах как российских, так и зарубежных ученых, таких как: З.И. Клычникова, В.А. Артёмов, О.А. Андреев, Л.П. Хромов, Л.Н. Смирнова, а также Б. Кэррол, Ф. Смит, В. Дюшарне и др.

Прежде чем приступить к рассмотрению проблемы, обратимся к определению данного вида речевой деятельности. Так З.И. Клычникова дает следующее определение: «Чтение – это процесс восприятия и активной переработки информации, графически закодированной по системе того или иного языка. Расширяя и уточняя данное определение соответственно тем его признакам, которые указываются в работах, посвященных анализу процесса чтения, мы говорим, что чтение есть процесс коммуникации посредством письменных или печатных текстов на родном или иностранном языке с целью познавательного воздействия, развития образного мышления и выразительной речи» [2, с. 5].

Известно, что традиционное чтение не позволяет в полной мере охватывать всю нужную информацию, поскольку читатель не может быстро найти то, что ему просто необходимо на данный момент. Вот почему для приобретения умения быстро ориентироваться в огромном потоке информации следует научиться быстрому чтению.

Обучение чтению является сложным и длительным процессом, в котором различают три основных этапа. Основная задача первого этапа – это развитие навыков техники чтения [1, с. 18]. Механизм, на котором базируется обучение чтению, предусматривает параллельное действие двух сигналов – графического образа буквы и ее звукового выражения. В процессе их одновременного восприятия в сознании формируется соответствующая ассоциация. Аналогично происходит усвоение буквосочетаний и слов. На практике это означает одновременную демонстрацию букв (буквосочетаний, слов) и их озвучивание. На разных этапах этот процесс может иметь различную направленность: от звука к графическому образу или от графического образа к звуку. При этом формируются зрительно-графические и слухо-моторные связи, которые способствуют мгновенному распознаванию и пониманию значений слов; расширяется поле чтения, синтагматическое членение предложений и устанавливаются смысловые связи между компонентами предложений и целыми предложениями текста; происходит понимание содержания учебного текста, построенного на усвоенном материале. Сформированные

таким образом автоматизмы распознавания букв, буквосочетаний, а также графических образов целых слов, словосочетаний составляют основу навыков быстрого чтения [4, с. 47].

В настоящее время широкое распространение имеет классификация чтения, предложенная С.К. Фоломкиной, которая включает: изучающее, ознакомительное, просмотровое и поисковое чтение. Здесь следует заметить, что данная классификация может быть переведена в систему дихатомического деления: изучающее или углубленное, чтение и быстрое чтение, включающее три вида: ознакомительное, поисковое и просмотровое [3, с.46].

Итак, на втором этапе обучения чтению ставится задача научить студентов читать вслух и про себя сложные тексты познавательного характера с пониманием основного содержания и наиболее существенных деталей. Здесь речь идет об ознакомительном чтении (чтении с пониманием основного содержания текста) [3, с. 48].

Этот вид чтения является наиболее распространенным во всех сферах жизни и осуществляется на материале аутентичных текстов, которые несут информацию о традициях, культуре, быте, истории страны изучаемого языка.

Коммуникативные способы проверки понимания содержания текста могут быть следующими: ответы готовым предложением на вопрос; ответы на вопросы, конструируемые с опорой на текст; подтверждение или опровержение, высказываемых преподавателем суждений; выбор правильного ответа из ряда ответов на поставленный к тексту вопрос; свободные ответы на вопросы преподавателя по прочитанному тексту; понимание логики текста; интонирование, как отдельных предложений текста, так и текста в целом; скорость чтения. Все вместе они влияют на эффективность процесса чтения [2, с. 194].

На третьем этапе обучения чтению студенты должны уметь читать текст с полным его пониманием. Речь идет об изучающем чтении, которое имеет целью достигнуть максимально полного и точного понимания информации текста и критического осмысления этой информации. Его объектом является «изучение» не языкового материала, а той информации, которая подается в тексте [3, с. 101].

Изучающее чтение требует целенаправленного анализа содержания на основе языковых явлений и логических связей. Поэтому здесь имеет место значительное количество регрессий, обусловленных необходимостью перечитывания отдельных частей текста для достижения точного понимания смысла. Материалом для этого вида чтения служат познавательные тексты, содержащие важную информацию с языковыми и смысловыми трудностями. Умение самостоятельно преодолевать трудности языкового и смыслового характера и является одной из целей такого чтения.

Просмотровое чтение – это чтение, направленное на поиск необходимой информации. Целью данного вида чтения является формирование умения быстро просмотреть ряд материалов для того, чтобы найти нужную информацию. Просмотровое чтение – быстрое, свободное, поисковое. Этот вид чтения предполагает достаточно высокий уровень сформированности умения читать, развитие навыков быстрого чтения, а также умения обойти трудности [1, с. 59].

В учебном процессе этот вид чтения используется как предварительный этап ознакомительного и изучающего чтения, а также с целью получения необходимой информации по тематически связанным между собой текстам, которые несут новую или интересную информацию. Студент должен быстро просмотреть текст, найти конкретную информацию и сконцентрировать на ней свое внимание, пытаясь понять содержание полностью или основное, в зависимости от коммуникативной цели. Кроме наличия у студентов сформированных умений, необходимых для ориентирования в логико-смысловой структуре текста, этот вид чтения также предусматривает поиск и выбор новой или заданной информации, объединение информации из нескольких источников в единое логическое целое в соответствии с конкретной проблемой. Работа с текстом может завершаться подготовкой сообщения или реферата.

Заключение. Таким образом, для формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов необходимо развивать умения быстрого чтения аутентичных текстов профессиональной направленности.

Список литературы

1. Андреев О. А. Техника быстрого чтения / О. А. Андреев, Л.Н. Хромов. – Минск: Издательство «Университетское», 2007. – 204 с.
2. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – М.: «Просвещение», 2008. – 207 с.
3. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе [Текст]: учеб.-метод. пособие для вузов / С. К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 207 с.
4. Ducharnet V. Comprendre la lecture / V. Ducharnet. – Paris, 2012. – 186 p.

FREQUENZWÖRTERBÜCHER IM PROZESS DER ENTWICKLUNG DER DEUTSCHSPRACHIGEN LEXIKALISCHEN KOMPETENZ VON STUDENTEN DER INFORMATIONS- UND TECHNOSPÄRENSICHERHEIT

Назаренко Е.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
o.boii@yandex.ua

Das Erlernen von Fremdsprachen ist keine leichte Aufgabe, unabhängig davon, ob eine Person selbständig oder unter Leitung eines Lehrers lernt. Die letztere Option scheint natürlich vorzuziehen zu sein, da der Lehrer, auch ohne Muttersprache, ein Muttersprachler der Kultur des Sprachenlernens (oder einer bestimmten Fremdsprache) ist, der die große Erfahrung früherer Generationen widerspiegelt und sorgfältig den optimalsten Weg zur Erreichung des Ziels auswählt. Gute Kenntnisse des relevanten deutschsprachigen Fachvokabulars sind eine Grundvoraussetzung für einen modernen kompetenten Fachmann auf dem Gebiet der Informations- und Technosphärensicherheit. Verschiedene Technologien zur Entwicklung der beruflichen lexikalischen Kompetenz im Bereich der modernen deutschen Sprache von Studenten der Fakultät für Mathematik und Informationstechnologie und der physisch-technischen Fakultät der GOU VPO DonNU basieren auf dem unbestreitbaren Prinzip, dass lexikalische Einheiten (Wörter und stabile Phrasen) in der Reihenfolge, in der sie studiert werden sollen, in realen Situationen sehr wichtig sind. Objektive quantitative Indikatoren für die Häufigkeit der Verwendung von lexikalischen Einheiten in der Sprache werden in Frequenzwörterbüchern dargestellt. Ihre Rolle im Prozess des beruflich gerichteten Fremdsprachenunterrichts ist jedoch noch nicht gut untersucht.

Ziel der wissenschaftlichen Untersuchung ist es, die Effizienz des Prozesses zur Entwicklung der lexikalischen Kompetenz in der deutschen Gegenwartssprache für Studenten der Informations- und Technosphärensicherheit zu steigern, indem elektronische Frequenzwörterbücher als zusätzliches Mittel zur Auffüllung der lexikalischen Reserve unterstützt und aktiv genutzt werden.

Die Forschungsmethoden umfassen die Analyse des Problems der Entwicklung der lexikalischen Kompetenz bei Studenten der IT-Bereiche, die Modellierung des Prozesses der Arbeit mit Frequenzwörterbüchern im Unterricht, die praktische Umsetzung des entwickelten Modells, die Durchführung eines pädagogischen Experiments und die Analyse seiner Ergebnisse.

Ein Frequenzwörterbuch besteht aus einer Reihe von Wörtern in einer bestimmten Sprache (oder Subsprache) sowie Informationen über die Häufigkeit

ihres Auftretens. Das Wörterbuch kann nach Häufigkeit, alphabetisch (dann wird für jedes Wort die Häufigkeit angegeben), nach Wortgruppen (z. B. die ersten tausend der häufigsten Wörter, gefolgt von der zweiten usw.), nach Typizität (Wörter, Häufigkeit für die meisten Wörter) sortiert werden usw.

Frequenzwörterbücher werden verwendet, um eine Sprache zu unterrichten, neue Wörterbücher zu erstellen, Computerlinguistik-Anwendungen zu entwickeln, auf dem Gebiet der sprachlichen Typologie zu forschen usw.

Die Probleme beim Erstellen von Frequenzwörterbüchern sind die Reproduzierbarkeit (ob die Ergebnisse auf einem anderen ähnlichen Körper identisch sind), Häufigkeitsfolgen einzelner Wörter (die Häufigkeit eines Wortes in einem Text kann seine Position im gesamten Frequenzwörterbuch beeinflussen) und die Schwierigkeit, die Position von Wörtern mit geringerer Häufigkeit zu bestimmen, was nicht der Fall ist Möglichkeiten, sie rational zu ordnen. Alle diese Probleme hängen damit zusammen, dass eine Sprache aus statistischer Sicht eine große Anzahl seltener Ereignisse darstellt (Zipf-Gesetz), wodurch eine geringe Anzahl von Wörtern sehr häufig ist und die überwiegende Mehrheit von Wörtern eine sehr geringe Häufigkeit aufweist [1]. George Zipf entdeckte das eigene Gesetz als Fremdsprachenlehrer. Er dachte darüber nach, die Lehrmethoden zu verbessern, um die Effektivität des Trainings zu erhöhen. Eine der Seiten des Lernprozesses einer Fremdsprache ist die Erweiterung des Wortschatzes. Wenn Sie eine Sprache sprechen möchten, lernen Sie die Wörter dieser Sprache. Natürlich ist es nicht der beste Weg, sie zu unterrichten, indem Sie das Wörterbuch lesen, das von Anfang bis Ende genannt wird, und sich alle Wörter merken, die in alphabetischer Reihenfolge vorkommen. Einige Wörter kommen in der Sprache häufiger vor, während andere weniger häufig vorkommen. Einige sind sehr selten.

Die während der Untersuchung erworbenen Frequenzwörterbücher werden als nützliches Hilfsmittel aktiv im Lernprozess eingesetzt. Sie ersetzen die in der Praxis erarbeiteten und erprobten Trainingstechnologien nicht, sondern ergänzen sie perfekt. Das Ergebnis der Untersuchung ist die praktische Umsetzung des vorgestellten Modells der Arbeit mit Frequenzwörterbüchern. Am zeitaufwändigsten und verantwortungsvollsten ist die Vorbereitung einer Auswahl von deutschsprachigem Textmaterial, das auf einer gut etablierten interdisziplinären Interaktion beruht. Die Erstellung des Auswahlhäufigkeitswörterbuchs erfolgt mit Standard-Microsoft Office-Tools. Die Korrektur des Wörterbuchs besteht in der automatischen und manuellen Entfernung von lexikalischen Einheiten, die für die Auffüllung des lexikalischen Bestandes der Studenten nicht von Wert sind [2].

Zunächst ein Frequenzwörterbuch, das durch Analyse eines ausreichend großen Textfragments auf Deutsch erstellt wurde (z. B. eine Auswahl deutschsprachiger Materialien aus dem Internet zu den Themen „Halbleiter“, „Das magnetische Feld“, „Die elektromagnetischen Wellen“, „Plasma und Sonnenzellen“, „Die Änderung des Aggregatzustandes“ „Die Entdeckung von

Heinrich Hertz “, „Die Röntgenstrahlung“, „Die Absorbitionsspektren“), demonstriert den Reichtum der verwendeten deutschen Fachbegriffe. Außerdem kann der Lehrer mithilfe des Frequenzwörterbuchs das erforderliche Vokabular seiner Schüler ermitteln, um einen Text erfolgreich lesen zu können. Wenn der Text groß genug ist, muss der Student zunächst die Wörter und Wortkombinationen studieren, die am häufigsten darin vorkommen (z. B. mehr als zwei- oder dreimal). Solche Wörter und Kombinationen können automatisch unterschieden werden, indem ein Frequenzwörterbuch basierend auf dem zu untersuchenden Text oder einer Sammlung von Texten zu einem bestimmten Thema erstellt wird.

Moderne Informationstechnologien sind jedoch in der Lage, bestimmte Neuerungen einzuführen, die den Prozess des Speicherns von Fremdwörtern und des Lesens von Originaltexten in einem bestimmten Themenbereich optimieren. Ein interessantes und relativ neues Lehrmittel, das bei der Entwicklung eines deutschsprachigen berufsorientierten Wortschatzes hilfreich sein kann, sind Frequenzwörterbücher. Frequenzwörterbücher spiegeln die relative Häufigkeit der Verwendung von Wörtern in einem Text, einer Sammlung von Texten eines bestimmten Fachs oder in der Umgangssprache wider. Frequenzwörterbücher ermöglichen es somit, den Prozess der Beherrschung des deutschsprachigen Wortschatzes entsprechend dem zukünftigen Berufsstand der Studierenden zu optimieren. In der Realität der modernen Welt gibt es viele Frequenzwörterbücher der gebräuchlichen deutschen Sprache. Es ist jedoch schwierig, Wörterbücher für enge Fachbereiche zu finden, und es ist für den Lehrer schwierig, ein solches Wörterbuch zusammenzustellen oder die Begriffe auszuwählen, die für die Schüler zum Studium eines bestimmten Fachs erforderlich sind. Wie Sie wissen, ist die Fachsprache eines Studenten-Wirtschaftswissenschaftlers und eines Studenten-Programmierers sehr unterschiedlich, und für eine erfolgreiche Geschäftskommunikation müssen solchen Studenten in Zukunft verschiedene Nuancen der Sprache beigebracht werden, was den Lernprozess rationalisieren wird. In diesem Zusammenhang besteht die dringende Aufgabe darin, Frequenzwörterbücher für verschiedene Fachbereiche zu erstellen, um die Qualität des professionell ausgerichteten Unterrichts der deutschen Sprache zu verbessern.

Literatur

1. Aleksejev P. M. Frequenzwörterbücher: Lehrbuch. – SPb.: Verlag in St. Petersburg. Uni., 2001–156 p. 2. Aho, A. Datenstrukturen und Algorithmen / A. Aho, D. Hopcroft, D. Ullman; per. aus dem Englischen – M.: Williams, 2000. – 384 S.
2. Malzeva T. V. Entwicklung von Algorithmen zur Erstellung von Frequenzwörterbüchern // Nachwuchswissenschaftler. – 2013. - Nr. 10. - S. 75-78. - URL <https://moluch.ru/archive/57/7917/> (abgerufen am 13. September 2019).

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Панасенко К.В., Омельченко Е.М., Зуйкова О.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М.Горького», г. Донецк, ДНР
katyaomelchenko@yandex.ru

Введение. Одной из самых важных целей изучения иностранных языков считается приобщение к другой культуре и участие в диалоге культур. Данная цель достигается путем формирования у студентов способностей к межкультурной коммуникации, т.е. приобретение необходимого уровня коммуникативной компетенции.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении понятия дискурсивной компетенции и особенностях ее формирования у студентов на занятиях иностранного языка.

Основная часть. Понятие коммуникативной компетенции – многоаспектно и содержит ряд так называемых субкомпетенций. Среди них как самую весомую следует выделить дискурсивную компетенцию, под которой следует понимать знание разных типов дискурсов и правил их построения, а также умение их образовывать в зависимости от коммуникативной ситуации. Дискурсивная компетенция предусматривает владение целым кругом определенных дискурсов. Сущность данного понятия и подходы к анализу дискурса (с позиции лингвистики текста, в коммуникативно функциональном, социолингвистическом, когнитивном и семиотическом аспектах) активно разрабатываются и уточняются в современной лингвистике как отечественными, так и зарубежными учеными-лингвистами.

В современной теории методики недостаточно внимания уделено понятию «дискурс», его роли в обучающем процессе и его обучающему потенциалу. В дальнейшем кратко рассмотрим, что представляет собой данный феномен и каковы возможности его использования в процессе изучения иностранных языков.

Как известно, возникновение и развитие теории дискурса, становление практики его анализа определяют основные тенденции развития лингвистики конца XX – начала XXI века. В лингвистической литературе «дискурс» очень широко используется [1, 3, 5], а на сегодняшний день не существует единого обозначения, которое охватывало бы все контексты его употребления. Общеупотребительный характер разнообразных подходов к понятию «дискурс» позволяет

выделить три типа координат определения сущности дискурса: с точки зрения формальной интерпретации дискурс — это употребление языка во всех его видах, в ситуативной интерпретации под данным понятием следует понимать употребление средств языка в рамках социальных, психологических и культурных обстоятельств общения людей [3,90].

По своей сути дискурс диалогичен. Однако не следует смешивать диалогичность дискурса с диалогом, как формой, которая допускает обмен репликами, диалогичность означает адресность. Дискурс не репрезентует реальность, а активно конструирует ее, т. е. устанавливает диалогические отношения между адресатом и адресантом.

В теории обучения иностранным языкам понятие дискурса стало использоваться еще в 70-е годы прошлого века. На протяжении последнего периода его трактование претерпело значительных изменений и, как следствие, изменилась его роль и подходы к нему. Если в 60-70 годы дискурс рассматривался как связная последовательность предложений или речевых актов, то в данный момент дискурсная репрезентация является достаточно емкой [4], вследствие чего понятие дискурса расширилось и получило право на самостоятельное существование.

В системе обучения иностранным языкам дискурс следует рассматривать как сложное коммуникативное явление, которое, кроме текста, содержит также экстралингвистические факторы, которые необходимы для изучения текста [2]. В отличие от текста, который в первую очередь является носителем определенной информации, а также образцом использования необходимого языкового материала в речи, в дискурсе реализуются коммуникативные компетенции адресата к определенному адресанту, представителя другой культуры, в контексте конкретной коммуникативной ситуации, которые выражены соответствующими вербальными и невербальными средствами. При этом адекватность речевого поведения участников общения оценивается успехом речевого взаимодействия, т.е. достижением коммуникативной цели, а также соответствием правилам речевого и не речевого поведения в данном культурном сообществе.

Следовательно, дискурс является не только продуктом речевой деятельности, но и процессом его образования, который определяется внеязыковыми условиями, т.е. коммуникативным контекстом и условиями общения. Стратегия речевого взаимодействия, вербальное и невербальное поведение участников общения, а также тип, форма и содержание текста, который создается или воспринимается, определяется данным культурным контекстом и коммуникативными целями коммуникантов.

Выше обозначенное позволяет прийти к выводу: тот, кто изучает иностранный язык, не должен заучивать тексты как образцы речевой реализации определенного содержания/темы, вместо этого создавать/

воспринимать дискурсы, руководствуясь коммуникативной целью и ситуацией общения.

В свою очередь, слушатель, которому адресуется речь, также должен сориентироваться в ситуации и определить коммуникативную интенцию адресата. Только в таком случае произойдет полноценный акт общения. Очевидно, что для осуществления таких коммуникативных действий требуется высокий уровень речевых умений, который достигается в рамках целенаправленной методики обучения процессу образования и восприятия дискурсов, что соответственно обеспечивает формирование дискурсивной компетенции.

К основным положениям, которые являются составляющими основы формирования дискурсивной компетенции, следует отнести четыре, а именно: 1. Дискурс должен занимать ведущее место в системе обучения межкультурной компетенции; 2. Процессу обучения речи (устной и письменной) должен предшествовать отбор типов дискурсов, которые отвечают целям обучения в конкретном учебном заведении; 3. Знакомство с конкретным дискурсом должно происходить путем его аудиовизуального представления (демонстрация фильмов, слайдов, фотографий, аудио диалогов и т.д.); 4. Обучение процессу образования/восприятия дискурса должно включать в себя три этапа: ознакомление, тренировка, практика общения.

Заключение. Реализация вышеобозначенных положений обеспечивается определенной системой обучения, состав которой рассматривается в рамках заявленного доклада.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. – М.: Гнозис, 2004. – 397 с.
2. Караулов Ю.И., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса. Вступительная статья к книге Т.А. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Просвещение, 1989. – С. 5-11.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса: Монография. – М. Гнозис, 2003. – 277 с.
4. Франко О.Б. Спонукальний дискурс (на матеріалі німецькомовних художніх творів ХХ ст.). – К.: Видавничий центр КНЛУ. 2010. – 127 с.
5. Chafe W. Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing/ - Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

ОРГАНИЗАЦИЯ АУДИТОРНОЙ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ

Полякова В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

v.r.94@mail.ru

Введение. Аудирование является важным звеном устной коммуникации, обеспечивающим адекватность речевого поведения в разнообразных ситуациях иноязычного межкультурного общения на повседневном и профессиональном уровне [1]. Однако уровень владения аудированием зачастую значительно уступает степени сформированности умений в других видах речевой деятельности, что обуславливает непрекращающийся исследовательский интерес к устной рецепции. В условиях ограниченного количества аудиторных часов, отводимых на изучение ИЯ на неязыковых факультетах, целесообразно прививать студентам умения самостоятельно совершенствовать речевые навыки, пользоваться учебными материалами без непосредственного контроля преподавателя, либо выполнять индивидуальную работу в соответствии с установкой преподавателя.

Цель – теоретически обосновать факторы успешной организации обучения аудированию, а также описать способы повышения мотивации студентов к самостоятельной работе с аудитивными материалами.

Основная часть. Методика формирования умений аудирования включает себя отбор аудитивных материалов, разработку системы обучения данному виду речевой деятельности, а также созданию комплекса упражнений для каждого этапа работы [2].

Для успешной организации процесса обучения аудированию, необходимо учитывать следующие факторы:

1. Наличие специально отобранного аудитивного материала для соответствующих направлений подготовки.
2. Коммуникативная целесообразность учебных материалов, что является основой для моделирования учебной ситуации.
3. Учет степени реальной коммуникативной ориентированности.
4. Наличие воспитательной и образовательной ценности предлагаемых материалов.

Предварительное ранжирование текстов, отобранных для аудирования, необходимо для установления степени информационной, смысловой, лексико-грамматической и интонационно-синтаксической сложности для устного восприятия речевого высказывания [3].

При обучении аудированию представляется целесообразным делить аудиторное занятие на три этапа (упражнения, выполняемые до прослушивания текста, при прослушивании текста и после прослушивания текста). Систематизированные задания на аудирование можно предлагать как на всех этапах обучения, при этом меняя только текстовый материал: от простых текстов на I этапе, с нарастанием трудностей на последующих этапах:

1) ознакомление с новой лексикой, которое основано на контекстуальной догадке в ситуациях, сходных с темой текста на аудирование;

2) установка на первое прослушивание.

Например: а) прослушать текст, понять и запомнить как можно больше информации с целью передачи содержания на русском языке; б) прослушать текст и во время прослушивания записать как можно больше ключевых слов.

3) первое прослушивание текста с последующей проверкой данных в предложенных заданиях;

4) вопросы преподавателя с целью проверки понимания текста. Все типы вопросов;

5) установка на второе прослушивание.

Например: а) прослушать текст и определить его главную идею (преподаватель предлагает несколько предложений на выбор); б) прослушать текст и обратить внимание на детали с тем, чтобы назвать их после прослушивания.

6) второе прослушивание с последующей проверкой данных в письменных заданиях;

7) неверные утверждения преподавателя по тексту с целью проверки понимания и исправления их студентами;

8) пересказ текста по цепочке;

9) вопросы учащихся друг другу по содержанию текста в режиме «студент–группа», «группа–студент»;

10) краткое изложение основного содержания текста с опорой на ключевые слова.

Проведение подобных занятий в лингафонном кабинете усилит интерес у студентов и значительно сэкономит время преподавателя на данный вид работы. Также целесообразно применять информационные технологии взаимодействия, в частности медиавзаимодействие и Интернет-диалог.

Для самостоятельной работы студентов можно в первую очередь порекомендовать уникальный по своей образовательной ценности Интернет-сайт bbclearningenglish.com, успешно используемый при обучении английскому языку. Материалы сайта разделены по уровням языковой подготовки (Lower Intermediate, Upper Intermediate, Intermediate,

Towards Advanced), в каждом из которых содержатся видеоуроки на различные темы, сопровождаемые лексическими и грамматическими комментариями. Сайт предлагает также раздел «Words in the News», содержащий последние мировые новости в виде коротких репортажей. Студенты имеют возможность не только прочитать, но и прослушать репортаж и отработать лексику по теме. В разделе «Related BBC Links» можно увидеть сюжет из теленовостей BBC по этой теме. Разделы «Read More», «Related Stories» и «Related Internet Links» содержат дополнительную информацию, которая расширяет кругозор студента. Студенты имеют возможность выбрать актуальные репортажи на самые разные темы из раздела «Latest Reports». Обучающийся самостоятелен не только в выборе тематики, но и в определении степени сложности материала. Такой вид работы строится по принципу индивидуализации обучения и реализует дифференцированный подход к обучению.

Особую ценность представляют «Video Stories», когда студент не только слышит, но и видит сюжет. Сначала диктор сообщает тему видеосюжета и зачитывает список активной лексики. При этом студенты имеют возможность прочитать дефиницию каждого слова. Затем диктор читает репортаж на фоне видеоряда. После этого студенту предлагается прослушать репортаж еще раз и увидеть активную лексику на экране по мере появления ее в тексте. Следующее задание – просмотреть видеосюжет еще раз с полным текстом в виде бегущей строки. Последнее задание – вставить эти слова в другой контекст и проверить себя по ключам. Такое многократное использование лексики способствует ее быстрому усвоению.

Самостоятельная работа студентов контролируется на аудиторных занятиях, в виде «круглого стола», когда студенты представляют свои презентации на основе проделанной работы.

Заключение. Таким образом, при организации самостоятельной работы студентов неязыковых специальностей с использованием подобных интернет-ресурсов реализуются все основные принципы дидактики: доступность, индивидуализация, посильность, наглядность, сознательность и активность. Рассмотренные виды аудиторной и внеаудиторной работы способствуют формированию умений восприятия и понимания устной речи на слух, а также вызывают у обучающихся интерес к учебной работе и достигаемым результатам.

Список литературы

1. Валиуллина, Ф. М. Обучение аудированию студентов неязыковых специальностей / Ф. М. Валиуллина. – Одесса, 2012 – С. 65-68.
2. Коньшева А.В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку / А.В. Коньшева. – СПб.: КАРО, 2005. – 208 с.
3. Сафонова В.В. Спорные вопросы создания материалов для контроля умения аудировать на ИЯ / В.В. Сафонова. – М., 2004.

ЮМОР КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Прокофьева С.В., канд. экон. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
SvProk08@mail.ru

Введение. Современный преподаватель должен владеть разными умениями, навыками и специальными чертами характера, среди которых особую ценность имеет способность создавать психологически комфортную атмосферу на занятии, что достигается во многом благодаря чувству юмора педагога [2]. Отсюда юмор может выступать и как педагогическое средство. Однако, особенности и возможности включения юмора в педагогическую практику еще недостаточно изучены и потенциал этого явления остается, действительно, высоким, хотя в философии, педагогике, психологии юмор, как многогранное явление, исследовали еще с древних времен такие выдающиеся ученые, как Аристотель, Р.Декарт, Ж.Руссо, З.Фрейд, А.Макаренко, В.Сухомлинский и др.

Цель работы – определить функции и возможности применения юмора на занятиях по иностранному языку в высшем учебном заведении.

Основная часть. По мнению психологов, юмор способствует обучению по двум направлениям: непосредственно через эмоциональную сферу и стимулирование познавательного процесса, ответственного за запоминание информации, и косвенно через создание доброжелательной атмосферы в аудитории, что, несомненно, также благотворно влияет на усвоение знаний [1].

Во время занятия для создания эффекта комического преподаватель может использовать различные формы юмора: шутки, каламбуры, парадоксы, анекдоты, афоризмы, притчи.

Юмористический текст в учебном процессе выполняет такие функции:

- 1) рассмешить, развеселить, т.е. эмоционально окрасить информацию, что заметно улучшит ее запоминание;
- 2) разрядить обстановку, установить контакт и повысить внимание студентов;
- 3) пополнить запас языковых выражений для демонстрации мыслей;
- 4) развить чувство юмора и способность выражать отношение к изучаемому материалу.

Большинство видов работ с использованием юмора на самом деле не новы, но применение шуток вместо более традиционных и «серьезных»

текстов делает обучение более увлекательным и стимулирующим для студентов.

При выборе юмористических текстов, на наш взгляд, необходимо руководствоваться рядом критериев. Помимо того, что тексты должны быть приятными и забавными, они должны отвечать таким требованиям:

- быть на естественном запоминающемся языке;
- приближены к лексико-грамматическим требованиям учебной программы;
- соответствовать уровню знаний учащегося (студенты должны быть знакомы с большей частью словарного запаса и грамматических структур в тексте);
- быть динамичными, когда действие преобладает над описанием;
- содержать мини-диалоги для стимулирования речевой деятельности, для обеспечения возможного обыгрывания;
- содержать словарный запас, который является конкретным и легко демонстрируемым;
- содержать некоторые реальные описания жизни и культуры страны изучаемого языка.

Юмористические тексты могут стать материалом для любой части занятия (warm-up, follow-up, feedbacks, discussions, grammar practice, vocabulary and reading practice etc). Например, упражнение можно построить так, что студенты рассказывают друг другу анекдоты. Каждому студенту группы выдается шутка. Им дается время, чтобы ее прочитать и попрактиковать. Далее студенты ходят по аудитории, рассказывая свои шутки тому, с кем встречаются. В конце упражнения можно выяснить, какую шутку студенты сочли самой смешной и прочитать ее всей группе.

Большинство из этих упражнений в основном являются упражнениями по заполнению пробелов, связанных с грамматикой: от времен глагола, трудностей употребления прилагательных, артиклей, предлогов до фразовых глаголов и идиом. Роль преподавателя в данном упражнении во многом пассивная. Он в основном отвечает за подготовку материала в достаточном количестве, четкое объяснение того, что должно быть сделано, проверку ответов в конце упражнения. Студенты работают независимо от преподавателя в своем темпе. Он ходит по классу, слушая и отслеживая их успехи, и вмешивается или помогает только в случае крайней необходимости. Процесс проверки часто является неотъемлемой и, с точки зрения обучения, важной частью деятельности, когда преподаватель указывает на ошибки студента.

Заключение. Таким образом, юмористические учебные материалы имеют ряд преимуществ. Во-первых, они повышают мотивацию, будучи потенциально забавными [3]. Во-вторых, они запоминаются и могут помочь студенту усвоить лексический и грамматический материал. Наконец, они приводят к спонтанной практике и закреплению

грамматических конструкций через естественное желание студента делиться шутками с другими.

Список литературы

1. Deneire M. Humor and foreign language teaching / M. Deneire // Humor. – 1995. – Vol. 8. – № 3. – P. 285-298.
2. Schmitz J.R. Humor as a pedagogical tool in foreign language and translation courses // J.R. Schmitz / Humor. – 2002. – Vol. 15. – № 1. – P. 89-113.
3. Wagner M. The use of humor in the foreign language classroom: Funny and effective? / M. Wagner, E. Urios-Aparisi // Humor. – 2011. – Vol. 24. – № 4. – P. 399-434.

УДК 811.111:378.147.001.26 (075.8)

LUCID EYE – УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сахацкая М. Е., Гудова О. В., Кирилюк А. П.,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

kf.tpp@donnu.ru

Введение. В настоящее время существует огромное количество учебников и учебных пособий для изучения иностранного языка, разработанных разными авторами. Преподавателю бывает трудно справиться с этим многообразием и выбрать один учебник, который бы соответствовал всем требованиям читаемой дисциплины. В связи с этим возникает необходимость создания учебника или учебного пособия самими преподавателями, читающими дисциплину в высшем учебном заведении.

Преподавателями кафедры теории и практики перевода факультета иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» разработан практический курс по английскому языку для студентов образовательной программы магистратуры и образовательной программы специалитета, а также может быть рекомендован студентам, изучающим иностранный язык в социально-общественных направлениях подготовки. Цикл тем, представленных в учебном пособии, включает проблематику окружающей среды, вопросы религии, мировую экономику, проблемы феминизма и гендерной дискриминации в современном обществе.

Цель учебного пособия – повышение профессионального уровня студентов посредством овладения специализированной лексикой, расширения знаний об исторически обусловленных процессах в современном обществе и интеграции информационных пространств Донецкой Народной Республики, Российской Федерации и других стран.

Основная часть. Актуальность и ценность учебного пособия LucidEye заключается в том, что оно содержит обширный лексический материал и специально разработанные к нему упражнения по темам, которые предусмотрены рабочей программой, и не имеют аналогов в отечественной и зарубежной учебной литературе. С целью воспитания толерантности в религиозных вопросах и вопросах гендерной дискриминации авторы включили информацию страноведческого и исторического характера, осветив широкий круг конфессий и взглядов в материалах для чтения, лексико-грамматических упражнениях, аудио- и видеоматериалах, а также предложив для обсуждения вопросы дебатного характера, позволяющие рассмотреть темы с разных точек зрения. Использование статей для реферирования из аутентичных публицистических источников (газет, информационных агентств) Российской Федерации, Великобритании, США и других стран мира способствует расширению кругозора студентов в вопросах экологических проблем и их решения, культурного наследия и открытий в сфере религиозной жизни, новостей экономики и состояния рынка занятости представителями обоих полов. В языковом отношении учебное пособие рассчитано на обучающихся, владеющих уровнем B2, и содержит форматные задания уровня B2-C1 по европейской шкале.

Практический курс состоит из 4 тематических циклов, приложений, а также статей для реферирования к каждой теме. Общее количество страниц составляет 187. Каждая тема разработана с целью развития всех видов речевой деятельности (чтение, говорение, письмо, аудирование), что определяет внутренние подразделы цикла, а именно: вводная часть, подготавливающая студентов к обсуждению темы в когнитивном и языковом аспектах; лексико-грамматический раздел в сочетании с заданиями по чтению либо с отработкой лексического наполнения темы; вопросы для обсуждения, как форматные уровня C1-C2, так и дебатного характера, с активацией отработанного словарного запаса; письменный раздел, подразумевающий реферирование видео сюжета либо статьи, упражнения на перевод, а также форматные задания с соответствующими рекомендациями по выполнению и клише (эссе с элементами реферирования и выражением мнения, деловое письмо, статья). Аудио- и видео задания сопровождают подразделы на протяжении каждой изучаемой темы.

Раздел Appendices содержит обширные информационные материалы об экологических проблемах, различных религиозных конфессиях, экономических понятиях в разрезе и великих женщинах в истории человечества, с сопровождающими вопросами для викторин на общее понимание информации. Данные приложения рекомендуются для использования в разработке презентаций, либо для самостоятельной работы с целью формирования лингвострановедческой компетентности.

Цикл Rendering предлагает 3-4 статьи по каждому тематическому блоку для развития навыков реферирования на занятиях и для самостоятельной работы обучающихся. Материалы отличаются актуальностью информации (2019г.), разнообразием тем (затрагивают вопросы, смежные с изучаемым циклом) и стилей (публицистический, деловой).

В соответствии с рабочей программой учебное пособие LucidEye рассчитано на 56 академических часов (28 лабораторных занятий) со следующим распределением часов по темам (табл.1):

Таблица 1

№ п/п	Название тематического цикла	Количество часов
1.	The Earth is what we have in common (окружающая среда)	18
2.	An article of faith (религия)	18
3.	Ahead of the game (мировая экономика)	14
4.	Woman of parts (феминизм, гендерная дискриминация)	6

К учебному пособию прилагаются аудио- и видеоматериалы как для аудиторной, так и самостоятельной работы студентов.

Заключение. Данный практический курс рекомендуется использовать как академическое пособие для формирования переводческой и лингвистической компетенции, так и при подготовке к сдаче форматных международных экзаменов на подтверждение языкового уровня C1-C2, позволяющее оптимизировать учебный процесс и подготовку преподавателя к занятию.

Список литературы

1. Betsis A., Haughton S., Mamas L. Succeed in Cambridge English: Proficiency. – Brighton: Global ELT Ltd, 2012 – 119 p.
2. Betsis A., Mamas L. Succeed in Cambridge English: Advanced. – Brighton: Global ELT Ltd, 2014 – 188 p.
3. Kenny N., Newbrook J. CAE Practice Tests Plus. – Harlow: Pearson Longman Ltd, 2008 – 195 p.
4. Lewis M. Liar's Poker. – New York: W.W. Norton & Company, 1989 – 236 p.
5. MacKenzie I. English for the Financial Sector. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008 – 161 p.
6. Osborne Ch., Nuttall C. Heinle Exam Essentials CAE Practice Tests. – London: HeinleCengage Learning, 2009 – 278 p.
7. Phillips C. Increase Your Wordpower. – Wloclawek: Altravox Press, 2013 – 176 p.
8. Scott-Barett F. Proficiency Listening and Speaking. – Harlow: Longman, 1999 – 97 p.
9. Sweeney S. Test Your Professional English Marketing. – Harlow: Pearson Education Ltd, 2002 – 114 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ

Суслова Э.В., канд. пед. наук, доцент,

Семенова Е.С.

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет

им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск, РФ

kafedra.nem.ulgpu@mail.ru

Введение. Современные методики обучения иностранному языку включают в себя наиболее актуальные и действенные способы изложения материала для учащихся, основой которого является коммуникативная направленность и развитие компетенций. Одной из наиболее актуальных проблем при изучении иностранного языка является обучение лексике.

Цель работы – раскрыть наиболее известные методики обучения лексике, выявить основные принципы специфики обучения первому иностранному языку и разработать задания для учащихся.

Принципы и методы обучения лексике. Целью обучения лексике является развитие устных и письменных форм общения, овладение ситуативными, социальными, контекстуальными правилами, которых придерживаются носители языка.

Ученики должны владеть следующими навыками, умениями и знаниями:

1. продуктивные навыки,
2. рецептивные навыки,
3. социокультурные знания и умения в области лексики,
4. лингвистические знания в области лексики [1, с. 288].

Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлетова называют стадии формирования лексических навыков: восприятие и осознание значения новой лексической единицы; имитация нового слова/словосочетания во фразе; обозначение (использование лексической единицы в ограниченном контексте); комбинирование с другими словами/словосочетаниями; употребление нового слова/словосочетания в неограниченном контексте. [2, с. 362]

Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез выделяют трудности, с которыми сталкиваются ученики при изучении новых лексических единиц: объем и значения слов, которые нужно запомнить, многозначность слов, употребление слова в конкретных ситуациях общения. [1, с. 289] Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова дают такое определение слову «метод» – это «принципиальное направление в обучении иностранным языкам, характеризующееся определенными целями, содержанием и принципами обучения». [3, с. 54].

К традиционным методам обучения лексике относят грамматико-переводной метод, который подразумевает под собой наличие новых лексических единиц непосредственно перед текстом, в контексте которого эти слова употреблены. Этот метод используется практически во всех общеобразовательных учреждениях. Однако существует мнение, что с развитием материально-технических средств обеспечения данный способ продуктивен не настолько хорошо, как раньше. В настоящее время многие методисты включают более современные способы работы с учащимися. Одной из предложенных методик обучения лексике является создание карточек с новыми лексическими единицами. Этот способ заучивания новых слов подразумевает под собой использование возможностей интернета. Следующая методика обучения лексике также широко распространена среди педагогов — ведение учениками «вокабуляров» или «словарей» по изучаемому языку. Е. Н. Соловова отмечает, что «учащиеся записывают только известные им слова, а значит составляют собственный «словарик», а не словарь в подлинном смысле слова» [4, с. 83]. Е. Н. Соловова дает рекомендацию по ведению «словариков» : вместо традиционных трех столбиков, включающих в себя иностранное слово, транскрипцию, русский перевод, Е. Н. Соловова предлагает заменить столбик с транскрипцией на «колонку с синонимами, антонимами, словосочетаниями» для наиболее продуктивного заучивания новых слов [4, с. 83].

Г. В. Рогова, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахарова считают метод одномоментного перевода и толкование на родном языке, как метод, имеющий «наиболее экономные и надежные способы семантизации» [3, с. 92].

Одной из задач учителя является повышение мотивации на самостоятельное знакомство учеников с новой лексикой, так как «выяснение значения слова — это естественная операция, которая производится постоянно». Приучая учащихся к самомотивации на раннем этапе обучения иностранному языку, учитель формирует полезную привычку, благодаря которой дальнейшее изучение иностранного языка будет являться более продуктивным [3, с. 92].

По мнению Е. Н. Солововой, лексические единицы следует вводить в определенном контексте. Контекст помогают формировать ассоциации. «Чем обширнее ассоциативные связи слова, тем выше процент запоминания и разнообразнее контекст употребления слова». Особое значение имеет создание различных связей слова в различных контекстах. Все учебные темы в общем имеют следующие составляющие: «Природа», «Человек и его окружение», «Праздники», «Страны и путешествия», «Книги» [4, с. 86].

В «Методике обучения иностранным языкам» представлены следующие типы работы с новыми лексическими единицами :

1. Ученики списывают слова в тетрадь (словарь).
2. Ученики читают слова за учителем и самостоятельно.

3. Ученики выполняют ряд упражнений:

3а) имитативные вопросно-ответные;

3б) составление предложений с новыми словами;

3в) заполнение пропусков в предложении;

3г) поиск синонимов, антонимов, соотношений отдельных слов либо готовых частей предложений;

3д) придумывание «ситуаций» с новыми словами;

4. Ученики составляют короткий рассказ по теме [3, с. 99].

Экспериментальное исследование эффективности методов обучения лексике. Апробация данных методов была проведена в средней общеобразовательной школе с учащимися 11 класса «А», «Б». 11 «А» классу был предложен традиционный грамматико-переводной метод обучения. Учащиеся получили текст, перед которым был прописан вокабуляр с новыми лексическими единицами. Прежде чем приступить к прочтению текста, с учащимися была проведена работа по изучению новых слов и словосочетаний. Затем ребятам было дано задание прочитать текст и оценить, насколько наличие вокабуляра перед текстом способствовало улучшению понимания текста.

Следующий эксперимент был проведен с учащимися 11 «Б» класса. Учащимся был предложен нетрадиционный метод обучения. Учащиеся получили текст, при самостоятельном прочтении ученики должны были сами выделить новые для них лексические единицы. После выполнения задания с учениками проводилась работа по переводу незнакомых для них слов/словосочетаний. Затем учащиеся оценивали, насколько самостоятельное выделение и дальнейшая совместная семантизация новых лексических единиц помогли им понять текст. В обоих случаях текст был один и тот же, в процессе эксперимента учащиеся 11 «А» класса отметили эффективность традиционного метода на 82 %, объясняя свой выбор тем, что такой метод для них привычнее. Оставшиеся 18 % выразили свое мнение, что не все новые лексические единицы были представлены в вокабуляре. Результаты данного эксперимента показывают, что грамматико-переводной метод не направлен на учет индивидуальных знаний учащихся, однако пользуется популярностью, так как уже устоялся в системе образования и является привычным методом обучения.

Эксперимент в 11 «Б» показал, что использование нетрадиционного метода понравилось 79 % учащихся, 21 % отметили, что собственно составленные вокабуляры сильно отличались у учащихся. Данный метод эффективен при индивидуальной работе, при обязательной дальнейшей проверке. Учащиеся также отметили, что при таком методе у них «включалась языковая догадка», феномен, который представлен в трудах Г. В. Роговой, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахаровой: как «одна из составляющих самостоятельной семантизации слов, которая интегрирует жизненный и языковой опыт, является результатом всех обучающих и жизненных воздействий...данное явление носит субъективный характер» [3, с. 98].

Заключение. Таким образом, эффективность методов обучения лексике будет максимальна при их вариабельности в процессе обучения, специфика использования данных методов зависит от многих параметров: целей обучения, количества часов, отведенных на изучение иностранного языка, уровня владения языком учащихся.

Рекомендации преподавателю представлены в трудах Е. Н. Солововой:

1. Учащимся следует предлагать такие темы, тексты, задачи, в которых содержится новая для них информация и которые близки им по контексту деятельности.

2. Преподавателю чаще следует использовать различные языковые и речевые игры, проблемные задания и элементы соревнования.

3. Преподаватель должен показывать пример речевого взаимодействия, вежливого отношения к оппоненту, готовности к решению возникающих проблем. Е. Н. Соловова советует чаще хвалить учеников, при этом используя различные коммуникативные приемы (как вербальные так и невербальные)

Преподавателю необходимо использовать на уроке индивидуальные, парные, групповые формы работы на уроке. Так как именно в процессе совместного выполнения учебных заданий можно моделировать условно-коммуникативные и реальные коммуникативные ситуации на уроке [4, с. 33].

Список литературы

1. Гальскова, Н.Д.; Гез, Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. - М.: Академия, 2006. – 336 с.
2. Пассов, Е.И.; Кузовлетова, Н.Е. Урок иностранного языка. – М.: Глосса-Пресс, 2010. – 640 с.
3. Рогова, Г.В.; Рабинович, Ф.М.; Сахарова, Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
4. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2005. – 239 с.

УДК 811.11:81'25:378

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОГРАММ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Сирота Т.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ansir2911@gmail.com

Введение. Профессионально-ориентированное обучение предполагает изучение иностранного языка с учетом специфики выбранной профессии. В научных трудах рассматривается обучение языку

с учетом профессиональной направленности как в целом, так и для конкретных специальностей. Несмотря на то, что проблемы обучения раскрываются с различных позиций, уровень иноязычной подготовки специалистов остается неудовлетворительным.

Целью данного исследования является рассмотрение теоретических основ преподавания английского языка для специальных целей. Особое внимание уделяется этапам работы в процессе обучения английскому языку студентов неязыковых вузов.

Дадли-Эванс и Сэнт Джон считают, что обучение языку для специальных целей (LSP) существовало со времен Греческой и Римской империй, когда люди общались с носителями других языков, но были ограничены во времени для совершенствования коммуникативных навыков [1; 472]. В XX веке, когда английский язык стал распространяться во всем мире, язык для специальных целей (LSP) трансформировался в английский язык для специальных целей (ESP). Убер Гросс считает, что зарождение этого направления началось в Англии в 20-х годах XX века, распространилось в английских колониях и продолжает свое развитие до сих пор [1; 472]. Дадли-Эванс и Сэнт Джонс [1; 121] выделяют 5 ключевых этапов в обучении и преподавании ESP: анализ потребностей профильных учебных заведений и студентов, разработка учебной программы, подбор (или разработка) материалов, процесс обучения, оценка результатов.

Определение и анализ потребностей. В процессе анализа потребностей в обучении необходимо ответить на вопросы кто? (кого нужно обучать), что? (что нужно преподавать) и где? (где и когда необходимо проводить обучение) [2]. Для определения роли иностранного языка в профессии разработчики программ ESP должны определить языковые навыки для выполнения конкретной работы, оценить фактический уровень подготовки студентов и определить временные рамки для обучения языку.

Разработка программ обучения. Существует две категории учебные программ по английскому языку: аналитические (правила выводятся из контекста предоставленного материала) и синтетические (изучение отдельных сегментов языка от простых к трудным и интеграция этих частей для коммуникативных целей). Эти программы комбинируются с учетом потребностей и способностей обучающихся. Хармер [2] определяет некоторые критерии для разработки учебных программ:

1. Организация от более простых тем к более сложным.
2. Выявление наиболее часто используемых понятий в целевом языке.
3. Определение языковых форм и навыков, направленных на развитие профессионально – коммуникативной культуры специалистов.

Разработка материалов. Подбор и разработка материалов является одной из основных проблем, поскольку преподаватели ограничены во времени и не являются специалистами по предмету. Hutchinson & Waters [4; 106–108] определяют принципы для разработки материалов:

1. Материалы должны содержать интересные тексты для работы.
2. Материалы должны быть доступными и гибкими для творческой работы.
3. Материалы должны отражать природу языка и иметь баланс между сложностью задач и реальными перспективами их реализации.
4. Материалы должны стимулировать преподавателя для использования различных методов обучения.

Обучение. Как правило, преподаватели общего английского языка должны обучать студентов английскому для специальных целей без специальной подготовки. Поэтому им необходимо участвовать в анализе потребностей, разработке учебного плана, подборе или разработке материалов, анализе результата и, конечно, в процессе обучения. Что касается особенностей профильного обучения Хатчинсон и Уотерс [3; 163] утверждают, что учителям ESP не обязательно получать специальные знания. Успех заключается в позитивном отношении к содержанию ESP. Робинсон [4; 472] утверждает, что гибкость является ключевым качеством, необходимым преподавателю для работы с различными группами учащихся.

Оценивание. Программы ESP должны быть оценены с точки зрения того, какие цели поставлены и как они реализованы на практике. Hutchinson & Waters [4] предлагают процедуру, основанную на двух уровнях:

1. Оценивание студентов для выявления лингвистические проблемы и поиска для них оптимальные педагогические решения.
2. Оценивание программы. Оценивание программы заключается в анализе поставленных целей и полученных в процессе обучения результатах.

Такое двустороннее оценивание облегчает и помогает обеспечить преподавателя обратной связью об эффективности курса, методах обучения и материалах, улучшение необходимых изменений в дизайне курса ESP.

Заключение. Отношение обучающегося к обучению и стратегии обучения являются основополагающими в процессе ESP. Одной из главных задач преподавателя является обеспечение материалом с учетом потребностей и способностей учеников. Важно владеть не только базовыми знаниями языка, но быть компетентным в профессиональной сфере своих студентов. Обучение в профессиональных целях – это больше индивидуализированный, чем стандартизированный процесс, а студенты должны быть активными участниками этого процесса в аудитории и вне ее, выбирая приемлемые стратегии для достижения поставленных целей.

Список литературы

1. Dudley–Evans, T. Developments in ESP: a multi-disciplinary approach / Tony Dudley-Evans, Maggie Jo St. John. – Cambridge, UK: Cambridge University. – Press 3.

2. Harmer, J. The practice of English Language Teaching / J. Harmer. – Third edition. – Essex: Pearson Education, 2001.
3. Hutchinson, T. English for Specific Purposes: a Learner- centered approach / T. Hutchinson, A. Waters. – Cambridge: Cup, 1987.
4. Johns, A. M. Teaching English as a Second or Foreign Language: International in Scopes, Specific in Purpose / A. M. Johns, D. Price. – National Geographic Learning. – Pp. 471–486.

УДК 811.111:339.13:378

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У МАГИСТРАНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ТУРИЗМ»

Тимошенко Д.С., канд. экон. наук

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
artemideus@gmail.com

Туристская индустрия – относительно молодая и динамично развивающаяся сфера отечественной экономики, которая напрямую связана с мировыми процессами глобализации. Туризм находится в тесной взаимосвязи с техническим прогрессом и инновационными технологическими решениями. В этой связи требования, которые предъявляются сегодня к выпускникам направления туризм всех уровней (СПО, бакалавр, магистр), высоки и должны отвечать отечественным и международным стандартам.

Ключевые общепрофессиональные компетенции магистранта направления 43.04.02 «Туризм» ФГОС ВО 3++ ОПК-1 (готовность к коммуникации в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке для решения задач профессиональной деятельности) и ОПК-2 (готовность руководить коллективом в сфере своей профессиональной деятельности, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия) – суть основа дальнейших блоков профессиональной деятельности, состоящей из:

- проектно-конструкторская деятельность (ПК-1, 2, 3);
- производственно-технологическая деятельность (ПК-4, 5, 6);
- организационно-управленческая деятельность (ПК-7, 8, 9);
- сервисная деятельность (ПК-10);
- научно-исследовательская деятельность (ПК-11, 12, 13, 14).

Магистрант направления «Туризм» должен в равной мере овладеть данными компетенциями и реализовывать их на практике как с помощью родного языка, так и языка международного общения в туризме – английского.

Одновременно стоит отметить тот факт, что туристский рынок большинства регионов в основном представлен туристскими агентствами и туроператорами, предоставляющими услуги внутреннего, но не въездного туризма, в связи с чем мотивация овладеть иноязычной коммуникативной компетенцией у региональных студентов направления «Туризм» заметно снижается. Это обусловлено тем, что в коммуникативных отношениях «турагент – потенциальный турист» или «турагент – потребитель туристской услуги» иностранный язык не используется.

В то же время существует еще одна проблема в обучении навыкам использования ИЯ в качестве средства эффективной коммуникации в туристской сфере. Большинство студентов, приступая к обучению (чаще 2-3 семестр программы «Бакалавр»), ошибочно полагают, что туристское образование обеспечит им беспрепятственный доступ к неограниченным поездкам и путешествиям, услугам предприятий ресторанного бизнеса и индустрии развлечений. В процессе обучения и постепенного овладения универсальными и общепрофессиональными компетенциями, у студента происходит осмысление того факта, что потребитель туристского продукта и эксперт сферы туризма и гостеприимства не являются тождественными понятиями. В этот момент у студентов резко падает уровень интереса и мотивации к изучению профессиональных предметов, в том числе и к иностранным языкам как языкам профессионального общения.

Проблема мотивации также обусловлена повышенной нагрузкой в коммуникативном аспекте для студентов, которые только постигают основы туристской индустрии. Программа «Туризм» включает овладение навыком эффективной коммуникации с использованием языка профессионального общения (английский) и второго дополнительного ИЯ.

Овладение 2ИЯ в условиях контактирования трех языков – родного, 1ИЯ и 2ИЯ – порождает, по меньшей мере две закономерности: проблемы интерференции и одновременно возникает возможность положительного переноса [7].

Повысить уровень мотивации к изучению иностранного языка и овладению профессиональными компетенциями в данный период может применение технологий Content Language Integrated Learning (CLIL), предметно-языкового интегрированного обучения. Термин CLIL впервые был введен Дэвидом Маршем (David Marsh) в 1994 г. Двухединная цель, которую преследует данный метод, обеспечивает комплексность одновременного развития профессиональных навыков в туристской сфере и успешного и динамичного освоения коммуникативной компетенции с использованием как родного, также 1ИЯ и 2ИЯ.

Как показывает практика, магистранты направления «Туризм» охотнее и эффективнее овладевают языковыми навыками после практического ознакомления с международной туроператорской деятельностью (производственная практика, временное трудоустройство,

работа на стендах международных выставок и ярмарок, посещение международных мастер-классов и тренингов, привлечение к организации международных конференций и семинаров), поскольку грамотное выполнение даже самых элементарных задач наглядно иллюстрирует роль и место межкультурной коммуникации в международной туристской деятельности. Подобные практики дают понимание реальных должностных обязанностей на производстве, что, в свою очередь влияет на мотивацию магистрантов в вопросе профессиональной конкурентоспособности и самореализации. Для повышения эффективности процесса обучения и решению основных проблем формирования иноязычной коммуникативной компетенции у магистрантов направления «Туризм» высшей школе необходимо переосмыслить формат подачи материала и обратить особое внимание на культуру преподавания, обеспечив непрерывное самообразование и повышение квалификации педагогов туризма и преподавателей 1ИЯ и 2ИЯ, в частности.

Список литературы

1. Тимошенко Д.С. Дистанционное обучение: особенности подготовки профессионально ориентированных кадров сферы туризма Российской Федерации в период мирового финансово-экономического кризиса [Текст] / Д.С. Тимошенко // Сборник научных трудов 11 международной научно-практической конференции «Туризм и сервис: подготовка кадров, проблемы и перспективы», – М.:ФГОУ ВПО «РГУТИС»,;2009. –С.325-337.
2. Тимошенко Д.С. Проблемы развития туристического рынка Российской Федерации и подготовки профессионально ориентированных кадров сферы туризма в период мирового финансово-экономического кризиса [Текст] / Д.С. Тимошенко // Вестник Российского Нового Университета. Серия: Человек и общество – 2009. – № 3. – С. 125-130.
3. Тимошенко Д.С. Совершенствование механизма государственного регулирования в туризме Российской Федерации [Текст] / Д.С. Тимошенко // Экономические и гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (228). – Орел: ОрелГТУ. – С.14-18.
4. Тимошенко Д. С. Формирование технологии продвижения туристских услуг на региональном уровне : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Тимошенко Диана Сергеевна; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]- Москва, 2013. – 210 с.: ил. РГБ ОД, 61 13-8/1756.
5. Щербакова М. В. Конкурентоспособность выпускника как показатель качества высшего лингвистического образования/ М. В. Щербакова, Е. Ю. Чайка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. – 2015. – № 6 (101). – С. 59-68.
6. Щербакова, М.В. Организация процесса усвоения иностранного языка на основе изучения индивидуально-личностных особенностей студентов / М.В. Щербакова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 1. – С. 98-105.
7. Щербакова М.В. Особенности обучения второму иностранному языку студентов языковых факультетов //Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2003. – № 2. – С. 85-88.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Тупикина Д.С.,

Дружинина В.И., канд. филол. наук,

СОФ НИУ «Белгородский государственный университет», г. Белгород, РФ

dasha_tas@mail.ru

Сложности многоязычия и, в частности, преподавания второго иностранного языка все чаще становятся предметом внимания учителей, психологов и методологов. За последнее десятилетие новые возможности в организации школьного образования позволили ввести обучение второму иностранному языку в некоторых школах России, были опубликованы научные работы по данной проблеме, но ясности во многих вопросах еще нет.

Явление интерференции возникает, если вступают во взаимодействие несколько языков (в нашей практике: родной (русский) и иностранные – английский и немецкий), т.е. под влиянием одного языка происходит нарушение норм другой языковой системы. Причиной возникновения вмешательства является тот факт, что коммуникант выстраивает свою речь либо в соответствии с нормами своего родного языка или с нормами первого иностранного языка, самочинно создавая отношения и связи между отдельными языковыми явлениями другого (второго) иностранного языка. Научные исследования показывают, что проблемы многоязычного обучения очень сложны и охватывают все уровни (фонетический, лексический, грамматический, орфографический) и в целом влияют на продуктивную и рецептивную речевую деятельность при обучении второму иностранному языку.

Дискуссионным остаётся вопрос о том, какой из ранее усвоенных языков является источником произвольного переноса при обучении второму иностранному языку.

Но следует указать, что на первом этапе обучению иностранному языку (второму) очевидно большее влияние первого изучаемого иностранного языка, чем родного. Первый и второй иностранный язык воспринимается как нечто общее «инородное», имеющее единые правила. Влияние родного языка на второй иностранный язык уменьшается, а доля положительного переноса увеличивается. Это связано с развивающим влиянием языкового образования, постепенным формированием умения сочетать и соотносить знания, элементы изучаемых систем [3].

Как часто будет происходить явление интерференции и положительного переноса, зависит от нескольких факторов, основными из которых являются:

а) уровень речевого развития в родном языке. Осознанное владение родным языком повышает долю положительного переноса;

б) уровень владения первым иностранным языком. Чем лучше обучающийся владеет первым иностранным языком, тем меньше интерференция и тем больше доля положительного переноса;

в) величина промежутка времени, который отделяет изучение первого иностранного языка от второго иностранного языка. К сожалению, не представляется возможным определить оптимальную величину данного промежутка, т.к. этот фактор остается наименее изученным;

г) возраст обучающихся. [2]

При обучении немецкому языку, как второму иностранному, на фонетическом уровне мы сталкиваемся с ярко выраженной интерференцией, которая связана с прямым переносом произносительных навыков английского языка на немецкий язык. Наиболее частотными ошибками являются: произнесение буквосочетания *ch* как [tʃ], чтение *u* как [ʌ] в закрытом слоге, прочтение буквы *v* (фау) как [v], произнесение *v* в словах *h* в поствокальной позиции, неправильное произношение всех гласных и буквосочетаний. Для преодоления этих ошибок необходимо применение транскрипции на русском языке при работе над вводным фонетическим курсом немецкого языка. Это позволит облегчить и ускорить формирование аудио-произносительных и ритмико-интонационных навыков.

Лексическая интерференция ярко проявляется в процессе обучения диалогической и монологической речи на втором иностранном языке. Наиболее частыми ошибками являются: замена немецких слов на семантические эквиваленты из английского языка, желание использовать заимствования вместо часто употребляемых слов исконно немецкого происхождения.

Грамматические системы русского, английского и немецкого языков очень схожи. Схожие черты проявляются как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне. На уровне морфологии мы можем отметить, что данные языки имеют одинаковые части речи, члены предложения. При сопоставлении любой части речи мы можем найти различия, например, несовпадение рода: *флаг* (м.р.) – *die Fahne* (ж.р.), *девочка* (ж.р.) – *das Mädchen* (ср.р.). Также огромные затруднения вызывают притяжательные местоимения. В русском языке принадлежность не изменяется в зависимости от лица, в немецком языке напротив, принадлежность определена по лицам. Большую трудность представляет собой система определителей, в частности, артикли. В русском языке такого понятия нет, а в немецком языке они более развиты, чем в английском, так как имеют формы не только рода и числа, но и падежа. В качестве положительного переноса с первого иностранного языка на второй иностранный язык в сфере изучения глагола могут рассматриваться такие грамматические структуры, как правильные и неправильные глаголы, наклонение, страдательный залог, простые и сложные

времена и их согласование. На синтаксическом уровне явление интерференции обнаруживается, прежде всего, в нарушении порядка слов. В английском четкие правила порядка слов, всегда на первом месте подлежащее, а затем сказуемое. В немецком языке зависит от многих факторов постройка предложения. Но порядок слов тоже нарушать нельзя, иначе пропадет смысл. Это и вызывает трудности у обучаемых, потому что в русском языке можно не соблюдать порядок слов.

Для успешной борьбы с этими явлениями мы считаем наиболее продуктивной реализацию межъязыкового сравнения, межъязыковых контрастирующих упражнений и перевода. В этом случае целесообразно проводить параллели между немецким и английским языками, поскольку они являются представителями одной и той же генеалогической группы.

Учет всех факторов интерференции изучения немецкого языка (как второго иностранного языка) позволяет предотвращать ошибки, сокращать их количество и тем самым облегчать процесс усвоения второго иностранного языка, что отвечает целям интенсивного учебного процесса. Кроме того, сознательный подход к изучению второго иностранного языка стимулирует более глубокое понимание первого иностранного языка, поскольку взаимодействие опыта изучения языков, несомненно, оказывает взаимообогащающий эффект.

Список литературы

1. Калинина Е.Н. Проблемы интерференции и языкового дефицита: автореф. дис. канд. филол. наук / Е.Н. Калинина. – М., 1976. – 22 с.
2. Карташова В.Н. Проблема интерференции в обучении немецкому языку / В.Н. Карташова // Филол. науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3(45). – Ч. II. – С. 109-111.
3. Щепилова А.В. Проблемы преподавания второго иностранного языка и вопросы подготовки педагогических кадров / А.В. Щепилова // Иностранный язык в школе. – 2000. – № 6. – С. 15-22.

УДК 811.111-26

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

Туболева А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР

ann29111@rambler.ru

Неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки специалистов разного профиля является изучение иностранного языка,

который является важной частью современного ритма жизни. Изучение иностранного языка – шаг слишком важный, то есть, требующий значительных усилий. Это также является залогом будущей удачной карьеры студентов. Для достижения высокого уровня иностранного языка преподавателю важно знать новейшие методы преподавания, специальные учебные техники и приемы, чтобы оптимально подобрать тот или иной метод в соответствии с уровнем знаний, потребностей, интересов студентов.

Рациональное использование методов обучения на занятиях иностранного языка требует креативного подхода со стороны преподавателя, ведь "педагогика является наукой и искусством одновременно, потому и подход к выбору методов обучения должен основываться на творчестве педагога" [1: 159-160]. Метод обучения – одно из центральных понятий в преподавании иностранного языка. Метод, который вы используете, отображает ваше видение языка и широту ваших знаний. Чем является для вас язык – совокупность грамматических конструкций, набор лексем, ряд устойчивых выражений или даже живое создание? В данной статье мы детально проследим за современными методами обучения иностранному языку в ВУЗе. [2: 56-57].

TBL (Task-based learning). Язык считается средством коммуникации с использованием функций, лексики, отдельных структур или других единиц языка. Язык изучается через использование. Виды работы в аудитории ориентированы на выполнение определенных заданий – во время их выполнения, ученики учатся взаимодействовать.

PPP (Presentation-Practice-Production). Этот подход, как можно понять из названия, предусматривает представление новой лексики или грамматики (новых лексических или грамматических функций), затем следует практика их употребления в контролируемых условиях и последний этап – свободное использование изученного (in freer or free conditions). В этом методе, как и в некоторых других, грамматические и лексические функции являются важнейшей частью речи. Типичными видами работы являются ситуативное использование изученной лексики или ролевые игры.

Лексический метод (Lexical Approach). Этот метод акцентирует внимание именно на лексике, частично или полностью убирая грамматику из процесса обучения. Внимание студентов концентрируется на изучении разных видов лексики в целом или отдельных устоявшихся речевых оборотов. Во время использования такого метода преподаватель часто применяет аутентичные ресурсы, а студенты работают с текстами, выделяя (выписывая, подчеркивая) отдельные лексемы. Также имеет место практика изученных лексем в разных условиях: контролируемых, частично свободных и свободных.

Метод функций (Functional Approach). Здесь выделяются именно функции – они являются главной составляющей языка. Однако важными являются как лексические, так и грамматические функции. Обычно изучение

происходит от наиболее употребляемых к наименее употребляемым лексемам – также учитывая специфические коммуникативные потребности студента. Процесс обучения в целом похож на PPP.

Коммуникативные методы (Communicative Approaches). Приоритетом является собственно успешность коммуникации – то есть успешное донесение мысли до собеседника с помощью грамматики, лексики, синтаксиса и другого (совокупности речевых компетентностей). Наилучший способ выучить язык – взаимодействие (interaction). Принцип: надо учить язык, а не о языке. Во время преподавания используется широкий спектр видов работ: пары, группы, работа с аутентичными материалами, принцип "Fluency rather than accuracy". Роль преподавателя сводится к курированию взаимодействия студентов (указывает на уместность работы в тройках или работы в подвижных группах) и исправления ошибок, а также введению новых единиц языка.

Грамматико-переводческий подход (Grammar-Translation Approach). В языке существует ряд грамматических правил/закономерностей, соответственно, язык изучают посредством их анализа и применения. Виды работы включают заучивание лексем наизусть, акцентирование внимания на грамматике (прямая противоположность принципа "Fluency rather than accuracy" – здесь скорее "Nothing but accuracy", а получаем "Everything but fluency"), перевод текстов или отдельных предложений из L2 на L1 и наоборот.

TPR (Total Physical Response – Полное физическое воплощение). Баланс между важностью грамматики и лексики сохранен. Обучение происходит через погружение в язык ("exposure"). Осознание предшествует использованию языковых единиц. Часто студентам нужен период молчания ("silent period"), поэтому нет смысла принуждать к диалогу. В соответствии с названием метода, язык лучше всего изучается, когда сопровождается движениями – выполнением действий физически. Также обучение должно происходить в дружелюбной атмосфере.

Суггестивное открытие (Guided discovery). Ключевой постулат данного метода – студенты лучше усваивают материал, когда открывают для себя что-то новое (элементы языка) самостоятельно, а не когда материал изложен преподавателем. Техника, в частности, может быть такой: преподаватель дает студентам пример целевого языка (скажем, текст или аудиозапись с повторяемыми лексическими оборотами), и просит студентов найти последовательность (закономерность) и сформулировать правило. Этот метод часто комбинируют из PPP, TBL и методом функций.

Content-based learning (обучение, базирующееся на содержании). Ключевым принципом является мотивация студентов к учебе посредством использования материалов, содержание (тема) которых отвечает интересам студентов и помогает им узнать что-то новое. Иностранные учебники по большей части построены именно на нем.

CLIL Content and Language Integrated Learning/обучение языку через интеграцию. Этот метод предусматривает изучение определенного предмета на иностранном языке – внимание не акцентируют ни на грамматике, ни на других лингвистических моментах изучения языка. Однако сам процесс обучения определенному предмету является интегрированным в иностранный язык. Лингвистические принципы такого метода лежат в принципе перенимание языка ("acquisition") [3: 45-90].

Это общие характеристики наиболее употребляемых методов, тем не менее, в зависимости от использования методов разными преподавателями с разным опытом некоторые параметры методов могут изменяться. Конечно, использовать один метод все время будет малоэффективным – преподаватель должен комбинировать разные подходы, создавая собственный стиль преподавания (в англоязычной литературе часто употребляют термин "eclectic approach" для обозначения субъективных комбинаций разных методов), подстраиваясь под цели, особенности, задачи и потребности студентов.

Список литературы

1. Кузьминский А.И., Омельяненко В.Л. Педагогика: Учебное пособие. – К.: Знання-Прес, 2008. – 447 с.
2. Spratt M., Pulverness A., Williams M. The TKT Course M1, 2 and 3. – Cambridge University Press, 2011. – 262 p.
3. Thornbury S., Watkins P. The CELTA Course. Trainer's Manual. – Cambridge University Press, 2007. –184 p.

УДК 82.23

ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Усачев В. А.¹, канд. филос. наук,
Усачева Г. М.², канд. пед. наук, доцент,
Усачев О. А.³

¹ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, ДНР, avercesar@mail.ru

²ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, ДНР, avercesar@mail.ru

³ГБОУ Гимназия № 2200, г. Москва, РФ, Olga030895@mail.ru

Психодиагностика основана на анализе специфики личностного и психического развития человека для определения соответствия этих особенностей требованиям определенного рода активности, определения

недочетов в проведении корректирующей работы, которая способствует выявлению определенных умений и навыков студентов, необходимых в их учебной деятельности. Вопросами психодиагностики в работе преподавателей со студентами занимались видные отечественные и зарубежные психологи и ученые-методисты, среди которых мы можем назвать А. Анастаси, К. М. Гуревич, И. Соттер, А. А. Бодалева, В. В. Столина, Г. Витцлак, Р. Сельг, И. А. Рапопорт, П. Клайн, И. А. Махлах и еще многих других.

Основные работы по психодиагностике начались в начале прошлого века, именно в сфере образования, и основным средством психодиагностики стали тесты. Тесты довольно-таки сильно стандартизированы, то есть при проведении теста студенты находятся по отношению друг к другу в равных условиях. По своему составу проверочные тесты могут быть устными, письменными, индивидуальными или групповыми. Каждый вид тестов имеет свои достоинства и недостатки, но, тем не менее, каждый из них дополняет другой и служит определенным целям, особенно это видно при тестировании знаний иностранного языка у студентов. Групповые тесты имеют преимущество в том, что охватывают целую группу тестируемых студентов, тем самым, упрощая работу преподавателя по оцениванию знаний каждого студента. Помимо тестов в психодиагностике по изучению иноязычного языка внедряется на практике широкий спектр методик и разработок, направленных на выявление способностей обучения и умений студентов по овладению языками. Основное отличие тестов от методик заключается в том, что тесты обязательно стандартизированы, как мы указали выше, регламентированы по процедурам и условиям выполнения тестовых заданий. Результаты тестов намного точнее результатов методик. Но, с другой стороны, проведение тестов, интерпретация его результатов требует определенных знаний. В связи с этим подобные тесты должны проводиться лишь преподавателями, имеющими определенную подготовку и навыки их проведения [1, с. 69].

Психологические тесты подразделяются на несколько групп, среди которых можно назвать задания на успеваемость или тесты достижений определенных речевых навыков, тесты способностей к обучению студентов, личностные тесты индивидуально взятого человека, проективные тесты студентов, которые часто используются для учебного отбора. При определении объектов психодиагностики можно следовать и по такому направлению, которое начинается от деятельности студента, связанного с овладением им иноязычной речью как средством межличностного языкового общения. Такой способ выбран и нами при изучении разнообразных факторов, влияющих на эффективность обучения студентов в процессе углубленного изучения профессионального иностранного языка. На работоспособность студента влияют такие моменты, как потребность в познании, познавательные интересы,

целестремленность и личностная ответственность. Работоспособность студента в ходе его обучения на протяжении всего курса является самым наглядным показателем успешности обучения данного студента [2, с. 25]. Приведенные нами факторы, конечно же, не являются одинаковыми по своей значительности и определенности. Одни имеют большее значение, другие значительно меньшее. Значимость указанного показателя как объекта психодиагностики может быть определена в результате его психологического анализа, а также с помощью эксперимента. Попробуем определить, сколько известных методических способов и приемов необходимо использовать преподавателю, чтобы исследовать названные объекты психодиагностики. Как считает Г. Витцлак, даже если использовать все используемые в настоящее время тысячи психодиагностических методик к отдельному студенту, то вряд ли в результате можно получить информацию, которая поможет всесторонне охарактеризовать личность изучаемого студента. Это объясняется, по мнению исследователя, не на должном уровне обоснованием психодиагностики, а также недостаточной планкой развития теории личности [3, с. 29]. Если в настоящий момент нельзя всесторонне диагностировать личность студента, то это не означает, что нельзя получить полную и ясную картину об уровне его обученности, о его личностном развитии, о других важных факторах, от которых зависит высокий уровень иноязычного обучения студента в вузе. Получение таких данных необходимо для преподавателя для того, чтобы лучше узнать учебные возможности студентов и на основании этого развивать в нужном направлении процесс его обучения в вузе. Преподаватель является, следовательно, активным участником психодиагностической работы со студентами, начатой с молодыми людьми еще со школьной скамьи. Преподавателю требуется постоянно быть в курсе последних научно-популярных работ в области психодиагностики и индивидуальных психологических особенностей студентов, что позволит в дальнейшем перейти к научным работам по психодиагностике и к изданиям, содержащим определенные методики изучения различных параметров личности студента [4, с. 86].

В данном процессе мы можем говорить о становлении лингводидактической психодиагностики, то есть научного направления, которое находится на уровне психологии и общей методики иноязычного обучения, предметом которого является изучение определенных опосредованных особенностей психического и личностного развития студента для определения его соответствия эффективной профессиональной речевой деятельности на иностранном языке, выявления недостатков в речевом развитии и в учебной деятельности, связанной с овладением иностранным языком как средством профессионального общения.

Подводя итог сказанному, мы можем отметить, что преподаватели иностранного языка имеют хорошее основание для работы по психодиагностике в студенческой среде, которая направлена на повышение возможностей обучения и усвоения иноязычной лексики. Ознакомившись с психодиагностическими исследованиями, преподаватели иностранного языка могут перейти к специальным работам, которые посвящены лингводидактическому тестированию на материале иностранного языка и результатам изучения уровней обучаемости иностранному языку среди студентов, выясненных с помощью различных тестовых заданий и практик.

Список литературы

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. Под ред. К. М. Гуревич и В. И. Лубовского – М.: Наука, 2007. – С. 69.
2. Бибрих Р.Р., Васильев И.А. Особенности мотивации и целеобразования в учебной деятельности студентов младших курсов // Вестник Московского ун-та. – Сер. 14. Психология, 1987. – № 2. – С. 25.
3. Витцлак Г. Основы психодиагностики // Психодиагностика: Теория и практика. – М.: Наука, 1996. – С. 29.
4. Дружинин В. Н. Психодиагностика общих способностей. / В. Н. Дружинин – М.: Академия, 1996. – С. 86.

УДК 378.147:811

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Шинкаренко Я. В.

ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел
имени Э.А.Дидоренко», г. Луганск, ЛНР
yana.shinkarenko@list.ru

Динамические процессы в социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни, их влияние на ментальность народа, национальные традиции, которые происходят на фоне становления правового государства, реформ политической и судебно-правовой системы, развития юридического образования в ЛНР, требуют новых подходов к подготовке современного конкурентоспособного компетентного специалиста. Профессиональная деятельность юриста предусматривает постоянное взаимодействие в сфере субъект-субъектных взаимоотношений, поэтому сформированная коммуникативная

компетентность, в том числе иноязычная, определяет характер этой деятельности, благодаря ей становится возможным дальнейший профессиональный рост и самореализация специалиста. Современный специалист должен владеть достаточно высоким уровнем языковой и иноязычной компетентности для обмена опытом с коллегами из-за рубежа, выполнения научных исследований, изучения литературы по специальности на иностранном языке и т.д.

В современной методике обучения иностранным языкам иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается как единство нескольких компонентов. Иноязычная коммуникативная компетенция включает в себя следующие компоненты компетенции: лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, дискурсивную, стратегическую и субъектную. Иностранный язык является обязательной дисциплиной высших учебных заведений системы МВД и предусматривает развитие у студентов языковой компетентности. Конечной же целью овладения иностранным языком студентами-юристами является такой уровень коммуникативной компетенции, который позволит пользоваться иностранным языком в определенной отрасли профессиональной деятельности. В юридической практике коммуникативная компетентность юриста занимает важное место, поскольку данная профессия относится к профессиям «повышенной речевой ответственности» [3, с.32], где слово – профессиональный инструмент, от мастерства владения которым зависит не только успех профессиональной деятельности, но и судьба других людей, общества в целом.

Иноязычная коммуникативная компетенция и профессиональная компетентность в условиях преподавания юридической специальности неразрывно связаны. Учитывая, что, во-первых, компоненты коммуникативной компетенции не эквивалентны по своему значению, а во-вторых, их определения не в полной мере учитывают современные достижения в методике преподавания иностранных языков и смежных наук, считаем целесообразным уточнить структуру коммуникативной компетенции. С нашей точки зрения, в состав коммуникативной компетенции целесообразно включить такие компетенции: речевую, лингвокультурологическую, лингвострановедческую и учебно-стратегическую, а также иноязычную коммуникативную компетенцию. Основными характеристиками иноязычной коммуникативной компетенции являются динамичность, имплицитность, сложность, культурная связность и относительность. Цель формирования иноязычной коммуникативной компетенции: научить взаимодействию в сфере профессионального общения на иностранном языке в соответствии с нормами и культурными традициями этого языка и достичь взаимопонимания как в прямых, так и в косвенных контактах. В обобщенном виде компетенция включает в себя знания, умения, навыки, опыт деятельности, умение работать самостоятельно. В процессе

формирования иноязычной коммуникативной компетенции последовательность предоставления знаний обучаемым, формирование умений и развитие навыков может быть различной. Поэтому студенты могут приобретать знания одновременно с овладением речевыми навыками и умениями. Целью формирования иноязычной коммуникативной компетенции является не накопление объема знаний, умений и навыков, а умение использовать свою иноязычную коммуникативную компетенцию в иноязычной профессионально направленной деятельности. Речевая компетенция включает в себя ряд компетенций: в аудировании, говорении, чтении, письме, переводе. В целом речевая компетентность определяет способности обучаемых:

- понимать на слух содержание аутентичных текстов;
- осуществлять устное общение (в монологической и диалогической формах);
- читать аутентичные тексты разных жанров и видов с разным уровнем понимания содержания, рассматривая их как источник разнообразной информации и как средство ее усвоения;
- общаться в письменной форме в соответствии с поставленными задачами;
- реализовывать функции медиатора (посредника) культур в процессе межкультурного общения;
- использовать опыт, полученный при изучении родного языка, рассматривая его как средство сознательного овладения иностранным языком.

Известно, что в современном обучении иностранному языку акцент делается не на языке как системе, а на речи. Очевидно, что речь всегда ситуативна. Ситуация определяется местом и временем, целью общения и готовностью к нему, особенностями партнеров по общению, спецификой культуры народа изучаемого языка и др. Анализ структуры коммуникативной компетенции позволяет сделать вывод о том, что иностранный язык играет важную роль в подготовке специалиста-юриста. Умение осуществлять профессионально ориентированное иноязычное общение является профессионально значимым фактором профессионального роста и карьеры будущего юриста.

Таким образом, формированию коммуникативной компетентности будущих юристов, становлению их профессиональной культуры способствуют огромные ресурсы, которые заключены в дисциплинах «Иностранный язык по профессиональной направленности», «Иностранный язык в сфере юриспруденции». Данные дисциплины способствуют развитию навыков профессионального общения на иностранном языке в соответствии с нормами и культурными традициями этого языка и достижению взаимопонимания как в прямых, так и в косвенных контактах с носителями языка.

Список литературы

1. Азизова С.М. Особенности профессионально-ориентированного обучения английскому языку студентов юридического профиля / С.М. Азизова // Педагогический журнал. – 2016. – №4. – С. 251 – 260.
2. Бессараб Т.П. Иностраный язык как способ профессиональной подготовки студентов-юристов / Т.П. Бессараб // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2015 г.). – Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2015. – С. 136-138.
3. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник / К.М. Левитан. – М.: Норма, 2008. – 432 с.
4. Нурхамитов М.Р., Геркина Н.В. Особенности преподавания английского языка для студентов юристов в университете / М.Р. Нурхамитов, Н.В. Геркина // Педагогические науки. – 2017. - №58-1. – С. 495 – 497.
5. Родионова Е.В. Особенности преподавания английского языка для юристов в вузе / Е.В. Родионова // Научные труды SWorld. – 2013. – Т 19, № 4. – С. 20-22.
6. E. Alekseeva, Optimization of the process of teaching foreign-language professionally oriented communication of students of the Faculty of International Relations: On the material of the English language: dis.... cand. ped. Sciences / — St. Petersburg, 2002. – 313 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Иностранная филология

Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий

<i>Алексеева Е.П., Басыров Ш.Р.</i> Функциональные особенности глаголов понимания в немецком, английском и русском языках	5
<i>Басыров Ш.Р.</i> Об одном виде фразеологической метафоры	8
<i>Брагина Э.Р.</i> Презентация толкового словаря по энергосберегающим технологиям. русский, английский, немецкий языки	11
<i>Герба В.В., Подгайская И.М.</i> Способы перевода конструкций с инверсией после ограничительных наречий и союзов	12
<i>Дворцова А.В.</i> Качество и способы перевода юридических текстов	15
<i>Калиущенко В.Д., Махненко И.А.</i> Корпусное исследование немецкого прилагательного dünn и русского тонкий	19
<i>Киселева Е.В.</i> Оказиональная лексика как средство создания комического эффекта в медиапространстве	21
<i>Кобзев Н.В.</i> Лексико-синтаксический повтор в английском и русском языках	24
<i>Козакова О.В.</i> Влияние информационных технологий на изменение и развитие лексического компонента английского языка	27
<i>Липанова П.К.</i> Эмотивные глаголы в предложениях, каузирующих негативное эмоциональное состояние	29
<i>Мохосоева М.Н.</i> Деривационные процессы в густативной лексике (на материале английского и немецкого языков)	32
<i>Пузик А.А.</i> Ограничения в словообразовании (на примере отадъективных глаголов эссивной семантики)	35
<i>Сорокина С. Г., Волкова Т.Я.</i> Семантическая классификация фразовых глаголов движения в английском языке	38
<i>Туарменская А.В., Туарменский В.В.</i> К вопросу о различиях в языковых картинах мира (на примере английских и русских фразеологизмов)	40
<i>Черкасова М.Г.</i> Лексико-семантические и структурные особенности психологических терминов английского и немецкого языков и способы их перевода на русский язык	42
<i>Шемякина К.Д., Волкова Т.Я.</i> Лексические особенности новостных сообщений и обзорных статей в английском и русском языках	46

Германские и романские языки в синхронии и диахронии

<i>Ветрова Э.С., Удинская А.Г.</i> Экспрессивные возможности прилагательных в английском языке	49
<i>Гапотченко Н.Е.</i> Сложности перевода официальных текстов с русского на французский язык	51
<i>Грибань Т. А.</i> Об особенностях реализации категории определённости при переводе медийных текстов с английского языка на русский	54
<i>Журавлёва Л.В.</i> Закономерности употребления предложно-именных сочетаний in+noun, on+noun в английском художественном тексте	56

<i>Симонец М.С.</i> Структурные особенности французских кулинарных терминов латинского происхождения	59
<i>Ус Ю.Н.</i> Прилагательные-ахроматические имена цвета в системе рангов в немецких текстах XVI–XIX веков	62
<i>Яхно Д.М.</i> О словообразовании имён существительных с диминутивными компонентами klein-, mikro-, mini-, minimal-, zwerg- (на материале немецкого языка)	64

Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования

<i>Агбалян М.А.</i> Сопоставительный анализ армянского, русского и французского менталитетов	67
<i>Ахмедова З.М.</i> Причины и следствия ассимиляции турок в странах западной Европы	70
<i>Бартенева В.Г.</i> Социолингвистическая интерпретация поэтонимов романа Дж. Джойса «улисс»	73
<i>Garipova A.N.</i> English borrowings and their role in language development	76
<i>Дятлова А.А.</i> Концепт «свинья», как сегмент русской, китайской и английской концептосфер	78
<i>Замышляева Д.Н.</i> Анализ средств выражения отказа мужчин и женщин в английском языке (на материале произведений Chick-lit)	81
<i>Захарова А.Л.</i> Дискурсивные практики и социальное молчание	84
<i>Карпова Н.А.</i> Проблемы межкультурной коммуникации в области права	87
<i>Ковалева Т.А.</i> Художественный текст и механизмы его когнитивной интерпретации	89
<i>Колесникова А.В., Тутаева В.И.</i> Зоометафоры в политическом дискурсе русских и американских политиков	92
<i>Крамаренко Е.К.</i> Особенности структурно-грамматической организации английских гиперболизирующих фразеологических единиц с компонентом-соматизмом	95
<i>Мишкина Н.Ю.</i> Проблема прогнозирования и словообразования современного английского языка	97
<i>Николенко А.С.</i> Концепт «животное» в русской, испанской и английской лингвокультурах	99
<i>Самарин А.В.</i> Английский язык как проводник в мире бизнеса	102
<i>Самарин А.В.</i> Политический дискурс как сегмент национальных языковых картин мира	105
<i>Теплова А.М.</i> Русский и испанский менталитеты в современном мировом пространстве	108
<i>Шевченко А.Н.</i> Концепт «зверь» в русской и английской концептосферах	110

Зарубежная литература: модус, жанр, стиль

<i>Бабий А.В.</i> Поэтика сладости в творчестве О. Уайльда	113
<i>Валерьев И.К.</i> ПЕРСИДСКИЙ МИР. VII. История одной фотографии... Фоторепортер Оливье Ребо.....	116

<i>Венжик Т.В.</i> Жанр «фантастика» как авторская попытка предсказать будущее человечества (по роману Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»)	119
<i>Вишневская Е.А.</i> Три секвенции пасхального цикла в «Прозарии» монастыря св. Марциала в Лиможе	122
<i>Голуб О.В.</i> Мотив предательства в романе Сюсаку Эндо «Молчание»	125
<i>Даскал В.И.</i> Традиции театра абсурда Э. Ионеско в творческом методе Дж. Кейджа	128
<i>Дольнева В.В.</i> Соотношение художественного и философского начал в романах Айрис Мердок	130
<i>Думчева М.Н.</i> Символика водного пространства в романе И. Бэнкса «Осиная фабрика»	133
<i>Камалова Д. Э.</i> Эссеистика в каракалпакской литературе	136
<i>Лазуткина О.А.</i> Проблема жанра «Записок о кошачьем городе» Лао Шэ в контексте антиутопии Е. Замятина «Мы»	139
<i>Мясникова М.В.</i> Соотношение факта и вымысла в романе «Шум времени» Дж. Барнса	141
<i>Ненарокова М.Р.</i> Мир зверей в средневековой латинской гимнографии	143
<i>Никола М.И.</i> Семантика заглавия романа Дж. М. Кутзее «В ожидании варваров»	146
<i>Никулина И.Н.</i> Медя как вечный образ	149
<i>Попова А.В.</i> Понятие художественной правды у Жорж Санд	152
<i>Попова-Бондаренко И.А.</i> Русский мир в стихотворении Г. Бенна «St. Petersburg – Mitte des Jahrhunderts»	155
<i>Соболева Н.В.</i> История и вымысел в романе Р. Сарду «Блеск Бога»	156
<i>Солонович А.О.</i> Танец как механизм перерождения в романе Г. Гессе «Степной волк»	159
<i>Теличко Т.Г.</i> Мотив «панических» метаморфоз в малой прозе Э. М. Форстера («Паника», «Иное царство»)	161
<i>Трыков В.П.</i> Образ Петра I в «Мемуарах» Сен-Симона	162
<i>Чуванова О.И.</i> Античные аллюзии в прозе Салмана Рушди	166
<i>Ценкова Н.Г.</i> Опыт перевода стихотворения Игоря Кочубея “Amoenitas desolationis”	168
<i>Шевченко А.С.</i> Образ зеркала в японской культуре: символика, отражение в мифологии и литературе	170

Лингводидактика и методика преподавания иностранных языков

<i>Акинина Н.В., Ряполова Н.В.</i> Совершенствование социокультурной компетенции учащихся на основе стратегий речевого поведения на уроках иностранного языка	173
<i>Банникова Е.Л.</i> Применение современных технологий обучения иностранному языку	175
<i>Барышева Е.В.</i> Осуществление компетентного подхода в процессе преподавания английского языка студентам неязыковых специальностей	178
<i>Бортенева Е.А.</i> Инновационные стратегии обучения, которые улучшают вовлеченность студентов в процесс обучения иностранному языку	181

<i>Глоба Т.Н.</i> Подкаст как одна из форм дистанционной технологии обучения французскому языку в высшей школе	183
<i>Жебеленко О.Г.</i> Коммуникативный подход при обучении грамматике французского языка	186
<i>Копуяева Л.А.</i> Original video and audio programmes in teaching English	189
<i>Косенкова-Дудник Е.А.</i> Проблемы перевода. термины-омофоны в медицинской терминологии	192
<i>Красько И.С.</i> Коммуникативный подход в обучении иностранному языку	194
<i>Маслѐнкина Н.Г.</i> Обучение быстрому чтению профессиональной направленности в рамках коммуникативного подхода	197
<i>Назаренко Е.Н.</i> Frequenzwörterbücher im Prozess der Entwicklung der deutschsprachigen lexikalischen Kompetenz von Studenten der Informations- und Technosphärensicherheit	201
<i>Панасенко К.В., Омельченко Е.М., Зуйкова О.В.</i> О некоторых особенностях формирования дискурсивной компетенции на занятиях иностранного языка	204
<i>Полякова В.А.</i> Организация аудиторной и самостоятельной работы студентов неязыковых специальностей в процессе обучения аудированию	207
<i>Прокофьева С.В.</i> Юмор как средство интенсификации обучения иностранному языку в ВУЗе	210
<i>Сахацкая М.Е., Гудова О.В., Кирилюк А.П.</i> Lucid eye – учебное пособие для оптимизации процесса обучения иностранному языку	212
<i>Суслова Э.В., Семенова Е.С.</i> Эффективность современных методов обучения лексике	215
<i>Сирота Т.А.</i> Особенности составления программ для обучения иностранному языку студентов неязыковых ВУЗов	218
<i>Тимошенко Д.С.</i> Проблемы формирования иноязычной коммуникативной компетенции у магистрантов направления «Туризм»	221
<i>Тупикина Д.С., Дружинина В.И.</i> Проблемы интерференции при обучении второму иностранному языку	224
<i>Туболева А.А.</i> Современные методы преподавания иностранного языка в ВУЗе.....	226
<i>Усачев В.А., Усачева Г.М., Усачев О.А.</i> Психодиагностическая работа преподавателя иностранного языка	229
<i>Шинкаренко Я.В.</i> Формирование коммуникативной компетентности будущих юристов средствами иностранного языка	232

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2019:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
IV Международной научной конференции
31 октября 2019 г.,
г. Донецк

**ТОМ 4
Филологические науки. Культура и искусство
Часть 1**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск доц. *Н.Е. Гапотченко*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>Н.Е. Гапотченко, М.В. Фоменко</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР
e-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14.
Тираж 300 экз. Заказ № 19окт124/5.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.